

Br/90

567

Верхнелатышский диалект

Министерство народного образования Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П.Стучки
Кафедра языков и литературы

ВЕРХНЕЛАТЫШСКИЙ ДИАЛЕКТ

Сборник научных трудов

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1989

7

ВЕРХНЕЛАТЫШСКИЙ ДИАЛЕКТ

Верхнелатышский диалект: Сборник научных трудов / Отв. ред. А.Брейдак. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки. - 1989. - 150 с.

Сборник содержит статьи по неисследованным вопросам лексикологии, фонетики, фонологии и морфологии верхнелатышского диалекта.

Издание будет интересно специалистам - языковедам, студентам - филологам, а также историкам, этнографам.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Б.Брейдак (отв.ред.), А.В.Вулане, Д.О.Маркуса.

Печатается по решению Издательского совета ЛГУ им. П.Стучки

В 4602020000-151у Рез.89
МВ12(11)-89

С

Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки,
1989

LVVA ZINĀTNISKĀ
BIBLIOTĒKA

316-8-90

948009462

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей "Верхнелатышский диалект" посвящен малоизученным и совсем неизученным проблемам верхнелатышского диалекта.

В статье Л. Лейкум рассмотрено влияние литовского, польского, белорусского и русского языков на образование некоторых латгальских говоров окрестностей Краславы, а также влияние латышского литературного языка на эти говоры.

В статье Л. Юргите рассмотрен до сих пор мало исследованный вопрос об именовании латгальцев (не только официальные, но и бытовые формы антропонимов) в Извалте Краславского района Латвийской ССР.

Три статьи в сборнике посвящены фонетике и фонологии верхнелатышских говоров. В статье А. Брейдака дан анализ суперсегментных единиц (слоговых интонаций) в фонологической системе глубоких говоров Латгалии. На основе инструментальных исследований в статье Д. Маркус рассмотрены слоговые интонации в иезмерском и в соседних с ним говорах северо-восточной Видземе, а в статье А. Сарканиса — слоговые интонации в салонском калдабруньском говоре восточной Земгале.

Две статьи в сборнике посвящены вопросам морфологии. В статье А. Булане дан анализ некоторых древних суффиксов прилагательных латгальских говоров, а в статье А. Стафецкой — анализ до сих пор совсем неисследованной проблемы — системы местоимений в памятниках старолатгальской письменности.

Сборник статей предназначен для специалистов по латышскому языкознанию и студентов-филологов специальности "Латышский язык и литература".

СУПРАСЕГМЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЕ ГЛУБОКИХ ГОВОРОВ ЛАТГАЛИИ

К супraseгментным единицам в глубоких говорах Латгалии (на востоке Латвии) относятся словесное ударение и слоговые интонации (тонемы).

В глубоких говорах Латгалии ударение слова фиксированное. Оно падает, как правило, на первый слог слова, гораздо реже — на второй, третий или четвертый слог. Ударение слова в этих говорах выполняет кульминативную и делимитативную функции. Также случается, когда ударение слова на уровне предложений и высказываний выполняет и дистриктивную функцию (напр. 'tu 'pələ 'eši 'ты — мн.л' (3 слова): 'tu'pələ 'eši '(ты) — туфля' (2 слова) Балтинава, Шкилбены), в глубоких говорах Латгалии крайне редки.^I

Перенос ударения в слове в глубоких говорах Латгалии всегда выполняет экспрессивную функцию, поэтому он по своей роли не является фонологическим.

^I См. также Герденис А.—С.А. Теоретические основы литовской фонологии: Автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук.—Вильнюс, 1983,— С.45.

В глубоких говорах Латгалии, как и в других говорах латышского языка, слоговые интонации выполняют дистриктивную функцию.²

В этих говорах наличествует значительное количество слов и словоформ, которые в зависимости от нисходящей или прерывистой интонации, а в некоторых периферийных говорах (Аташине, Ливаны, Извалта) и в зависимости от нисходящей или восходящей интонации (см. карту I) отличаются лексическим, лексико-грамматическим или грамматическим значением, хотя по составу фонем эти слова и словоформы идентичны, напр. [dãt'] 'изготавливать, изготовить (колбасы)': [dãt'] 'власть (яйца)'.

² Ивачов Вяч.В. О прерывистой интонации в латышском языке // Сборник статей, посвященный акад.проф.доктору Яну Эндзелю в связи с 85-летием со дня рождения и 65-летием научной деятельности. - Рига, 1959, - С. 133; Lelis J. The Place of Letgalian among the Baltic Dialects: A thesis presented ... to the Department of Linguistics in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the subject of Linguistics. - Cambridge, Mass., 1961, - P. 63, 66 - 74; Zeps V.J. Latvian and Finnic Linguistic Convergences. - Bloomington, the Hague, 1962, - P. 52 - 53, 63 - 64; Grisle R. Letviešu heterotoni // Donum Balticum: To Professor Christian S. Stang on the occasion of his seventieth birthday 15 March 1970, Stockholm, 155.- 161. lpp.; Idem. Letviešu zilbes intonāciju semantiskais svārs // Baltistics, -1972.- 1. priekšs., -73.- 81. lpp.; Girdenis A. Fonoloģija. - Vilnius, 1981, - P. 194.

Звиргздене, Нирза, Пилда, Цюбла, [ʒ'èit'] 'гнать; вбивать, вкочивать, вгонять; загонять; травить (зверя); проводить (бороду)': [ʒ'èit'] 'закрывать, затягиваться' Аглона, Айзкалне, Звиргздене, Нирза, Пилда, Сакстагалс, Цюбла, [kùo] 'кого, чего' (род.пад.ед.ч.): [kùo] 'как' Варкава, Ликона, Преяли, Рудзети, [tùo] 'того' (род.пад.ед.ч.): [tùo] 'так' Варкава, Ликона, Преяли, Рудзети, [kù] 'кого, что' (вин.пад.ед.ч.): [kù] '(с) кем, (с) чем' (инстр.пад.ед.ч.) Варакляны FBR XI III, [tù] 'того, то, ту' (вин.пад.ед.ч.): [tù] '(с) тем, (с) той' (инстр.пад.ед.ч.) Варакляны FBR XI III, Преяли FBR VIII 16.

В корреляции двух тоном – нисходящей и прерывистой или нисходящей и восходящей слоговых интонаций – немаркированным членом является нисходящая интонация, ибо при нейтрализации слоговых интонаций в глубоких говорах Латгалии всегда устраняются прерывистая и восходящая интонации.

Длительно-нисходящую интонацию (напр. [nàut'] 'не обувать, не обувь' Звиргздене, Нирза, Пилда, Цюбла) следует трактовать как аллотон тоны – нисходящей слоговой интонации, а нисходяще-прерывистую интонацию (напр. [nàùst'] 'не ткать' Нирза, Звиргздене, Пилда, Цюбла) – как последовательность нисходящей и прерывистой слоговых интонаций.

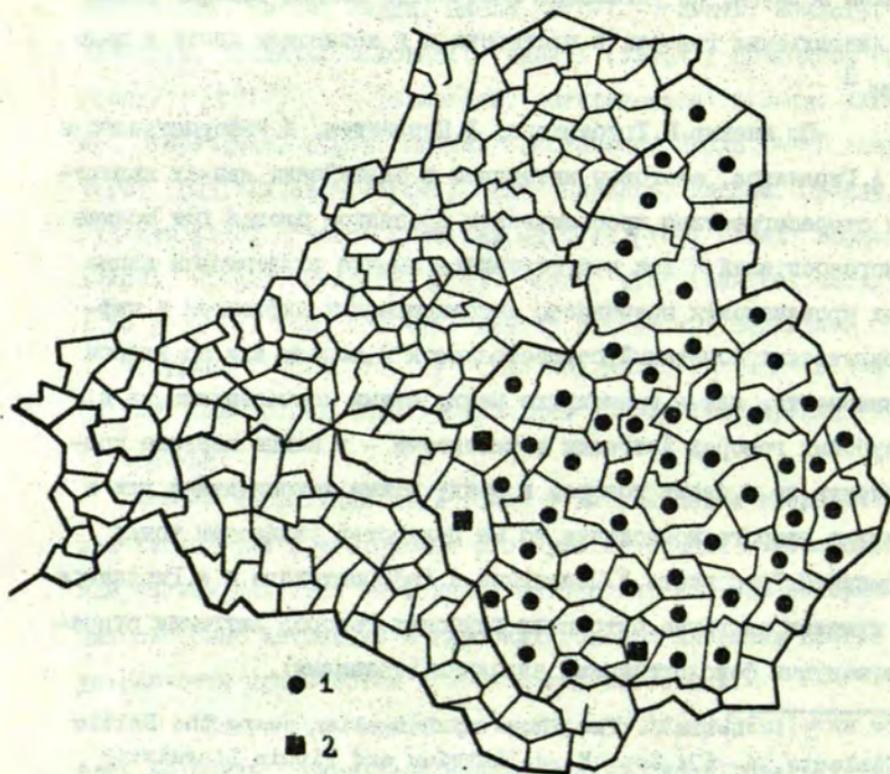
Я.Лелис и В.Зепс считают, что слоговые интонации свойстве ты одному линейному элементу – гласному (в дифтонгах и дифтонгических сочетаниях первому компоненту), а не слогу в целом. В.Зепс даже считает, что нисходяще и прерывисто интонированные долгие гласные являются самостоятельными фонемами.

Таким образом, он удваивает количество долгих гласных фонем в латгальских говорах в частности и в латышском языке в целом.³

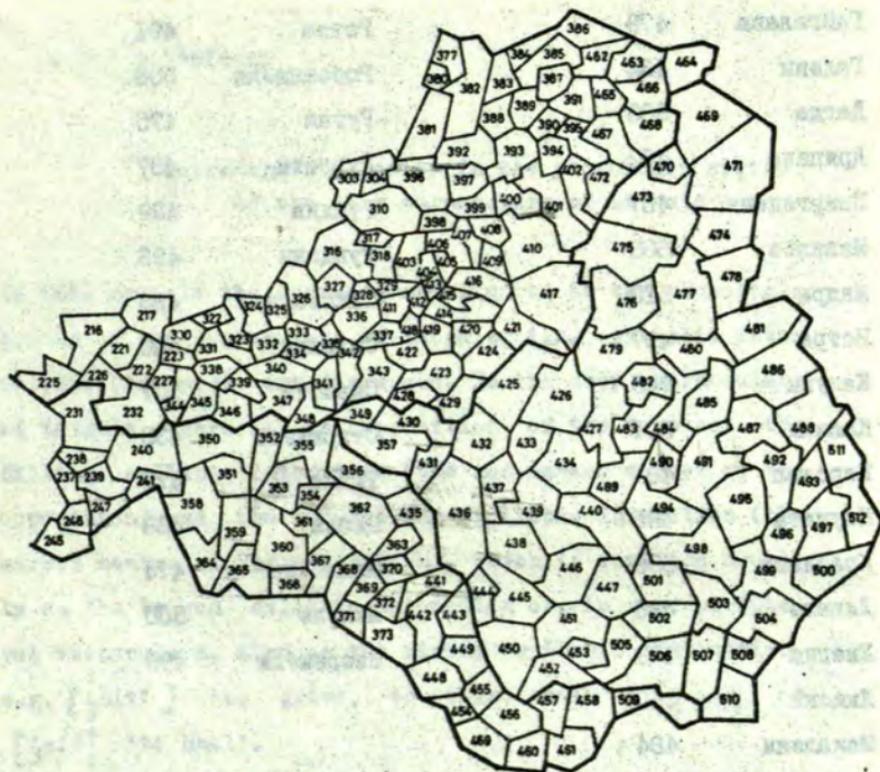
По мнению Н.Трубецкого, Л.Цеплятиса, А.Реформатского и А.Гирдяниса, слоговые интонации в балтийских языках являются супрасегментным просодическим признаком слогов или точнее слононосителей.⁴ Так как гортанная смычка в латышском языке при произношении прерывисто интонированных дифтонгов и дифтонгических сочетаний осуществляется в первом или во втором компоненте, или в промежутке между этими компонентами, а в глубоких говорах Латгалии в частности - в конце первого компонента, но в части говоров и между этими компонентами или в начале второго компонента, то мы полностью разделяем точку зрения Н.Трубецкого, Л.Цеплятиса, А.Реформатского и А.Гирдяниса и считаем слоговые интонации глубоких говоров Латгалии супрасегментным фонологическим явлением (тонемами).

3 Lelis J. The Place of Letgalian among the Baltic Dialects, p. 63; Zeps V. J. Latvian and Finnic Linguistic Convergences, p. 52 - 53.

4 Trubetzkoy N.S. Grundzüge der Phonologie // Travaux du Cercle Linguistique de Prague.- 1939.- Vol.7.- S. 166 - 167; Трубецкой Н.С. Основы фонологии.- М., 1960,- С. 206-207; Цеплятис Л.К. Анализ речевой интонации.- Рига, 1974,- С.65; Реформатский А.А. Фонологические этюды.- М., 1975,- С.43-50;

Карта I. Тонемы в глубоких говорах Латгалии: 1 - оппозиция нисходящей и прерывистой слоговых интонаций; 2 - оппозиция нисходящей и восходящей или прерывистой слоговых интонаций.

Карта 2. Нумерация глубоких говоров Латвии (по Диалектологическому атласу латышского языка).

Аглона	447	Берзгале	485
Айзкалне	446	Берзпилс	476
Андрупене	498	Бикерниеки	453
Асуие	504	Бриги	511
Аташине	432	Варакляны	426
Аулея	502	Варкава	438
Балви	473	Виксна	470
Балтинава	478	Виляка	471
Баркава	425	Виляны	427

Вешки	451	Прейли	439
Гайгалава	479	Резна	491
Галены	434	Робекниекс	508
Дагда	503	Руган	475
Дрицены	482	Рудзети	437
Звиргадене	487	Ружина	489
Извалта	505	Руидены	496
Индра	510	Сакстагалс	483
Истра	497	Смляни	440
Калупе	445	Скайста	507
Каплин	501	Стирмене	433
Карсава	481	Тялка	477
Кауната	495	Цюбла	488
Краслава	506	Шкылбени	474
Ливаны	436	Шядуе	500
Лиепна	469	Эзерниекс	499
Ликсна	450		
Макашены	484		
Малта	494		
Мердзене	486		
Науене	452		
Наутрени	480		
Нярза	493		
Ниггале	444		
Озолайне	490		
Паскене	512		
Пялда	492		

A. Breidaks

Suprasegmental units in the phonologic system
of the deep vernaculars of Latgale

In this article the suprasegmental units in the phonologic system of the vernaculars of Latgale, i.e. syllabic intonations (tonemes) are discussed. In the deep vernaculars of Latgale there is the opposition of two tonemes: the falling syllabic intonation (the non-marked member of the opposition) and the non-falling syllabic intonation (the marked member of the opposition), which is realised usually as the broken syllabic intonation or, in some peripheral vernaculars, also as the rising syllabic intonation, e.g. [₃èit'] 'to drive, to chase away' - [₃éit] or [₃éit'] 'to heal'.

О НЕКОТОРЫХ ДРЕВНИХ СУФФИКСАХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ЛАТГАЛЬСКИХ ГОВОРОВ ВЕРХНЕЛАТЫШСКОГО ДИАЛЕКТА

Более чем 500 говоров трех диалектов латышского языка также как народные песни хранят в себе непереоценимые лингвистические богатства. Ведь говоры — это источник нашего литературного языка, и, чем богаче источник, тем богаче будет язык. Но, чтобы язык звучал, помимо других аспектов, надо отыскать все возможные пути его обогащения, при этом тщательно исследуя его историю. Говоры — это не только явление настоящее, это еще и живая история образования, развития языка, это закодированная система знаков, через которые с нами говорит наше прошлое, детство нашего языка. "Одной из актуальнейших проблем латышского языкознания .. является вопрос об источниках и развитии латышского литературного языка. Это вопрос о языке народа и о диалектных формах, другими словами, формах говоров, о взаимоотношениях между литературным и письменным языком и их отношении к разговорной речи всего народа .."¹

Говоры верхнелатышского диалекта являются хранителями многих архаизмов, в том числе и в деривационной системе прилагательных. В статье дан обзор некоторых древних суффиксов, которые в наши дни либо уже не используются в латышском литературном языке, либо их применение в диалекте отличается от литературного языка, но совпадает с соответствующими явлениями в литовском языке, свидетельствуя о сохранении в говорах более архаичных форм.²

¹ О з о л а А. Latviešu tautasdziesmu valoda. — R.: LVI, 1961. — 5. lpp.

² В статье не анализируется применение суффиксов -inis, -īns, т.к. их обзор дан в статье: В у л а н е А. Adjek-

Суффикс -ain-. Словообразовательный суффикс -ain- является продуктивным и активным средством образования новых прилагательных латышского языка. Это суффикс, характерный для деривативной системы балтийских языков. По мнению Я.Эндзелина, "в латышском языке прилагательные на -ains или -ainš очень характерны, причем -ainš, наверное, является преобразованием более древнего, в некоторых восточных говорах еще встречающегося форманта -ainis (= lei. -ainis)".¹ Есть основание предполагать, что формант -ainis действительно является более древним формантом, в структуре и оформлении которого произошли подобные преобразования, как и в структуре форманта -inis.² Суффиксы -ain-, -ain(j)- соотносятся с литовскими суффиксами -aina-, -ainja-.

Древний словообразующий формант -ainis до наших дней еще сохранен в говорах верхнелатышского диалекта /ВД/, а также во многих нижнелатышских говорах.

Прилагательные на -ainis зарегистрированы главным образом в латгальских говорах /ЛГ/, напр., smilkšainš kroacs /Скс/; leitainš laiks /Рж/; starainš oškāys /Рдз/; dublainš laiks /Крс/; caimainš tēirums /Кя/; muokuvainš // muokulainš laiks /Кл/; užbulainš zvāks /Гр/; mūlainš koīnc /Эз/; smilkštainš zānis /Дг/; dublainš cēlš /Цс/.

Таких прилагательных в диалекте довольно мало, и те same нередко употребляются параллельно с прилагательными, образованными формантом -ains или другими формантами.

tīvu ar -inis, -ine derivācija un atributīvā funkcija augšzemnieku dialektā // LPSR ZA Vēstis, 1986, Nr.1. - 73.-84.lpp.

¹ Endzeliņš J. Baltu valodu skapas un formas // Endzeliņš J. Darbu izlase. - R.: Zinātne, 1982. - 4.sēj. 2.d. - 480.lpp.

² См. Vulāne A. Adjektīvu ar -inis, -ine derivācija un atributīvā funkcija augšzemnieku dialektā // LPSR ZA Vēstis, 1986, Nr.1. - 73.-84.lpp.

Я. Каулиньш считает, что производные с формантом -ains в говоре Саусней более позднего происхождения и заменяют более древние производные на -ijs, -ojs, -uots, -ējs, -ājs.¹

Данное положение можно отнести и ко многим другим говорам Вд, т.к. дериваты на -ains все чаще используются /а то и вовсе заменили/ вместо некоторых более древних адъективов, напр., dublōis cēl's // dublāinc cēl's /Др/.

Производной базой прилагательных на -ainis послужили существительные - как первичные, так и производные. Если смотреть на этот тип образования в синхронном аспекте, то преобладают образования от первичных существительных, т.к. многие изначально производные /т.е. мотивированные основой другого слова/ слова со временем потеряли мотивацию. В результате этого в наши дни в таких словах суффиксы не выделяются, они трактуются как первичные.

В говорах, в которых еще встречаются прилагательные на -ainis, использована деривационная модель S + -ain- → A, напр., mūolāinā zāms /Др/; dūraiņi cīmdī /Бр/; ragāinc ukšūnc /Гр/; sraļaini līni /Кл/; sprūgāņuos koldruņ /Кл/; caļmaņra vīta /Др/; smilkšainā zāms /Эз/.

Часть прилагательных на -ainis соответствуют модели S-sf + -ain- → A. Их особенностью является то, что производящей базой служат существительные, образованные в основном непродуктивными /в диалекте/ суффиксами, напр., dekuļainā vyste /Кл/; mūkuļainā laiks // mūkuņainā ← /Кл/; dratalāinā pūctaga /Кл/.

Из собранного материала выявлено только одно отглагольное прилагательное /модель Υ + -ain- → A) - grizāinā jūsta /Кл/.

Часть этих прилагательных подверглись субстантивации и употребляются /в пределах того же или другого говора/ как существительные наряду с соответствующими адъективами. Не-

¹ Каулиньш J. Adjektīvu piedēkļa -ains uzvaras gaitē // Filologu biedrības raksti. - 1934. - 14.sēj. - 70.lpp.

редко преобладает форма существительного, напр., starāinc /Др/. В виде субстантивов прилагательные на -ainis встречаются и в литературном языке /ЛЯ/, напр., pirkstaini, dūraini. Подобные субстантивы функционируют и в нижнелатышских говорах.

Семантическая структура производных неоднородна. Суффикс -ain- является носителем значения обладания признаком в высокой степени как основного деривационного значения. Анализируемые прилагательные главным образом обозначают признак предмета, проявляющийся снаружи.

1. Адъектив указывает на признак, присущий предмету в большой мере и главным образом воспринимаемый зрением. Этот признак может быть:

а/ постоянным, напр., leitāinc rudinc /Скс/; mūku-pāinc laikis /Кл/; viejāinc laikis /Ар/; sāimāinc tēirims /Кн/; svečaini saimi /Нт/;

б/ постоянное качество, тесно связанное со значением мотивирующего слова, качество обычно связано с вкусовыми или другими особенностями предметов, которые трудно определить глазом, напр., tāukāinc svīsc /Др/;

в/ кратковременным, переходным, случайным, напр., dyu-mainā ustoba /Вл/.

В зависимости от контекста к этой семантической подгруппе можно отнести и некоторые прилагательные подгруппы а/, напр., в словосочетании puteklāinc cēlīs /Скг/ - прилагательное puteklāinc может быть использовано в более обобщенном значении и характеризовать постоянное качество, или же - в более конкретном значении - указывая на проявление данного признака в короткий момент, напр., когда прошла машина и поднялась пыль.

2. Прилагательное указывает на признак, который выделяется на основании сходства с предметом, названным производимым словом. Адъектив обозначает постоянный, в основном очевидный признак; нередко используется в переносном значении, напр., ūbulāinc zūks /Гр/; dakšaini ofklī /Рдз/; gol-dāinā skarepa /Кл/; mūtāinīs būlvys /Др/.

3. Прилагательным указывается на примесь того, что названо мотивирующим словом, напр., mùlèinč ùdènc /Pг/; srajàini lìni /Кл/.

4. Адъектив указывает, что поверхность покрыта тем, что названо мотивирующей основой, напр., ajràiniš rùkys /Кл/.

5. Производное прилагательное характеризует структуру предмета, напр., šyunàinč ruduks /Скг/.

6. Прилагательное указывает на материал, из которого что-то изготовлено, или на состав чего-то, напр., vatàinš korpa /Bp/; mùlèinùc zèms /Аул/; smilkšàipa zèlā /Ac/; trūdaine plc^ava /Cay/.

Эта группа прилагательных отличается от ЛЯ тем, что там подобные значения выражаются словосочетанием, первым компонентом которого является существительное в форме родительного падежа, напр., vilnas zèkes, или сложным словом, напр., smilžeme.

7. Дериват может указать на: а/ орудие труда, с помощью которого что-то изготовлено, напр., calàiniš jùstys /Bp/; б/ способ, прием изготовления предмета, напр., grizàipa jùsta /Кл/.

8. Прилагательное указывает на характерное качество предмета, противопоставляя его другому предмету /лицу/, у которого данное качество отсутствует /за неизменением того, что названо мотивирующим словом/, напр., ragàinč vucùnc /Из/; staràinč òktyš /Pдз/; dubultàini šimdi /Bp/; dyuràini šimdi /Bp/; kulèini šimdi /Асн/.

9. На основе сходства прилагательное может называть цвет, характерный для предмета, обозначаемого мотивирующим словом, напр., syfnàiniš sukniš /Кл/; mùlèipa drabē /Пл/.

Как уже отмечалось, не все рассмотренные прилагательные подлежат строгому распределению по семантическим группам, т.к. в их словообразовательном значении заключаются, помимо основного, еще какие-нибудь оттенки значения, относящиеся к семантике другой группы, напр., прилагательное buordainc не только противопоставляет по признаку данного человека другому - неизмежному борода, но и указывает на признак, присущий

ему в большой мере и воспринимаемый зрением. Прилагательное piestāini, напр., еще указывает и на определенное количество и т.п., поэтому в некоторых случаях допускается и другое семантическое классифицирование анализируемых прилагательных.

Во многих говорах производные с суффиксом -ain- функционируют наряду с соответствующими формами прилагательных, образованных при помощи других суффиксов, напр., -aj-, -āt-, -uot-, -ig-. Наблюдается и функционирование адъектива параллельно с формой родительного падежа существительного. В семантическом аспекте эти формы могут быть одинаковы либо иметь некоторые расхождения, напр., spalāini - // spalubti lini /Ск/; pubulāinā - // pubuloja - // pubuluota žēis /Шкл/.

Суффиксы -aj-, -uoj-. "Только в говорах, особенно в верхнелатышских, встречаются адъективы на -ajs приблизительно с тем же значением, что и формы на -ains 158 §; редко в нижнелатышских говорах: RW 14594 из Кабиле 28284 вар. из Калданы, toika(j)s² из Пуоле, spilktajs из Иванде FBR VI 57, avotajs pļeva из Турайды."¹

В говорах ВД суф. -aj- функционирует в виде фонетических вариантов -aj² и -oj-, напр., seimāis /Д/; sil-kēois /Ис/.

Распространение адъективов этого типа регионально ограничено, они не охватывают все говоры одинаково. Функционирование того или другого варианта обусловлено фонетическими особенностями отдельных групп говоров ВД. Так, для ЛГ более характерно употребление суф. -oj-, в свою очередь -aj- и -aj- встречаются главным образом в селонских говорах /СГ/.

Лтл. -aj- соответствует лит. -ojs-, о происхождении

¹ E n d z e l i n s J. Latviešu valodas gramatika. - R.: LVI. - 1951. - 284.lpp.; Baltu valodu skaņas un formas. - 170.lpp.

² В большинстве восточных говоров а в суффиксальном слого лабиализировано и превращено в дифтонг.

которого П.Скарджус писал, что в литовском языке суф. -oja- образован путем присоединения суф. -ja- к гласному основн -o-.¹ Деривационной базой адъективов на -ajs, а также -ajs преимущественно служат субстантивы. Словообразовательной моделью таких прилагательных является модель S + -aj- → A или S-sfd + -aj- → A, напр., mūoldis /Бзг/; smiltājs /Д/; dublais /Крв/.

Прилагательные на -ajs могут быть мотивированы также адъективами и быть образованы по модели A + -aj- → A, A-sf + -aj- → A, напр., līsoja /Бт/; stāignis /Нт/; mēīnīškois /Влн/.

В некоторых верхнелатышских говорах наличествует и суф. -uoj-.² Прилагательные на -uoja- существовали и в литовском языке, но уже П.Скарджус отметил, что этот суффикс в литовском языке встречается в некоторых топонимах, напр., Karkluoja < *karkluojas.³

Этот суффикс традиционно рассматривается как самостоятельная морфема, а не как морф - фонетический вариант суф. -aj-. Я.Эндзелин допускает следующую этимологию данного суф.: -uoj(a)s < -aj(a)s + -uot(a)s?,⁴ что отвергается П.Скарджусом.⁵ Решение этого вопроса /как и других подобных проблем/ является задачей исследований истории словообразования, поэтому в данной статье не подлежит доскональному анализу.

В лтш. языке адъективы с суф. -uoj- встречаются глав-

¹ S k a r d ž i u s P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. - Vilnius, 1941. - 85.p.

² R u d z i t e M. Latviešu dialektoloģija. - R.: LVI, 1964. - 322.lpp.

³ S k a r d ž i u s P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. - 87.p.

⁴ E n d z e l i n s J. Latviešu valodas skapas un formas. - 392.lpp.

⁵ S k a r d ž i u s P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. - 87.-88.p.

ным образом в переходном ареале между восточными говорами и силтш. диалектом, напр., miltuojs /Ссн/¹. Кроме того, адъективы этого типа встречаются в южных говорах Латгалии и в ЛГ Видземе.

В деривации прилагательных на -uojs использованы модели S + -uoj- → A, S-sfd + -uoj- → A, напр., zoguojis /Лд/, caimuojs /Бр/. В собранном материале не удалось выявить отадъективных прилагательных, но это еще не дает основания считать, что их нет. При наличии более обширного материала они могут быть обнаружены.

С семантической точки зрения прилагательные на -ajs и -uojs близки, поэтому лексико-семантический обзор произвели, не разбивая их на отдельные группы.

Анализируемые адъективы в виде основного деривационного значения имеют значение 'как отличающий признак в большой мере присуще то, что названо мотивирующим словом'.

1. Отсубстантивные прилагательные указывают на то, что предмет наделен довольно большим количеством того, что обозначается производящим словом, напр., žuburojs /Цб/; zorojs /Пл/; rubulojs /Аул/; caimojis /Скг/; spduvojs /Звр/; sekrojs /Пл/; kukužojs /Нт/; tāčtojs /Нт/; dūķšrojs /Нт/; ceļmājs /Д/; zoguōji /Лд/; fo:ruōji /Ес/; kālnuojs /Вс/; caimuojs /Крс/.

К этой же группе можно отнести прилагательные со значением 'имеющий в какой-нибудь степени то, что названо мотивирующей основой'. Это качество более внутреннее, снаружи меньше заметно, напр., svekelojs moška /Нт/; ruņiruojs /Бзг/; tāukojs /Нт/; suluōjis loksc /Пра/.

2. Отсубстантивные дериваты могут указывать на примесь чего-то, напр., mīlojs ūls /Нт/; dūņojs iūđinē /Влн/; zvirgzduoja, valēņuoja zeme /Вст/.

¹ E n d z e l i n s J. Latviešu valodas skapas un formas // Darbu izlase. - R.: Zinātne, 1981. - 4.sēj. l.d. - 392.lpp.; K a u l i p š J. Adjektīvu piedēkļa -ains uzvares gaita. - 73.lpp.

3. Адъективы, указывающие на состав чего-то, семантически близки с предыдущей группой прилагательных, напр., smilkšoja zāmlā /Бр/; mūolois koīnc /Ис/; plīnois /Бр/; muolāis /Крв/; mālāis /Г'/; smiltūojs /Аб/.

4. Прилагательным характеризуется какое-либо переходящее качество и указывается на то, что предмет чем-то измазан, покрыт, напр., dublojys kūojeñis /Скг/; zīdojis kūojys /Крс/.

5. Некоторые прилагательные указывают на цвет, напр., mūoloja drābā /Пл/; mēlniškōis /Нт/. Последний дериват имеет и значение уменьшения качества.

6. Адъектив указывает на сходство в каком-нибудь качестве или свойстве с тем, что обозначается производящим словом, напр., ladois iūdīnc /Бзг/; būrtoja / < burtā / zuolā /Нт/; mūttojis būbīs /Крс/; iūdikšoji būbiki /Нт/; pučkšois gais /Нт/ /debesis, klātas ar nelieliem mākoņiem/; zaiūkšois bārcs /Нт/ /vesels, spēcīgs/; miltūojs ābušlā /Пра/.

7. Некоторые прилагательные выражают значение 'склонный к какому-нибудь действию или обладающий каким-нибудь качеством', напр., stāignois /Нт/; mīgois /Звр/.

8. Зарегистрировано лишь одно прилагательное на -aj-, имеющее значение уменьшения, напр., sytois /Рж/. Значение уменьшения имеет и адъектив mēlniškōis /Нт/, но предполагается, что в этом слове основным носителем данного значения является суф. -išk-.

Часть прилагательных с суф. -aj-, -oj- неоднозначны, поэтому их выделение в одну или другую лексико-семантическую группу не всегда достаточно корректно. Значение таких адъективов, и тем самым их семантическая группировка, зависит от непосредственной окружности этого слова, от контекста, кон-ситуации. Так, напр., адъектив dublois /Др/ может выразить следующие значения: а/ 'такой, где много грязи', напр., dublois cēlā; б/ 'такой, где есть примесь грязи', напр., dublois iūdīnc; в/ 'покрытый, испачканный грязью', напр., dubloji zuoboki.

Адъективы на -ājs, -uojs имеют синонимы среди дериватов на -ains, напр., mūoldinc /Др/; -āts, напр., spōivuočs /Кл/; -ijs, напр., smiltijs /Вст/; -inis, напр., mūolinā zēnē /Кл/; -uots, напр., mūoluočs /Кл/.

Суффикс -an-. Широкое употребление в говорах ВД получил суф. -an-, функционирующий в одной части говоров в виде фонетического варианта -ān-, в большинстве ЛГ -on-.¹ В нлш. говорах также встречаются производные на -an-, напр., lupkans /Браслава/.² Суффиксальный вариант -on- в ЛГ совпадает с соответствующим литовским суффиксом, т.к. в литовских говорах a перед тавтосиллабическими носовыми согласными превращен в o или u.³ Таким образом, можно говорить о функционировании в говорах ВД более древнего суффикса, восходящего к иде. -ano-, суффикса, соотносящегося с балт. -ana-, -anā-.

Дериватам на -ans ВД в ЛЯ соответствуют главным образом прилагательные на -ens и некоторые производные на -ans; семантически они в некоторых случаях расходятся, напр., лш. valdens 'сладковатый' и диал. soždōnc 'сладкий'.

В некоторых говорах ВД, преимущественно в СГ, тоже используется суф. -en-, напр., skābēns /Д/.

Прилагательные с суф. -an- встречаются также в литовском языке, напр., balzganas 'бледноватый'.⁴

В ВД прилагательные с суф. -an- образуются преимущественно на базе первичных или же образованных с помощью zd адъективов. В качестве мотивирующих основ могут использоваться также существительные и глаголы.

¹ О преобразовании a > o см. E n d z e l i n s J. Baltu valodu skaņas un formas. - 423.lpp.

² См. R u d z i t e M. Latviešu dialektoloģija. - 323.lpp.

³ E n d z e l i n s J. Baltu valodu skaņas un formas. - 423.lpp.

⁴ S k a r d ž i u s P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. - 227.p.

1. $A + -an \rightarrow A$ ($A-sfd + -an \rightarrow A$). Прилагательные этой деривационной модели встречаются чаще других и покрывают весь исследуемый ареал, напр., dižānc /Пра/; soīdānc /Крв/; sēmōnc /Нт/; brūunōnc /Др/; soīkōnc /Аул/; soīdōnc /Аг/; mēikstōnc /Гр/; oroīōnc /Звр/; lēikōanc /Акн/.

2. В некоторых говорах зарегистрированы прилагательные модели $A-sf + -an \rightarrow A$, напр., zyī^egonōnc /Звр/; bolzgonōnc /Звр/; rūuzgonōnc /Звр/; soīkonōnc /Нт/.

Фактически прилагательные, имеющие в основе $-g-$, соответствуют модели $A-sf + -an \rightarrow A$, т.к. первая фаза деривации была $A + -g \rightarrow A$ и только после этого на второй фазе присоединился суффикс $-an-$, потом второй суффикс $-an-$, придающие слову каждый свои нюансы значения уменьшения.

3. $S + -an \rightarrow A$ ($S-sfd + -an \rightarrow A$). К этой модели относятся малоколичественная группа прилагательных, мотивированных основой первичных и некоторых вторичных /в дескриптивном аспекте/ существительных, напр., slōvōnc /Агл/; varōnc /Кл/; puōtōnc /Ак/; mūltona /Аул/; vūnōnc /Др/; vūlnoanc /Би/; vūlnūōnc /Кл/; vīllānc /Мдз/.

Следует отметить, что некоторым прилагательным, напр., slītānc, vīlnānc, в ЛЯ соответствуют прилагательные на $-ains$.

4. $V + -an \rightarrow A$, $V-sf + -an \rightarrow A$. Прилагательные, представляющие эти модели деривации, тоже малочисленны. Альтернативы мотивируются преимущественно унаследованными основами глаголов. К данным деривационным моделям относятся следующие прилагательные: kōrdānc /Акн/; slarānc /Др/; troīōnc /Акн/; lūkōnc /Др/; lūnkōnc /Аг/; oīkōnc /Шл/.

В этом же подразделе рассмотрим и прилагательные, образованные суффиксом $-gan-$, являющимся главным образом носителем значения уменьшения интенсивности признака. В Грамматике латышского языка данный формант анализируется как одна морфема. Но там же находим предположение, что суффикс $-gan-$ возник в результате переразложения морфологического корня слова /напр., valg-s/: согласное $-g-$ из состава элемента корневой морфемы перешел в состав суффикса $-an-$, после чего

суффикс -gan- абстрагировался и начал функционировать как словообразующий суффикс.¹ Я.Эндзелин в подобных дериватах не отделяет -g- от корневой морфемы и говорит только о суффиксе -ana-²; -gan- в качестве морфемы выделяется только по отношению к дериватам типа mel(n)gans.³ Такое расхождение в определении данного суффикса объясняется наверно тем, как определяется мотивирующая база. Посмотрим это на примере образования прилагательного /3/ zalgans /диал. zalgons /Др//. Слово соотносится с двумя родственными словами - /1/ zalg и /2/ zalg. В прилагательных /2/ и /3/ можно выделить корень, полностью совпадающий с корнем прилагательного /1/ - zalg. Из этого следует, что адъектив /2/ образован на базе адъектива /1/ с помощью словообразовательного суффикса -g-, а адъектив /3/, в свою очередь, образован на базе этого производного, присоединяя к основе zalg- деривационный формант -ans. Если за мотивирующую базу принимается основа соответствующего глагола zalg-o-t, тогда тоже нет основания объединять суффиксы -g- и -an- в одну морфему, т.к. -g- является деривационным элементом другого слова /2/. Следовательно, деривационные суффиксы прилагательных типа zalgans присоединяются к производящей основе, состоящей из корня и суффикса -g-. О суф. -gan- можно говорить только относительно адъективов типа melngans.⁴

В семантическом аспекте прилагательные на -an- неоднородны.

1 Masdienu latviešu literārās valodas gramatika. - R., 1959. - 249.lpp.

2 E n d z e l i n s J. Baltu valodu skaņas un formas. - 474.lpp.

3 E n d z e l i n s J. Latviešu valodas gramatika. - 294.lpp.; Latviešu valodas skaņas un formas. - 394.lpp.; Baltu valodu skaņas un formas. - 474.lpp.

4 См. E n d z e l i n s J. Latviešu valodas gramatika. - 294.lpp.; Masdienu latviešu literārās valodas gramatika. - 249.lpp.

В диалекте прилагательные на -an- используются в основном для выражения значения уменьшения, ограничения интенсивности качества, а в отдельных случаях - для нейтрального обозначения признака. К последним относятся преимущественно отглагольные производные и часть дериватов, первоначально имевших значение уменьшения признака. Со временем эти прилагательные, потеряв мотивирующее слово, лишились деминутивного значения и в наши дни используются как нейтральные. Я.Эндзелин отметил: "Прилагательные, образованные этим суффиксом от адъективов, обозначают то же самое, что и немецкие формы на -lich, напр., rötlich, süßlich и др. /ср. деминутивное значение в слове deitene и др. 144 § e), напр., saldene или saldans рядом с salds; siltans² /верхнелат. a здесь наверно вместо e/ .."¹

1. Дериваты с суф. -an- обозначают признак, который воспринимается органами чувств и ограничен в своем проявлении. Эти прилагательные указывают на:

а/ цвет, напр., zytans /К - 62, 37/; brūzāns /Сн/; palākāns /Ял/; sāmons /Нт/; bōlzgons /Бсб/;

б/ форму, структуру, напр., garona /Акн/; plotōns /Нт/; lēikōns /Бп/; grēizōns /Звр/; garana /Бсб/; rupona /Мк/; mēikstōns /Гр/;

в/ вкус, напр., skuōbōns² /Рж/; sōldāns /Крв/; skābāns /Лэд/; rūktāns /Лэд/;

г/ температуру, напр., rōndōns³ /Ск/; rāmdāns /Лт/; sūtōns /Бл/; siltana /Крв/;

д/ разные другие признаки, напр., vacōns /Звр/; gūpōns /Звр/; pūkōns /Звр/; mitrōns /Др/; mīrons /Би/; mitrans /Крв/.

¹ E n d z e l i n s J. Latviešu valodas gramatika. - 294.lpp.

² В Карздабе зарегистрировано значение 'очень скисший'.

³ Прилагательное randans употребляется и со значением 'теплый' без указания на уменьшение интенсивности признака.

2. Прилагательные могут выразить признак без значения уменьшения, ограничения. Со временем эти адъективы семантически отделились от своих мотивирующих основ, а то и полностью десемантизировались /при переходе в пассивную лексику или полной потере мотивирующего слова/. Прилагательные этого типа могут обозначать выше упомянутые признаки, но без значения ограничения интенсивности:

а/ цвет, напр., zaitona /Ак/; sořkona /Ас/; dũukõnc /Кл/; dèikõnc /Вр/; rãudõnc /Кл/; vokana /Бт/; õrleãnc /Нт/; brũzgãnc /Пра/;

б/ форму, напр., plosõnc /Аг/; přokõnc /Бл/; plokãnc /Ажн/; řeijõnc /Ан/; kõzdõnc /Др/; lãzõnc /Ск/;

в/ вкус, запах, напр., sořdõnc /Скг/; sořdãnc /Бел/.

К этой группе относится и лексико-семантический вариант адъектива sãdãnc, функционирующий со значением 'свежий', напр., sořdõni's pĩnc /Др/; sořdõni's krlejũnc /Блн/.

3. Прилагательные, мотивированные глаголами или вербальными адъективами, указывают, что предмету присущ признак, который определяется значением мотивирующего слова. Эти адъективы выражают и оттенок значения интенсивности какой-то необходимости, стремления - признак может проявляться в большей мере, стремление, необходимость чего-то может иметь активный или же не такой активный характер, напр., õikõnc /Кл/; lũnkona // lũkona /Аг/; stydõnc /Кл/; võřgõnc /Сн/; slvdãnc /Лв/; řurkãnc /Лзм/; řegãnc /Лзм/.

4. Суф. -ãnc не является носителем значения уменьшения в производных, мотивированных существительным. Эти прилагательные указывают, что предмет характеризуется признаком, определяемым значением мотивирующего слова, напр., slowõnc /Др/; varõnc /Кл/.

5. Некоторые субстантивные адъективы указывают на материал, из которого сделан предмет, напр., vũrnõnc /Эз/; vĩllãnc /Сил/; vĩllãnc /Мдз/; nuõtõnc /Нт/.

Часть обозреваемых дериватов может иметь семантические синонимы среди первичных или вторичных адъективов, которые могут отличаться суффиксом, быть мотивированы другим словом

и т.д., напр., ròndònc // syltòis /Рж/; ròndònc // ayic /Бп/; pròtoni // parptoti /Нт/; skuòbònc // raskuòps /Рж/; ròndònc // syltònc // màrònc /редко/ /Ак/; saldàns // salc /Дз/.

Возможности синонимического употребления таких адъективов довольно многообразны.

Суффиксы -(n) i c-, -(n) i d z-. В некоторых говорах ВД в наши дни еще встречаются отдельные прилагательные, а также существительные, образованные при помощи суф. -ic- / < -ik- / и -idz- / < -ig- /. В литературном языке функционируют некоторые субстантивы на -(n)ica, а производные с суф. -idz- не наличествуют.

Второй ареал, где до сих пор функционируют прилагательные на -ic-, -idz-, - это некоторые нижекурземские говоры, напр., Ница.¹ Это не единственный случай, когда совпадает использование некоторых деривационных средств для образования прилагательных в ВД и нижекурземских говорах, особенно, если это древние суффиксы.

Формант -idze(-a) является рефлексом суф. -ig-, соотносящегося с лит. -ingia-, пр. -ing(i)s.² В свою очередь, суф. -ic- - преобразованная форма древнего суф. -ik- и соотносится с лит. -yké.³ В лтш. языке произошло чередование g > dz, k > c⁴, что дало соответствующие рефлексы - суф. -idz- и -ic-. В некоторых случаях в словообразовании использованы усложненные суф. -nidz-, -nic- /ср. лит. -ingé-, но - -nyk-⁵, напр., kumèlneica kàvā /Кра/.

¹ См. В и й м а н е В. Nicas izloksnes apraksts. В рукописи.

² E n d z e l i n s J. Latviešu valodas gramatika. - 369.lpp.; S k a r d ž i u s P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. - 121.p.

³ S k a r d ž i u s P. Там же, - 131.p.

⁴ E n d z e l i n s J. Там же, - 162., 165.lpp.

⁵ S k a r d ž i u s P. Там же, - 121., 131.p.

Характерной особенностью деривационных суф. $-(n)idz-$, $-(n)ic-$ является то, что они выступают только вместе с флексией женского рода.

Об ареалах распространения этих суффиксов трудно судить из-за недостатка материала, но предполагается, что суф. $-(n)idz-$ в основном локализуется в южной, юго-восточной части исследуемого ареала, а суф. $-(n)ic-$ встречается по всей территории.

Словообразовательной базой для прилагательных с суф. $-(n)ic-$, $-(n)idz-$ служат преимущественно существительные - в основном производные. Зарегистрировано также несколько отадекативных дериватов. В деривации преобладает словообразовательная модель $S-sf + -(n)ic- / -(n)idz- \rightarrow A$ ($S-sfd + -(n)ic- / -(n)idz- \rightarrow A$), напр., zèidnèicə sukñä /Влн/; sivänèicə cūka /Аул/.

Иногда в деривации использована модель $S + -(n)ic- / -(n)idz- \rightarrow A$, напр., tələtə gùs /Аул/ или $A-sfd + -(n)ic- / -(n)idz- \rightarrow A$, напр., mèlnèizys ùgys /Кл/.

Особенности структуры части дериватов с суф. $-(n)ic-$, $-(n)idz-$ позволяют предполагать, что эти суффиксы в словообразовательной системе адекативов ВД появились позже таких древних формантов как $-ainis$, $-inis$, т.к. некоторые производные с этими формантами являются мотивирующими словами адекативов с суф. $-(n)ic-$, $-(n)idz-$, напр., vūtrnèicə sukñä /Влн/; zèidnèicə sukñä /Влн/ - ср. vūtrnèicə skusc /Влн/; zèidinñ kopka /Др/.

Наряду с адекативами на $-(n)ic- / -(n)idz-$ в диалекте функционируют субстантивы, образованные с этими суффиксами, напр., uðbūnèicə /Кл/; zəmneicə // -nèicə /Кл/. В МЕ зарегистрированы и дериваты на $-idze$, напр., kumèidze /МЕ II 311/; telidze /МЕ IV 160/.

В семантическом аспекте с суф. $-(n)ic-$, $-(n)idz-$ образованы прилагательные, которые выражают, что чему-то свойственно качество, которое заключено в значении основного слова - субстантива, напр., kaunizə mèite /Пра/; kumèlnèicə

kāvā /Др/; kūmēlneīze kļevā /Мс/; vūolavēca vūka /Влн/;
sivāneīca sūka /Кра/.

К другой семантической группе относятся адъективы, указывающие на материал, из которого что-то изготовлено, напр., vūnāneīca sukņā /Влн/; kārtoņeīca korka /Др/; zaidneīca sukņā /Влн/.

Малочисленную группу адъективов на -(n)īca, -(n)īdza составляют дериваты, указывающие на сходство по каким-то признакам, качествам с тем, что названо мотивирующим словом, напр., ierzēlneīca māīta /Влн/ 'падкая на мужчин девица'; kaziņeīca vūina /Влн/ 'шерсть как козья шерсть'.

Единолично представлена и семантическая группа, определяющая окраску, цвет предмета, напр., mēlneīzys - // mēlneīcys ūgys /Кл/.

Наряду с выше рассмотренными дериватами, содержащими суф. -(n)īc-, в ВД немало топонимов и антропонимов, образованных при помощи форманта -(n)īca, напр., Dagutneīca, п., Lūsineīca, п. /Кл/, Rūbežneīca, фм. /Др/.

Синонимами анализируемых адъективов являются производные на -īgs, напр., kāuneīga /Гл/, или соответствующие словосочетания, содержащие субстантив в форме Gen. sg., pl. вместо адъектива, напр., vūncys sukņā /Влн/, или же другие средства выражения, напр., kūnelu mūtē /Гр/.

Суффикс -īms. Формант -īms / > -eīms/ образует прилагательные в основном в латгальских говорах ВД, но и там он встречается редко.¹

В литовском языке насчитываются лишь несколько адъективов на -ūms, т.к. там данный суффикс / вместе с -īms/ в основном служит для образования существительных.² Я.Эндзелин отметил: "В восточных говорах еще встречаются несколько ад-

¹ R u d z i t e М. Latviešu dialektoloģija. - 325.lpp.

² S k a r d ž i u s Р. Lietuvių kalbos žodžių daryba. - 208.-211.p.; P a u l a u s k i e n ė А. Lietuvių kalbos morfologijos apybraiža. - Kaunas: Šviesa, 1983. - 61.p.

ективов на -eims < -Im(a)s: .. Этот -ims, наверное, вытеснил более древнее -ima- /сохранен еще в лит. формах tolimas, artimas и др., .. / и вероятнее всего, наверное, под влиянием форм на -ins, ср. также ī в лит. aukstības или aukstīvas, а также пр. ku-ilgimai 'как долго'.¹ Это предположение Я.Эндзелина в значительной мере противоречит другому его выводу: ".. Поэтому кажется возможным, что tuvins и vēlins возникли в результате диссимилиация от tuvims и vēlims, после чего могли возникнуть также tālins и agrins /вместо более древнего tālims, agrims/, особенно, если уже ранее были известны некоторые прилагательные на -ins .."² Если учесть, что суффиксальные образования, представленные лишь несколькими единицами, могут быть или реликтами более древнего деривационного типа или же очень новыми или заимствованными, то более точным кажется последний тезис Я.Эндзелина.

В литературном языке этот суффикс не функционирует; ему соответствует малопродуктивный суффикс -in-.³

В ВД производные на -ims составляют малочисленную, ограниченную группу прилагательных. Мотивирующим словом дериватов на -ims служат первичные адъективы, напр., tuoleims /Ак/; субстантивы, напр., suoleims /Зв/; глаголы, напр., tureims /Б/; наречия, напр., kluoteims /Ал/. Эти прилагательные представляют следующие модели: A + -Im- → A, S + -Im- → A, V + -Im- → A, Adv + -Im- → A.

В семантическом аспекте адъективы на -Im- характеризуют качественный признак, связанный с локальным и темпоральным значением. Они могут также указывать на высокую степень интенсивности признака. Можно выделить следующие семантические группы:

1. Прилагательные с темпоральным значением, напр., agrēims rēis /Аул/; vāleims laiks /Кра/. Дериваты на -ims

¹ E n d z e l i n s J. Latviešu valodas gramatika. - 332.lpp.

² E n d z e l i n s J. Latviešu valodas skapas un formas. - 399.lpp.

³ Mōsdienu latviešu literārās valodas gramatika. - 288.lpp.

называют и такое качество, которое только частично связано с понятием времени, напр., agreīmais, vēlēlmāis putrērc /Кра/; agreīmi kuorusti /Кл/; vālelma vosora /Аул/. К этой группе относится и прилагательное rozlēlms /Зв/, мотивированное заимствованным словом - рус. доздний.

2. Аджективы, связанные со значением места, расстояния, напр., tyvēlmūc šlēbrīneīca /Др/; kluōtēlmūc i tuōlēlmūc radra /Аси/; tuōlēlms čēlā /Аг/.

3. Прилагательные, выражающие значение 'такой, который находится в пространственном положении, названном мотивирующим словом', напр., stūvēlmi līni /Кл/.

4. Аджективы, указывающие на количество, напр., sūlēlms /Зв/ 'соленный' /ср. sūolēlms /Нт/ 'рассол'/.

5. Аджективы со значением активности, действия, напр., turēlms /Бб/ 'зажиточный'.

В современных говорах вместо вышеуказанных прилагательных чаще употребляются соответствующие первичные аджективы или производные с другими суффиксами, напр., tāls, tuvs, egrs, agrijs, sālijs, turigs, bagāts и др. Первичные аджективы все же нельзя считать полными синонимами дериватов на -lms, т.к. они являются более абстрактными, диапазон употребления у них не так ограничен. Возможно, что этот процесс замены более древних форм связан с влиянием ЛЯ.

С у ф ф и к с -i d-. В части говоров ВД /в основном в селонских/ наряду с латгальскими аджективами на -lms встречаются прилагательные на -lms. Этот формант также малопродуктивен. Он широко используется в курсских говорах, а также в средней части Видземе для образования уменьшительных форм. В ЛЯ и срлтиш. говорах тоже встречаются некоторые прилагательные на -lms.¹ В ВД в некоторых говорах -in- > -ein-,

¹ Māsdienā latviešu literārās valodas gramatika. - 287. - 289.lpp.; E n d z e l i n s J. Latviešu valodas gramatika. - 319.lpp.; R u d z i t e M. Latviešu dialektoloģija. - 107.lpp.

напр., voaleinc /Би/.

В литовском языке суффикс -yna- продуктивен в образовании субстантивов, адъективов на -yna- мало.¹

Суффикс -yna-, по мнению П.Скарджус, образовался уже в доисторические времена соединением удлинённого гласного -i- и суффикса -no-.²

Деривация адъективов на -ins происходит по следующим моделям: S + -in- → A, A + -in- → A, V + -in- → A.

В качестве мотивирующих используются первичные слова, напр., dūšinc /Эр/; žėlinc /Лэл/; vė^aleinc /Би/; avareinc /Би/; te^elinc /Ссн/; a^ogrinc /Эр/; vėlinc /Эр/; tuvins /Одз/; gulins /Мдз/; tūrlinc /Лэл/.

Дериваты на -ins³ обозначают качественный признак с темпоральным или локальным значением, а также указывают на большое количество того, что названо деривационной основой. Т.к. в лексико-семантическом аспекте эти прилагательные совпадают с адъективами на -ins, семантические группы повторно не анализируются.

Вместо прилагательных на -ins нередко употребляются семантически соответствующие прилагательные на -ains, -igs, -ims или же соответствующие первичные адъективы.

Суффиксы -at-, -ot-. Суффикс ^{*}-to в иде. был продуктивен, имел значения, аналогичные значениям суффикса ^{*}-no- и преимущественно служил для образования отглагольных прилагательных, которые стали страдательными причас-

¹ S k a r d ž i u s P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. - 268.p.

² Там же - 266.p.; С а в ч е н к о А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. - М.: Высшая школа, 1974. - С.183.

³ О семантических особенностях этих адъективов см. К а у - 1 і р š J. Adjektivi, kas beidzas ar -ins, -ina // Filologu biedrības raksti, 1933. - 13.sēj. - 161.-168.lpp.

тиями.¹ Таким образом, основной деривационной моделью лтш. адъективов на *-to можно считать модель $V + -t- \rightarrow A$. По ходу развития языка и его словообразовательной системы в результате морфологического переразложения в этой модели произошли структурные изменения - суффикс усложнился присоединением сонантов и консонантов. В связи с тем необходимо говорить о вторичных суффиксах - -at-, -uot- /-ut-/, -it-.

Группы мотивирующих слов существенно не изменились - также как и в иде., в балтийских языках и диалектах, в том числе и в ВД, прилагательные с суффиксом, содержащим реликт древнего *-to-, образованы от основ глаголов и существительных.

Из некоторых данных истории языка следует, что суф. *-to- изначально являлся деривационным средством адъективов и только со временем он стал функционировать также в парадигме глагола как формальный показатель страдательных причастий.² В этом качестве данный суффикс функционирует в ряде иде. языков³, в том числе и в латышском.

В латышском языке суффикс -t-⁴ использован для образования прилагательных типа balts, ruots, sois /Др/ и др., а также - в составе вторичных суф. -at-, -et-, -it-, -uot-, -st- - при образовании таких адъективов как miglāts, juoslēts, astits, raguots.⁵

¹ С а в ч е н к о А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. - С.184.

² О т к у п щ и к о в Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. - Л.: ЛГУ, 1967. - С. 9, 117; Lietuvių kalbos gramatika, t.1. - Vilnius: Mintis, 1965. - 552.p.

³ Б а л а л и к и н а Э.А. Словообразовательная структура прилагательных в славянских и балтийских языках. - Казань, 1980. - С.50.

⁴ Б н д з е л и н в J. Latviešu valodas skapas un formas. - 411.-415.lpp.

⁵ Там же, - 413.lpp.

Как в ЛЯ, так и в говорах более обширную группу составляют адъективы с вторичными суффиксами, образованные на базе глаголов или субстантивов. В статье рассмотрим только суф. -āt- и -uot-, т.к. в дериватах с ними наблюдаются больше диалектных особенностей.

Суф. -āt- и -uot- в латгальских говорах, верхнелатышского диалекта нередко имеют одинаковое оформление - они выступают в форме -uot-. Оба суффикса соотносятся с литовскими суффиксами: -āt- с -ota-, -uot- с -uota-.¹ Соответствие наблюдается не только в словообразовательном, но и в семантическом планах. Лтш. форманты -āts, -uots семантически в известной мере соответствуют лит. -(i)otas /berzdotas/, -uotas /akmenotas/, -etas /duobetas/.² Так как в диалекте в большинстве случаев фонетически не различают эти суффиксы, их определение может основываться на тезис П.Скарджуса и Я.Эндзелина о том, что суф. -ta- изначально присоединился к концу основы /в лит. о- и а-³, в лтш. ā- и (i)о-⁴ основам/. Позже суф. -āt- / -uot- иногда присоединялись и к другим основам, напр., rukūts /Бл/. Так как в ВД а о uo⁵, то в большей части говоров получилось фонетическое совпадение данных суффиксов. Следует заметить, что в южных говорах ВД и в селонских говорах Земгале функционирует фонетический вариант - суф. -ūt-, где а uo⁶. Я.Яблонскис

¹ См. S k a r d ž i u s P. Lietuvių kalbos žodžių daryba. - 341.-351.p.

² P a u l a u s k i e n ė A. Lietuvių kalbos morfologijos apybraiža. - Kaunas: Šviesa, 1983. - 71.-72.p.

³ S k a r d ž i u s P. Там же. - 342., 345.p.

⁴ E n d z e l i n s J. Latviešu valodas skapas un formas. - 413.lpp.

⁵ Там же, 350.lpp.; E n d z e l i n s J. Latviešu valodas gramatika. - 126.-129.lpp.

⁶ E n d z e l i n s J. Latviešu valodas gramatika. - 70.lpp.; R u d z i t e M. Latviešu dialektoloģija. - 287.lpp.

этот суффикс сопоставляет с лит. -uot.¹

Суф. -āt-, -uot- /-āt-/ применяются в образовании прилагательных, представляющих модели S + -āt- / -uot- → A, S-sf + -āt- / -uot- → A (S-sfd + -āt- / -uot- → A), напр., rosuōc /Др/; saurimā^ots /Бб/; šmīlkšuoōc /Ск/; mytūtūc /Дгн/.

В грамматике² указано, что среди прилагательных на -ots имеются и древние номинальные формы глагола - страдательные причастия, которые со временем стали адъективами, напр., dūmots, zarots и др.

В ВД эти прилагательные мотивированы существительными, так как качество, признак называется на основании наличия чего-то в большом количестве, а не на основе процесса размножения чего-то. Напр., словосочетание dūmuōta ustoba /Кл/ можно заменить выражением ustobā dāu^o dūmu, ustoba rūžne dūmu /Др/, но никогда - pidūmuōšā ustoba; а rosuōc fefe /Др/ - это такое утро, когда трава, а не утро богато покрыта росой, и т.д. Такое сопоставление наводит на мысль, что в основу подобных прилагательных лежит не процессуальное, а предметное значение.

Прилагательные с суф. -āt- /что в ВД преобразован в -uot-/ встречаются довольно редко, напр., spōlvuoōc³ /spalvāts/⁴ /Кл/.

Отсубстантивные прилагательные, образованные суффиксами, содержащими -t-, обозначают обладание чем-то в большом

¹ J a b l o n s k i s J. Rinkiniai raštai, t.2. - Vilnius, 1959. - 86.-87.p.

² Maedienu latviešu literārās valodas gramatika. - 589.lpp.

³ Ср. влтш. bārdūc : лат. barbātus, лит. barzdotas, слав. бродать, рус. бородатый. /С а в ч е н к о А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. - С.18./

⁴ R u d z i t e M. Latviešu dialektoloģija. - 325.lpp.;

E n d z e l i n s J. Baltu valodu skaņas un formas. - 495.lpp.

количестве. Это значение является основным деривационным значением анализируемых производных.

Отсубстантивные прилагательные на -āts, -uots, кроме основного деривационного значения, имеют разные семантические окраски, варьирующие главное значение обладания множественном чего-нибудь. Они обозначают:

а/ наружные приметы, имеющиеся в большом количестве, по которым предмет выделяется среди других, напр., sprūguōcs /Кл/; rokuōta /Кл/; kudluōcs /Кл/; pīnkuōcs /Ан/; lorūcs /Кл/; puķūta /Бл/; zoroōcs /Лв/;

б/ содержание, состав предмета, а также примесь того, что названо мотивирующим словом, напр., mūoluōta // -ūta zēms /Кл/; peskuōta /Из/; akmiņuōta /Нт/; sulūoōcs /Из/; svečuōta /Рж/; sānaluōta // -ūta /Кл/; ģirsuōta /Кл/ 'с костером'; valvūoōcs /Из/; sraluōta // -ūta /Кл/; dūpurūcs /Вш/; duļķuōcs // -ūcs /Кл/;

в/ поверхностный признак, характеризующийся тем, что указывается на то, чем предмет вымазан или что находится на нем, напр., dubluōtys kūojis /Кл/; ābrūcs /Бл/; zūboķuōcs /Вш/; zēilūcs /Лв/;

г/ сходство, подобие в какой-то степени тому, что обозначено производящей основой, напр., kažēnuōta vūina /Дг/ 'овечья шерсть, похожая на шерсть козы'; skujuōcs roksc /Лк/; goīduōcs tūndroks /Нт/; mūtuōtī bulvi /Ск/; mūtūcs /Дгн/; sudobrūta sāula /Вш/;

д/ временное, непостоянное качество, напр., dēmuāts /Вш/; mugluōcs /Ск/; leīta^ots /Бб/.

Выражая общее количественное значение, данные прилагательные вступают в синонимические отношения с дериватами на -ains, -ainis,¹ -ais, -ājs, -iis, -igs, -inis. Синонимия может проявиться в пределах того же говора или охватить раз-

¹ См. К а u l i p š J. *Adjektīvu piedēkļa -ains uzvaras gaita*. - 73.lpp.; R e ķ š n a A. *Nomenu piedēklī un izskapas Kalupes izloksnē* // LPI Raksti. - 1960. - 4.sēj. - 437.lpp.

ные говоры.

Стремление языка к устранению такого параллелизма, очевидно, проявляется таким образом, что в говорах вместо анализируемых адъективов все чаще употребляются дериваты с каким-нибудь из названных формантов. Чаще всего встречается замещение прилагательных на -āts, -uots произвольными с -ains. В настоящее время деривационное значение этих суффиксов, вероятно, уже слилось; хотя первоначально они различались. Этому вопросу посвящено небольшое исследование о судьбе деривационных формантов в говоре Сауснеи¹, в котором языковед Каулиньш указывает на то, что -uots используется для выражения постоянного признака, а -ains - для обозначения кратковременного, преходящего признака.

Часть адъективов на -āts, -uot имеют неполную грамматическую парадигму - у них нет сравнительных форм, так же, как у относительных адъективов. В случае необходимости используются интенсификаторы - разные наречия, с помощью которых выражается усиление признака.

В этой статье анализу подверглась лишь небольшая часть архаичных деривационных средств, используемых в латгальских говорах верхнелатышского диалекта. Но архаизмы встречаются на всех языковых уровнях, и их немало. Многого еще не исследовано, о многом еще не собран материал, есть только несколько фактов, свидетельствующих о том или другом явлении, поэтому следует приложить все силы языковедов, учителей, учеников, студентов и просто заинтересованных людей, чтобы собрать как можно больше языкового материала. Это задача, не терпящая отлагательства - ведь диалекты нивелируются, а это значит, что многие более архаические явления безвозвратно уходят вместе со старожилами - носителями этих древних слоев в своей речи, и уступают место новым словам, конструкциям, возникающим под влиянием литературного языка, а также других языков и их диалектных форм.

¹ Каулиньш Ж. Adjektīvu piedēkļa -ains uzvaras gaita. - 70.-75.lpp.

Список сокращений

- балт. - балтийские языки
 ВД - верхнелатышский диалект
 вылтш. - верхнелатышский
 диал. - диалектная форма
 иде. - индоевропейский
 ЛГ - латгальские говоры
 лит. - литовский
 лтш. - латышский
 ЛЯ - литературный язык
 нилтш. - нижнелатышский
 п - поле
 пр. - прусский
 СГ - селонские говоры
 ср. - сравнить
 суф. - суффикс
 фм. - фамилия
 А - Adiectivum
 Adv - Adverbium
 N - Numeralis
 pf - praefixum
 Pn - Pronomen
 S - Substantivus
 sf - suffixus
 sfd - морфема, которая исторически /диахронически/ является суффиксом
 v - Verbum
 // - параллельно
 < - произошло
 > - превратилось
 : - соответствует

Алфавитный список говоров восточной Латвии

Аб Абели 356	Вйн Виляны 427	Лк Ликсна 450
Аг Аглона 447	Вш Вишки 451	Лт Литене 472
Ак Айзкалне 446	Гг Гайгалава 479	Лд Лаудона 423
Акн Акнисте 368	Гл Галены 434	Мк Макашены 484
Ал Алуксне 465	Дг Дагда 503	Мдз Медзула 318
Ан Андрупене 498	Дгн Дигная 435	Нт Наутрены 480
Ас Асаре 372	Дз Дзелзава 409	Нрз Нирза 493
Асн Асуне 504	Др Дрицены 482	Одз Одиена 341
Аул Аулея 502	Д Дуре 388	Пл Пилда 492
Бл Балви 473	Зс Заса 363	Пра Праулиена 420
Бт Балтинава 478	Зв Звартава 377	Рг Ругаи 475
Бр Баркава 425	Звр Звиргздене 487	Рдз Рудзеты 437
Бб Бебрене 442	Злт Зелтини 390	Рж Ружина 489
Бео Бебри 340	Из Извалта 505	Скг Сакстагалс 483
Бел Беява 394	Ис Истра 497	Сн Синоме 392
Бг Берзгале 485	Кл Калупе 445	Ск Скайста 507
Бп Берэпилс 476	Крв Карва 387	Стм Стамериене 402
Б Бей 466	Крс Карсава 481	Тл Тилжа 477
Би Бижи 362	Кн Кауната 495	Цб Цибла 488
Бзг Бирзгале 232	Кра Краслава 506	Шк Шкяуне 500
Бр Бриги 511	Крц Курцумс 459	Эз Эзерниеки 499
Вр Варакляны 426	Лэд Лавдона 419	Эр Эргли 326
Вс Вестиена 336	Лв Ливаны 436	Ял Яунлайцене 385
Вст Виесите 411	Лэм Лизумс 397	

A.Vulāne

About some ancient suffixes of Adjectives in the dialect
of the Upper Country of Latvia

The article presents a survey of some ancient suffixes
of adjectives in the dialect of the Upper country of Latvia.

The author analyses these adjectives in their derivative-
semantic aspect.

ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА ОБРАЗОВАНИЕ ГОВОРОВ
ОКРЕСТНОСТЕЙ КРАСЛАВЫ

Характер изменения или устойчивости языка (говоров) зависит от многих факторов, поэтому язык (говор) становится доступным исследователю лишь при учете конкретных социально-исторических, географических и этнолингвистических условий.

Своеобразное место в латышской диалектологии занимают говоры Латгалии, так как в их образовании большое значение имели польский, белорусский, русский и литовский языки. В настоящее время наблюдается довольно сильное влияние латышского литературного языка.

Говоры окрестностей Краславы для изучения выбраны потому, что в них наблюдается переплетение архаических форм и инноваций, что, в свою очередь, свидетельствует об активных процессах формирования языка еще и в наши дни. Кроме того, в исследуемых говорах констатированы формы, которые или редки вообще или пока не известны в других говорах. Говоры окрестностей Краславы к тому же вообще до сих пор изучены недостаточно. Интересно и то, что все четыре исследуемых говора - Краславы, Скайсты, Аулеи и Извалты - не однородны, хотя расположены рядом; нередко различаются формы, употребляемые на территории даже одной бывшей волости. С целью выяснения причины такой пестроты данных об изучаемом крае соби-

рались также исторические и этнографические сведения - ведь история языка всегда тесно связана с историей народа.

Наша статья - попытка выяснить роль экстралингвистических (меньше - интралингвистических) факторов, влиявших на образование нескольких верхнелатвийских говоров, в частности, системы глагола, - в южной Латгалии.

1. Причины языковых различий соседних говоров окрестностей Краславы

По современному административному делению изучаемые говоры функционируют в местностях, расположенных в юго-западной части Краславского района¹. Самый крупный населенный пункт - Краслава¹ (статус города с 1923 года), поэтому говоры, которые исследовались, именуются говорами окрестностей Краславы. Названия и территория отдельных местностей с годами менялись².

Наряду с общеизвестными фактами об исторической изолированности Латгалии от остальной территории Латвии (об этом 13, 79, 98-99; 22, 6), что, несомненно, сопровождалось стечением в экономической, политической и духовной жизни, в связи с изучаемыми говорами важны также и другие сведения историков об окрестностях Краславы. На образование го-

¹ Подробные сведения в 12, 402-404.

² Так, Извалтская и Аулейская волости до 20-х гг. XX в. считались территорией одной - Извалтской (в архивных источниках - Ужвалдская или Ужвалдская) волости. Скайстская волость раньше именовалась Избелинской волостью. Мало менялось название Краславской волости, в документах иногда - Краславская.

воров, в том числе и системы глагола, большое влияние оказали многие экстралингвистические факторы: это и административное деление территории и права землевладения, и принадлежность крестьян к определенным приходам, и географическое расположение бывших волостей. Это обеспечило тесные взаимные контакты части населения, а вместе с тем обусловило и определенные языковые последствия, а именно, однородность разговорного языка на определенной территории в течение длительного периода.

Уже в описаниях (1,112-115) генерального измерения земель в 1784 году упомянуто (о целях его 1,19), что Ивалта (Ужвалда) и Аулея (Авля) - собственность иезуитов¹ (Динабургского Езуицкаго кляштора ксендзов езуитов), Скайста - собственность Платеров и Жабровска, а Краслава - Платеров (1,107, а также в 10,7-31, чем пользовался и В.Брежго).

После выселения иезуитов из России в 1820 году (см. 18,48-49) Ивалтское и Аулейское церковные поместья в 1822 году (3,31) перешли в государственную собственность. Краслава же и большинство² земель Скайстн - все еще имущество графов Платеров. Платеры вместе со своими арендаторами на отнятых у крестьян землях устраивали фольварки. Крестьяне в Гравер (Аулейская волость) и Шкельтовн (Ивалтская волость)

¹ В 11,14423 указано, что поместье Ужвалдское - собственность иезуитов с 1626 года.

² В архивных документах (т.1207, оп.1, д.137, с.27) зафиксировано, что в Изабелинской волости в 1871 году 388 мужчин и 391 женщина крестьян-государственных, а 1645 мужчин и 1650 женщин - крестьян-собственных; в 1887 году соответственно - 584/604 и 2250/2274 (т.1207, оп.1, д.142, с.66).

выстроенные на своей территории фольварки уничтожили (19, 52).

Чтобы избежать новых крестьянских волнений, в 1828 году в Даугавпилском (Динабургском) старостве было создано военное поселение, что в свою очередь в 1836 году преобразовали в округ пахотных солдат (2,32; 23,34; 20,223). Это значило, что крестьяне получали небольшой участок земли, который обрабатывали, числясь на государственной службе (22,68; 23,61-63). Одинаковый политический статус снова был у крестьян Аулеи, Ивалты, Гравер и Шкельтовы. Такой же порядок существовал и в Куене, Бикерниеках. В 1856 году жители округа пахотных солдат снова зачислены в крестьяне государственные (2,34; 23,62-63).

Итак, жители Аулеи и Ивалты первоначально были церковными, позднее-государственными крестьянами, в то время как жители Краславы и преимущественно Скайсты (также Аглоны, Вишек) до 20-х гг. XX в. были дворовыми, в основном польских панов, людьми. Поэтому, например, глагол *ganda-vuôt // arēndavuôt // arūndavuôt* 'арендовать' обычен в рассказе жителей Краславы и Скайсты. Они и брали в аренду землю, и отбывали барщину (*gūo p̄ygonā*). Аулейцы (*aule-šī*¹) под арендой (*gērdīšona*; глагол *gērtāt*) понимают аренду овер, например: *kūngu gērdleja azarus is treju godu. rupom buškus, viēšus givom. jī (kūngi) mims mokaava* (из рассказа Я. Черпинского). В Ивалте глагол арендовать не употребляют.

¹ Название жителей Аулеи — по произношению старожилов данной местности — *aullis, aullivā* (ед.ч.). Иначе в 6,51. Соседи пользуются еще такими наименованиями — *aullīškus; aullīku // aullīški; aulpenki*.

Барщина (прыгонс, ср. 23,51) с обработкой определенного земельного участка - уволок (voloky; ср. 19,43; 23, 47) запечатлелась в памяти краславчан, хотя и воспоминания о ней почерпнуты из рассказов родственников старшего поколения. С. Кокин: "Łudvíkovâ žėivova grapa. prygonâ jam guo kòlpuòt, dareit". Б. Курситис: "grapam tràucle Lužeišy, pòlvorku ustro-ijì, àis šekla azara. Mánkauskípà rándavava. Kazynovâ rándacėli mi šlaktys ųeja." И. Кран: "muna žėda tams pí grapa brándivepi taiseja. vlnс dareja, citim prygonâ navaižã it.. voic, tys vysus doŗbus đãvã laudim. šivltom voloky ųle dūt'i.. prygona laikã cėlė guo taišpi pàr želžacėli.. tĩ grapa palacy ųeja. kas ražis, treša daļã vik paļicis." Я. Столер: "vlnс žėda bruoļs ųeja pí grapa pàr prauļajušcū. izvòlkava galì šaimipeicòm. jù voity isštĩpã iz ųedka i ayta. pa stuòškym zynu."

О шляхте (šlakta, šlaktã, šlakteitã) - наемниках земель Платеров из Польши (о них также 19,45-46) - иногда рассказывают жители Извалты и Аулеи, так как небольшое общение с соседями все-таки существовало. Так, аулеец А. Липшан, расспрашиваемый о древних кушаньях крестьян той местности, ответил, что его жена таких не готовила, так как была из шляхты: "natãisjeja, jei ųeja mi šlakku. keišelus to vuga mi auzi." О жатве уволок как источнике заработка рассказывала жительница Извалты А. Труле: "mama i còtkys stuòateja. juos ųeja šãrteipis muosys, tak juos pa laudim žėivova, vysur.. juos gi guoja vãl da łudvíkavãl grapam gi dareit, olukus pasajam plaut.. ar plautivym tus

olukus plāun i plāun.. nūpēļņei, nūsarlērkņi taīdys vjāno-
nys snūotīņis. vāļ ās pōmņeju, v'eja. "ot," soka, "t'ā jōu
pār oluku plāušonu. samoksova jōu tys grapa prauļajušcāis,
i nūsarlērkōm."

Крестьяне Ивалты и Аулеи не должны были обрабатывать
помещичьи уволоки, зато они вместо барщины платили государ-
ству оброк (moksa va obroku). О двойких повинностях пишут и
историки (2,10-11; 13,170), оценивая переход на денежную
плату как более прогрессивный шаг хозяйствования. Но, как
вспоминают информанты (например, М.Блейделе из Аулеи: "bāi-
ļeiģāi ļēls nūdūkļis. kaī dasavat obroku moksuōt, vusu vovo-
ru lova, lova.") уплатить оброк было нелегко.

Не одинаковы по величине и разные по названию были зе-
мельные площади крестьян: в Краславе и Скайсте — участки
(učastkys) или его доли, в Извалте и Аулее — шосты (šosts).
Такие несоответствия в быту иногда сопровождались курьеза-
ми. Фрагмент из рассказа жительницы Скайсты А.Гейбн: "auļēn-
šcūnā naskaidī šosty, navār saprašt, kaīda tī zāms. nask-
kaīdī auļēnckī snūotēja, tak t'āt'ā sašēja: "ka īs, lai īt,
nu ās nasaŗūtu, cik tūr vār zygū turāt, cik gūvu.. pi mū-
su jōu catūrķis akāitējuōs, pušā nu catūrķra, tot tr ās da-
lā. i da-īt tī sasta daļā, plkta, jōu nu tūo... cikēņ iz-īt.

Воспоминания информантов, порой достойные изумления,
наглядно пополняют сведения историков о довольно древних
событиях истории исследуемого края.

Самые давние сведения о несдинаковом политическом ста-

туса соседей можно почерпнуть из рассказа И. Драна: "kaĩ baĩpeĩckũngũ Izvõltã akãit'ejuõs. nazynu smõlkuõk pastuõs-feit'."

Рассказывая о чем-нибудь древнем или старом, в Извалте порой добавляют: "vã) nu jezavitu: 'еще с (времен) иезуитов!" Тактически иезуиты Извалту вынуждены были покинуть уже в 1820 году¹.

Жителей Извалты еще в 20-х гг. XX в. именовали поселенцами, хотя военное поселение здесь существовало лишь до 1836 года. Жители Аглонь, например, деревню Бруверн в Извалтской волости называли "поселенными Бруверами" в отличие от Брувер своей волости, которую именовали "аглонскими Бруверами" (Agaũunus Bruvėgeru). Информант Г. Симонова, взятая в жены из Аглонь в Извалту, вспоминает, как ее высмеивали родственники и соседи из-за того, что она согласна была выйти замуж в поселенщину (paĩeĩenĩšũna), т. е. в деревню Лейпини Извалтской волости.

Такое сопоставление исторических данных и воспоминаний информантов можно было бы продолжить и по отношению к новейшим временам, но это не является целью нашей статьи. Показать историческую обусловленность неоднородности соседних говоров на основе прошлых контактов населения равных волостей - такова наша цель.

Извалта и Аулея географически не находятся в непосред-

¹ Заметим, что теперешняя Извалтская средняя школа и административные здания поселка и колхоза "Циня" частично расположены на основаниях построек начатого иезуитского монастыря.

редственной близости, к тому же - основная часть коренных (латышских) жителей Аулеи отделена от остальной территории, так называемой "граверщины", обозначаемой здесь A(Gr), белорусскими и русскими деревнями (Сакавой, Нитишками, Кропишками, Слободой, Фролами) и т.п. В результате в Граверах, так же, как в Ивалте, реже употребляют супин, формы прошедшего времени основ настоящего времени на $\bar{a}i\bar{o}$ - ($\bar{o}i\bar{o}$ -) образуют не с $-\bar{a}v-$, что является типичным для говора Аулеи, а с $-av-$ или $-ov-$ (вместо $mozg\bar{a}vu$ - $mozgav\bar{u}$ или $mozgovu$ 'я мыл, -а' и т.п.).

О двух "концах" бывшей волости, т.е. об "извалтских" (I) и "пейпинских" I(P) жителях, в этой статье нередко говорится и в связи с говором Ивалты. В пределах одного говора наблюдается, например, тройное произношение звука \bar{e} в глаголе $\bar{e}st$ 'есть': в Ивалте и поблизости ее - $i\bar{e}st$, в Шилдигях ($\bar{P}i\bar{l}d\bar{i}g\bar{i}$), Пейпинях ($\bar{P}\bar{e}i\bar{p}i\bar{p}i$ // $\bar{P}\bar{e}i\bar{p}\bar{a}p\bar{i}$) - $\bar{a}st$, в Бруверах, Куденях ($K\bar{u}d\bar{e}n\bar{i}$) - $\bar{a}st$. В I(P) также как в A(Gr), основы на \bar{a} - в инфинитиве часто оканчиваются на $-\bar{i}t$ вместо ожидаемого $-\bar{e}it$, как говорят в остальной Ивалте ($la\bar{s}\bar{i}t$, $sl\bar{a}u\bar{s}\bar{i}t$ рядом с общеупотребительным $la\bar{s}\bar{e}it$, $sl\bar{a}u\bar{e}it$ 'собирать, вытирать'; об этом и в дальнейшем. Глаголы основ настоящего времени (наст. вр.) на $\bar{e}i\bar{o}$ - и $i-$ в I(P) и A(Gr) всегда оканчиваются на $-\bar{a}t$ или $-\bar{a}t$ там, где остальные жители Ивалты говорят $-\bar{i}t$ ($k\bar{a}l\bar{t}'i\bar{e}t$, $gul\bar{a}t$, $tu\bar{r}\bar{a}t$ рядом с $k\bar{a}l\bar{t}'i\bar{e}t$, $gul\bar{i}e\bar{t}$, $tur\bar{i}e\bar{t}$ 'сушить, спать, держать'). Из-за несхожего произношения гласного \bar{e} () \bar{a} вместо $i\bar{e}$) жители Ивалты подтрунивают над своими соседями, "советуя": $'\bar{s}\bar{a}\bar{s}\bar{t}'i\bar{s}$ $k\bar{e}\bar{v}\bar{a}i$ iz $m\bar{a}l\bar{i}\bar{s}!$ "

Говор в I(P) очень близок говору A(Gr), так как население этих местностей всегда жило рядом и исторически¹ (см. выше!) и географически.

Заметим также, что большинство жителей A(Gr) и I(P) - члены одного прихода: во 2-ой половине XIX в. и в начале XX в. посещали костел в Аглоне, а в 1925 году - стали членами Пейпиньского прихода. Итак, наряду с административным делением территории органами государственного управления большое значение имела также принадлежность крестьян к определенному приходу². Подробные сведения о ней находим в метрических книгах: в листах добрачного опроса, в записях регистрации брака, в журналах регистрации новорожденных и умерших (см. ф. 7085 ЦГИА ЛатвССР). Из них узнаем, что границы приходов и волостей не совпадали, хоть и территория, охватываемая одним приходом, в изучаемом округе была весьма обширной, ведь количество костелов увеличилось лишь в 20-х гг. XX в. Так, из сведений 1877 года об Изабелинской волости вытекает, что у жителей Скайсты своего костела не было вообще, поэтому скайстчане были распределены между Индрицким, Краславским, Пустыньским и Аулейским приходами (ф. 657, оп. 2, д. 3). Метрические книги показывают также, что большое количество крестьян Науенской (раньше Малиновской) волости были членами Ив-

¹ У крестьян I(P) и A(Gr) одинаковый политический статус - по меньшей мере начиная со 2-ой половины XIX в. Фольварки в Шкельтове и Траверах существовали с 1772 по 1828 год.

² Говорится лишь о католических приходах, так как коренное население по своей конфессиональной принадлежности было однородным.

валтского прихода (например, ф. 7085; оп. 1, д. 285 о периоде с 1849 по 1856 год; оп. 3, д. 487 о периоде с 1890 по 1894 год и т.п.). Часть населения деревень Извалтской и Аулейской волостей были прихожанами Аглонского прихода (см. выше!). Итак, большинство семейных торжеств в жизни человека, а также еженедельные религиозные церемонии у жителей исследуемой окрестности происходили главным образом в костелах Краславы, Индрицы, Аулеи и Извалты, верующие волостных окрестн посещали Аглонский и Пустынский костелы. См. схему!

Время	Волость	Аулей- ская	Извалт- ская	Краслав- ская	Скайст- ская	Науен- ская
	Приход	до нач. XX в. Извалтская				
) Нач. X X в. - нач. XX в.	Аулеи	+	-	-	/ +	-
	Извалты	-	+	-	-	+
	Краславы	-	-	+	+	-
	Индрицы	-	-	+	+	-
	Пустыни	-	-	-	+	-
	Аглоны	/ +	/ +	-	-	-
) 20-ые гг. XX в.	Пейпинь	+	+	-	-	-
	Комбуль	-	-	+	-	-
	Скайстн	-	-	+	+	-
	Рагель	+	-	-	-	-

/ - немного

) - сведения архивных источников

) - сведения 11.

Пора исправлять ошибку, вошедшую в лингвистичес-

кую литературу, насчет западной части Извалтской волости. М.А.Алкснис в FBR XII 26 упоминает, что в Извалтской волости существуют 2 "конца": "jezupoviši¹" и "izvaltiši", что в этой волости уже говорят по-иному, и привел пример: преобразование *ū*) *eu*. На карте фонетических изоглосс, опираясь на данные М.А.Алксниса, в западной и юго-западной части Извалтской волости *ū*) *eu* отметила и языковед В.Руке (FBR XIX 145). В действительности данное изменение знают жители окрестности села Амбели (āmboļīšy) бывшей Вишковской волости, а не Извалты. К тому же "иезуповцы" являлись лишь прихожанами Извалтского костела (см. схему выше!), а не жителями волости.

В юго-западной части Извалты говорят иначе, чем в основной части бывшей волости, из-за русских деревень (Крекелишек, Коалишек), расположенных между ними: это относится к преобразованию инфинитива глаголов основ настоящего времени на *ijo-* и *ā-*, основ прошедшего времени на *ā-* глаголы же с основами настоящего времени на *ējo-* переходят в основы на *ijo-* и т.п., чем язык этой части населения сходен с языком науенцев; но *ū*) *iu* или *yu*. См. карту на следующей странице!

Следовательно, хотя в латышской диалектологии условно и принято считать одним говором язык коренных жителей определенных волостей, на исследуемой территории об одном говоре можно говорить лишь в Краславе и Скайсте; в Извалте

¹ Неофициальное название жителей Науене, так как этот населенный пункт еще в 20-30-х гг. XX в. именовали Иезуповой /Jezupava (//Je-// -zva/ в честь его владельца.

и Аулее язык населения в разных "концах" волости различается. О такой возможности уже высказался Я. Эндвелин.

1. Из четырех исследуемых говоров более однородны и взаимно близки говоры Краславы и Скайстн. В основном это обусловлено более чем полуторавековым существованием носителей этих говоров под властью польских помещиков, а также принадлежностью католиков к одним приходам и месторасположением бывших волостей.

2. Менее однородны, хотя порой и взаимно близки, говоры Аулеи и Извалты.

2. Историческая обусловленность большого количества славянизмов

Кроме рассмотренных имущественных отношений и принадлежности крестьян к определенным приходам со всеми вытекающими отсюда последствиями большую роль в образовании говоров, в том числе и системы глагола, сыграли длительные контакты латышского населения окрестности Краславы с поляками, белорусами и русскими.

Обособленность Латгалии от остальных округов Латвии началась в середине XVI в., когда Латгалия (вместе с Видземе) стала составной частью Польско-Литовского государства, или так называемой Речи Посполитой (*Rzeczpospolita*). После заключения Альтмаркского перемирия в 1629 году Латгалию начали именовать польской Лифляндией (*Inflanty Polskie*). В 1772 году Латгалия и Белоруссия были присоединены к России, с 1802 года Латгалия — составная часть Витебской губернии (об этом в 13,67-68,79,112; 12,723 и др.).

Но полякам, проживавшим в окрестности Краславы, свои имущественные права и влияние на крестьян удалось сохранить до начала XX в.

Численность населения окрестности Краславы, как и многих других местностей Латгалии, кроме того, начиная со 2-ой половины XVI в., пополняли переселенцы из России, в основном — старообрядцы¹.

Исследуемый округ долгое время граничил с Белоруссией, точнее Скайстская (Изабелинская) волость с Придруйской и Пустынской волостями Дриссенского уезда (ф. 1207, оп. 1, д. 145), которые после присоединили к Латвии. К тому же уездная граница не имела существенного значения, так как, например, часть Скайстских крестьян были членами Пустынского прихода.

О славянизмах и их заимствовании в верхнелатвийские говоры языковеды высказывались неоднократно (29, 80-112; 9, 32; 16; 26, 132-137; 24, 48-95 и др. В связи с исследуемыми говорами 14, 54-60).

В настоящее время в окрестностях Краславы изменился удельный вес заимствований из славянских языков: в говорах не поступают больше полонизмы, лексика их пополняется в основном белорусизмами и русизмами. В период, когда уменьшилось значение конфессиональной принадлежности (ассимилироваться стали даже старообрядцы) местного населения, увеличилось число межнациональных браков, а вместе с тем —

¹ Об этом обширно 23, 9-45 вместе со статистическими данными и картами, что прямо касается исследуемой окрестности. См. также 5, 103; 2^а; 27; 25.

число семей, чей язык для диалектологических исследований малоприспособлен. Так, например, в юго-западной части бывшей Краславской волости (между Даугавой и шоссе Краслава-Даугавпилс), а также во многих деревнях восточной части Скайсты употребляют своеобразную (русско-польско-белорусскую) языковую смесь, чему основой является все же белорусский язык. Причину изменения лингвистической ситуации в Краславе информант Б. Курситис, как и другие, объясняет переселением белорусов: "Jerpkaŭ i samajsejś šviejūs, baltkrīvu pībrāucś. kaŭ lady Dālgavā stūmny i stūmny, kūoļ isstūmny vītējūs."

В Краславской 1-й (латышской) средней школе большинство воспитанников на переменах разговаривают на русском — к тому же нелитературном — языке.

В свою очередь, в северной части Скайсты, что граничит с латышскими деревнями Аулеи, часть белорусов говорят по-латышски. Так, например, летом 1982 года речь информанта Г. Бебриши (урожденной Моисей, род. в 1898 году) ничем не отличалась от речи других жителей деревни Казинчи (Kāzīnču), хотя ее отец был белорус.

С акцентом говорят те жители I(P) (В. Труле, М. Целитане и др.), чья жизнь протекала по соседству со славянами. В свою очередь, частично денационализировались в Извалте и ее окрестностях проживавшие Кузьмины, Казимировы, Федоровы (русские), Чижевские, Мицкевичи, Погумирские (поляки): их дети учились в Извалтской (латышской) средней школе.

В большой мере утратили свои национальные особенности и латыши, проживающие среди славян в А(Gr).

По всей исследуемой территории речь младшего поколения коренных латышей пополняется русизмами типа *paštavić* 'доставить', *ustrojīc* 'устроить', *paštmac* 'понимать', *našpēyūc* 'насмешить': К *vuzus pašpēyūla iz Jaunūo gos; I ustrojīl māitu kantorī*. Такие глаголы в общую систему спряжения не включаются, остаются в одной неспрягаемой форме. Упомянутые заимствования более типичны для речи мужчин среднего поколения.

1. Большое количество славянизмов в окрестностях Краславы, как и в других верхнелатышских говорах, исторически обусловлено. Заимствование и проникновение славянизмов в равные периоды протекало с равной интенсивностью, притом в отдельных исследуемых говорах или в их частях оно происходило по-разному. Не всегда можно точно определить, из какого языка - польского, белорусского или русского - глагол заимствован.

2. В I(P) и A(Gr) денационализации населения способствовали сюда переселившиеся старообрядцы, а также поселенные правительством православные. В Краславе и Скайсте, где поселенных русских не было, утрате национальных особенностей коренных жителей способствовали имения и фольварки с управляющими поляками, костелы с богослужениями на польском языке, а также близость Белоруссии.

3. Со временем менялся удельный вес разных славянских языков. В наши дни польский язык ни в Скайсте,

ни в Краславе особого значения (для коренных латышей) больше не имеет, зато здесь усиливается влияние белорусского языка.

4. Под влиянием школы и других факторов в речи жителей окрестностей Краславы в последнее время появляется много русизмов. Новые заимствования в языковую систему не вливаются сразу, обычно остаются в одной определенной форме, пока не приспособиваются к уже существующему латышскому образцу.

5. Противоположное явление - денационализация представителей славянских народов - в изучаемой окрестности наблюдается в небольших размерах.

3. Близость и контакты с литовским языком

Большое значение в образовании системы глагола, как и других частей речи, в окрестностях Краславы имел литовский язык. О контактах литовцев и латышей Латгалии сведения имеются уже с XII - XIII вв. (4,570-574,740). У жителей исследуемого округа прямые контакты с литовцами сохранялись до 1-й половины XX в., когда завершилась ассимиляция проживавших здесь литовцев и местного населения.

Самым древним поселением литовцев в окрестностях Краславы, очевидно, является деревня Одигяны / (V)uodigāny// (V)uo-
digāny/, о ней знает почти все информанты. Д. Дран (К): "ba-
gaucīšy, uodigāny - litavīšy, litavīski runāva." П. Пейпинь
(I): "taidī kai ļeišy jī vīle, litoucy, lbraucāji. jī ac-
sivīški runova, kai pa litouški. uodigāny.. ar cytām na
cīš ka lsalaifā. kai agrākāi taidys vēc rīnkys taidle, jī

šytūs i nāirežle, ka at-īt izvāltīšy is tīlāpī. pagūo izvāltīšy. Vūođīgāny, tī Krūsōlāckys pogosta."

В бывшей Краславской волости литовцы проживали и в других деревнях: Больших Мульях (Leļl Mūļki), Новиках (Novīki// -ky), Мисюнах (Mīšūny) и т.д. Сведения об истории литовцев, проживавших в приграничных районах Латвии, а особо Латгалии, уточняя написанное К. Бугой, обобщает литовский языковед К. Гаршва (7,39-42; 8,88-91). По сведениям моих информантов, в бывшей Краславской волости литовцы проживали еще и в Зимайках (Zīmaļšy), Плинтах (Plīntis), Солимах (Sūoleimy), Лемешовке (Lemešoc̄ka; жители Извалты говорят даже Lemešoc̄sky). Я. Столер: "žedy i pražedy kai nu lītaviēm, Parlāckī Ņeja." А. Солим: "grāvs ldevē tā taidām vīnām..., a jēm uzvōorc Ņle Rušāckys, nu lītavys jī vīsi. a tot vāluōk jōu pīorāyka - Sūoleimī sola, i Sūoleimy uzvōordy Ņle tā. nu i bērtēipi brūoļi Ņejušy tī jedy, jī nu vāimōža. Vīenoža, tai saucās..., nu turipis jī cālušyšy." А. Солим также рассказывает о напитке из ржаной муки раугене (raugēna) и технологии его приготовления, а также помнит несколько литовских народных песен, выученных у тетки-литовки (мать информанта - латышка).

По сравнению с концом XIX в. и началом XX в., лингвистическая ситуация в Краславе сильно изменилась: в Одигянах, Больших Мульях, Панкянах (Pānkāny) проживавшие литовцы говорят по-латышски, в Борозке (Boroc̄ka), Аугустинишках (Auguštīniškys), Вецелях (Vēcēli) - по-русски. Практически не существует больше Запольников (Zarōļi/kī// -ky), Миски, Новиков.

О литовцах рассказывают не только краславчане. Жители Ивалты помнят, что деревня Малые Сувейады (в народе *Lāviņi* (ср. с 4,100) началась с двух братьев-литовцев и все жители с фамилией Сувейада первоначально были кровными родственниками.

Полученные от информантов сведения о литовцах в бывшей Скайстской волости совпадают со сведениями историков и лингвистов¹. Литовцы здесь проживали в Большой Индрице (*Widreica // Lelūo Widreica // Indryca*), Биндарах (*Bindary*), Сталтах (*Staltų*), Калнишах (бывшем Штеренберге; *Kālņišu, Šterēnberks*), Спальвишках (*Spālviški*), теперь - почти полностью ассимилировались.

Из четырех исследуемых говорах только аулейцы ничего не рассказывают о литовцах в своей волости.

О длительном проживании литовцев в окрестностях Краславы также свидетельствует множество топонимов: *Samaninkas*², *pu*; *Bindralauki*², *la*; *Gintauti* (*Gintauty*), *Užinkalns* (*Užynkoīnc*), *Misjūni*, *Gereci* (*Geraci*), *c*; *Silmede*, *p/n* (*K*); *Šaltupe*, *u* (*I, K*); *Veržine* (*Vāržurā*), *Lielie Suveizdi*, *c* (*I*); *Bindari*, *c* (*S*) и антропонимы: *Palulis*, *Misjūns*, *Palera*, *Gereika*, *Širvis*, *Kaira*, *Suveizda*, *Ungurs*, *Gražulis*, *Vaģelis*.

¹ Ср. с 17. В сведениях о Скайстской волости указано, что в Биндарах существует Большаяиндрицкая литовская начальная школа 1 степени. См. также 8, 84 о переселении литовцев в Большую Индрицу.

² По сведениям А. Вагале. Примеры (кроме названий деревень) даются лишь в транспонированной на латышский литературный язык форме.

Lauželis, Varnass, Litvjaks и др.

Языковеды неоднократно возвращались к вопросу о топонимах на *-išk-*. К. Буге (4,100) это позволило сделать вывод, что Извалту когда-то населяли литовцы. Уточним, что часть перечисленных и топонимов (*Kropiškyus, Vušičiškys, Vikiškys* и др.) находится не в Извалте, а в Аулее (аулейцы тогда еще считались жителями Извалтской волости, хотя часть их проживала в нескольких десятках километров от Извалты — центра волости). К. Гаршва (8,86), рассматривая другую гипотезу (*-išk-* оставлено селонами), стремится присоединиться к Буге. Добавим, что топонимов на *-išk-* в окрестностях Краславы действительно много: в Краславе, например, *Auguštīčiškys, Škagalīškys*, в Скайсте — *Treščiškys, Šmīlziškys, Trarčiškys, Kulīčiškys, Zukulīškys* и др. Иногда топоним с *-išk-* существует не как официальное название деревни, а только в народной речи, притом может быть выражен другой лексемой, например, в Извалте (I): *Mazie Šķipuri¹ - Pīrcīriškys¹*, *Krekeļi - Krekeļiškys*; в Краславе (K): *Bancāni - (!) Bārci-ziškys, Glaudāni - Glaudāriškys, Puķāni - Puķāriškys*; в Аулее (A): *Brenči - Brenčiškys*; в Скайсте (S): *Voļņi - Voļņiškys, Truželi - Tružiškys*. Топонимы на *-išk-* наряду с формой без этого форманта все-таки не случайны. Так, например, в Извалте и Аулее — *Vonogu*, в Скайсте — *Vonogiškys*; в Краславе — *Koļna* и *Ļājis Romiļi* (// -oļ-), в Скайсте — *Romiļiškys*.

¹ Первым приводится официальное название местности в литературной форме, вторым — народное в диалектной форме.

Кроме того, в окрестностях Краславы все деревни сами латыши называют солдами (об этимологии слова см. МБ III 664) (*solā*; фразеологизм *soļus slūta* обозначает человека, ходящего по деревням для выслушивания сплетен).

В исследовании (30,41-56) о родстве латышских говоров с литовскими Я. Эндзелин перечисляет немало общих признаков литовских и верхнелатышских говоров, которые латышами не должны восприниматься как заимствования. В связи с говорами окрестностей Краславы можно было бы цитировать сказанное Эндзелином *olej* и *saŕeiku* в настоящем времени; *o-tumet* и *-tumet* в сослагательном наклонении; *o-mēs* и *-tēs* возвратных глаголов 1-го и 2-го л. мн.ч., а также сказанное о глаголах *atiet, tept* и *šiept* (с.45-47).

К этому перечислению можно добавить еще и другие лексические, морфологические и фонетические особенности, общие для литовского языка и верхнелатышских говоров.

В окрестностях Краславы в активном общении встречаются следующие существительные: *ģirtūma*¹ 'опьянение', А, S *ģirtvīpa//ģirtuoklā* 'голубика', I, A *miomilē* 'место на макушке', *kuikā* 'индейка', *kuikīnc* 'индик', *kākā* 'гроздь', *ģirva* 'костер', К, S *ģuģiļi* 'непрошенные гости на свадьбе', *ģārkļā* 'горло', К *kalavieji* 'аирн болотные', *ģūpka* 'попона', I *šaisšus* 'игры', I *raļerā* 'тень; навес', *ģlīvīrā* 'образ смерти', I *ģilē* 'слепень', I, К *pradāģis//К* тоже *radāģā* 'прокос' и др.

¹ Впредь без указания говора перед словом, если лексема употребляется во всех 4-х говорах. В остальных случаях, как и до сих пор, К обозначает Краславу, S - Скайсту, I - Ивалту, А(Gr) - часть Аулеи, I(P) - часть Ивалты.

Часть из них все упомянуты как заимствования. Но заимствованиями, без каких либо сомнений, можно назвать лишь, например, такие, как *K kīkužy*, так как рядом употребляется и *ślekužy* 'шишки'.

В окрестностях Краславы по-прежнему употребляются имена прилагательные с *-inis*, *-ine* в атрибутивной функции²; причем они нередко совпадают с литовскими, например, *ra-šlapīšis vūšis* 'собака, которая подкрадывается тайком, без лая', *stūlgīšis rūs* // *stūlgīs* 'продолговато круглый горшок'.

Многие наречия образованы здесь с *-ai*: *vālāi* 'поодно', *шупāi* 'вдруг', *ratāi* 'редко', также и лексические славянизмы: *šikāi* 'тихо', *strogāi* 'строго' и др.

В Извалте часто употребляется частица *ģi* вместе с другими вспомогательными словами: *поу ģi* - подтверждая, *пи ģi* - потсрапливая, *о ģi* - спрашивая и т.п.; наречиями: *kūr ģi* 'где же', *kaī ģi* 'как же'; местоимениями: *kas ģi* 'кто, что же', *kūs ģi* 'кого, чего же' и др.

Междометие *āšū* (*šīvāšam*; в разговоре с ребенком), которое употребляют в Извалте, кажется заимствованием (ср. с лит. *āšū*: 'спасибо!'), так как обычно говорят *rāšūš*.

В литовском же языке (см. 15,88), возможно, надо искать и причину колебаний интонаций в говорах окрестностей Краславы.

Больше всего соответствий с литовским языком (говорами) имеет глагол. Это подтверждается при анализе многих явлений системы глагола.

¹ О них общито в 21,73-94 с примерами также и из говоров окрестности Краславы.

1. Многочисленные общие признаки говоров окрестностей Краславы и литовского языка (говоров) в лексике, фонетике, но особенно - в морфологии свидетельствуют об их древнем родстве. Оно также исторически обусловлено.

2. Уточнение ареала и уровней соответствий - задача дальнейших исследований о родственных отношениях латышского и литовского языков (говоров).

4. Влияние латышского литературного языка (ЛЯ).

Кроме славянских и литовского языков, значение в образовании системы глаголов в окрестностях Краславы имеет и латышский ЛЯ, хотя средством общения остается все же диалект. На нем говорят вне уроков ученики Извалтской средней, Аулейской 8-летней, Саулескалнской 8-летней, частично-Скайстской 8-летней школ. Жители Извалты и Аулеи, в меньшей мере Краславы и Скайсты между собой на диалекте общаются в местных "учреждениях" - в конторе, сельсовете, на почте, а также в аптеке, магазине, столовой и, конечно, на фермах, в сушилках, мастерских. ЛЯ в окрестностях Краславы понимают все латыши (латгалцы) и часть населения других национальностей. Общаться на нем не могут лишь жители старшего поколения люди за 60-70 лет. Молодые специалисты, возвращающиеся на родину после учебы, "забытый" говор для активного пользования вынуждены "вспомнить" и даже насмешек местного населения. Прибывающие сюда специалисты - носители ЛЯ существенного влияния на местную речь не имеют. Население других национальностей, начиная говорить по-латышски, как правило, пользуется диалектом,

в не ЛЯ.

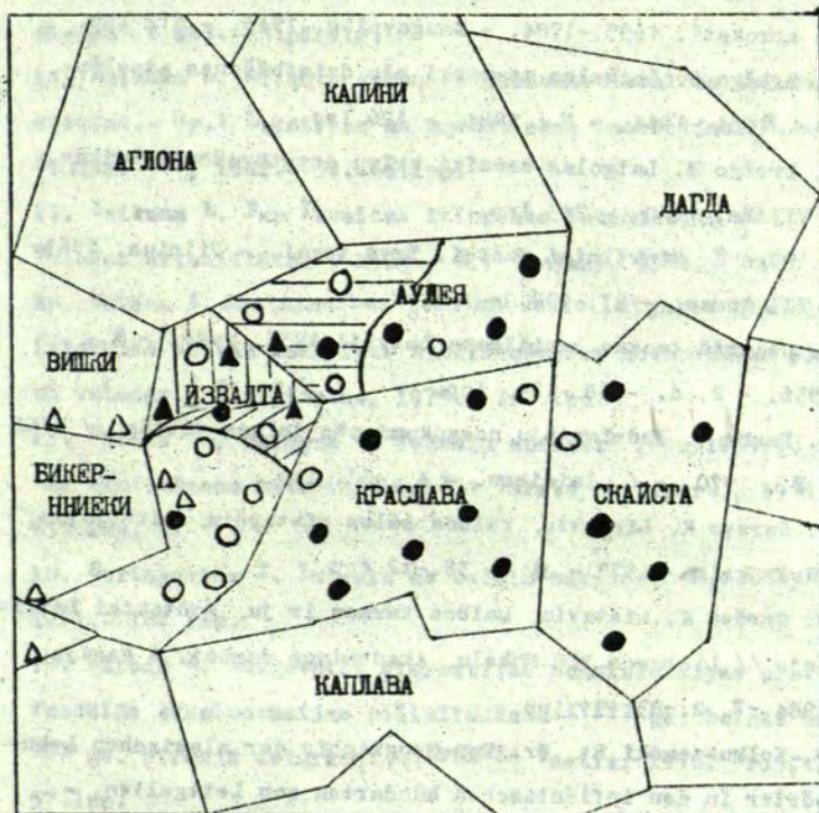
В последнее время влияние ЛЯ на язык населения окрестностей Краславы все же увеличивается: как школа, так и средства массовой информации, в том числе периодические издания, которые не издаются больше на латгальском письменном языке. Меняются употребляемые в быту предметы, техника; очень сократилось число кустарей. Все это оставляет свой отпечаток и в языке.

В качестве примера приведем несколько употребительных литературных лексем: (sa)stingt '(о)коченеть', (sa)-slimt 'заболеть', akaust 'завидовать', vārit 'варить' и др. Кроме того, отмечаются некоторые значения, возникшие под влиянием ЛЯ, как, например, lasēit 'читать' и др.

1. На говоры окрестностей Краславы ЛЯ оказывает небольшое влияние, притом в неодинаковой мере в зависимости от возраста, образования населения, а также стабильности места жительства людей.

2. В Аулее и Извалте, где больший удельный вес коренных жителей - латышей (латгальцев), диалект более устойчив и доминирует не только в повседневном общении населения, но и в официальных государственных учреждениях.

3. В местностях Краславы и Скайсты, где не произошла денационализация коренных жителей, также наблюдается сопротивление латышскому ЛЯ, как это происходит в Извалте и Аулее.

- △ - полное совпадение основ настоящего времени на $\bar{e}je$ и $\bar{t}jo$
 ● - переход основ прошедшего времени на \bar{e} в основы на \bar{a}
 ○ - сохранение основ прошедшего времени на \bar{e}
 ▲ - преобразование $\bar{e}j$ - \bar{t} в суффиксах глаголов и имен
 ≡ - часть Аулеи, обозначаемая в статье А (G.)
 ▨ - часть Извалты, обозначаемая в статье J (P)
 ▩ - территория Извалты, где рассматриваемые изменения встречаются частично

Список литературы

1. Brežgo B. Latgolas inventari un generalmēreišonas zemū aproksti. 1695.-1784. - Daugavpils, 1943. - 412 lpp.
2. Brežgo B. Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atcelšanas. 1861.-1914. - R., 1954. - 126 lpp.
3. Brežgo B. Latgolas zemnieki krīvu dzymtbyušonas laikūs. - Vilaka, 1940. - 243 lpp.
4. Būga K. Rinktiniai raštai. Trys tomai. - Vilnius, 1961. - III tomas. - 97.-102. lpp.
5. Ceturtā tautas skaitišana Latvijā 1935. gadā. - R., 1936. - 2. d. - 68.-121. lpp.
6. Dambe V. Iedzīvotāju nosaukumi pēc dzīves vietām // LVKJ - R., 1970. - 6. laidiens. - 45.-62. lpp.
7. Garšva K. Lietuviu kalbos salos pĉetryčiu. Latvijoje// Mūsu kalba - 1977. - № 6. - 39.-42. lpp.
8. Garšva K. Lietuviu kalbos tarmes ir ju kontaktai Latvijoje // Lietuvos TSR Mokslu Akademijos darbai. A serija, 1984. - T. 2. - 83.-91. lpp.
9. Kolbuszewski St. Fr. Zur Geographie der slawischen Lehnwörter in den infläntischen Mundarten von Lettgallen. - Lund, 1967.
10. Krasław przez Gustawa Manteuffla. - Warszawa, 1901. - 31 s.
11. Latviešu konversācijas vārdnīca. 14418-14425. - R., 1932.-1933. - 8. sēj.
12. Latvijas padomju enciklopēdija 10 sējumos. - R., 1984. - 5₁ sēj. - 768 lpp.

13. Latvijas PSR vēsture: No vissenākiem laikiem līdz mūsu dienām: 2 sēj.- 3.pārstr.
14. Leikuma L. Aizgūto verbu iekļaušanās Izvaltas izloknes sistēmā.- Gr.: Leksiskas un gramatiskas inovācijas.-R.: P. Stučka LVU, 1982.- 54.-60.lpp.
15. Leikuma L. Par Izvaltas izloknes intonācijām // Valodas aktualitātes - 1983.- R.: Zinātne, 1984.
16. Reķena A. Amatniecības leksika dažās Latgales dienvidu izloknes un tās sakari ar atbilstošajiem mosaukumiem slāvu valodās.- R.: Zinātne, 1975.- 707.lpp.
17. Salna V., Malduns A. Pagastu apraksti /Pēc 1935.g. tautas skaitīšanas materiāliem/-R.: Valsts stat.pārv., 1935.- 653 lpp.
18. Springovičs Z. Latgale un katoļu baznīca.- R.: LVI, 1961.- 184 lpp.
19. Strods H. Daugavpils starostijas zemnieku cīņas pret feodālās ekspluatācijas palielināšanu XVIII gs. beigās un XIX gs. pirmajā ceturksnī // LPSR ZA Vēstis.-1956.-Nr.3,41.- 57.lpp.
20. Terentjeva L. No Latgales lauku apmetņu vēstures (18.gs.- 20.gs.s.) // Arheoloģija un Etnogrāfija.-1973.-Nr.10.-215.- 234.lpp.
21. Vulāne A. Adjektīvu ar -inis, -ine derivācija un absolutīvā funkcija augšzemnieku dialektā // LPSR ZA Vēstis.-1986.- Nr.1.-73.-84.lpp.
22. Ефремова Л.С. Латышская крестьянская семья в Латгале: 1860-1930.- Р.: Зинатне, 1982.-272 с.
23. Захарина А.А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX - начале XX века.- Р.: Зинатне, 1966.- 241 с.

- 24. Лаумане Б.Э. Лексический материал диалектологического атласа латышского языка, отражающий латышско-русско-белорусско-польские контакты // Контакты латышского языка. — Р.: Зинатне, 1977.
- 25. Новгородов м.А. Говор русского старожильческого населения Дагдского района Латв.ССР: Автореф.дис... канд.филол.наук.— М., 1958.— 18 с.
- 26. Рекена А. Названия жилого дома и его внутренних помещений в южно-латгальских говорах и их соответствия в славянских языках :Сб.науч.тр.—Вильнюс , 1974.— С.132-137.
- 27. Синица А.И. Лексика говора русского старожильческого населения Преильского района Латв.ССР.: Автореф.дис... канд.филол.наук.— М., 1964.— 19 с.
- 28. Старообрядчество в Латвии без прикрас.1920-1940: Сборник документов.— Р.: ЛГУ, 1961.—162 с.
- 29. Эндзелин Я. Латышские заимствования из славянских языков. Darba izlase 4 sējumos.— R.: Zinatne, 1971.— 1.sēj. 80.— 112.lpp.
- 30. Эндзелин Я. О родственных отношениях латышских говоров к литовским. Darba izlase 4 sējumos.— R.:Zinatne, 1974.— 2.sēj., 41.—56.lpp.

L.Leikuma

Factors which influenced the appearance of some Letgale variants in the surroundings of Krāslava

In the present paper is discussed the influence of the Lithuanian, Polish, Byelerussian and Russian languages on the appearance of some Letgale variants in the surroundings of Krāslava as well as the influence of the Latvian literary language on these variants.

СЛОГОВЫЕ АКЦЕНТЫ В ЗИЕМЕРСКОМ И
В СОСЕДНИХ С НИМ ГОВОРАХ

До настоящего времени недостаточно экспериментально - фонетических исследований латышских диалектов. Мы пытались исследовать один из говоров очень своеобразного и до конца еще не исследованного верхнелатышского диалекта - зиимерский говор, который в настоящее время еще активно употребляется главным образом в бытовой жизни. Зиимерский говор можно услышать в северо - восточной части Латвии недалеко от границы Эстонской ССР, но влияние эстонского языка в говоре незначительно, изредка встречаются только некоторые взаимствованные лексемы. Выбранный нами зиимерский говор принадлежит к группе восточных говоров верхнелатышского диалекта. Характерным признаком этих говоров является монофтонгизация дифтонгов ie (>i) и uo (>u), например, в говоре sīva² (в говорах верхнелатышского диалекта, в которых длительный слоговой акцент совпадает с нисходящим, после слова с нисходящим слоговым акцентом у верхней линии короткой буквы пишется двойка) sīva < sieva (жена); tīva < tieva (худая); ūla² < uola (яйцо); kūst < kuost (кусать).

В зиимерском говоре функционируют два вида слогового акцента, т.н. нисходящий (∖) и прерывистый (∧) слоговые акценты, например, reit² (глотать) и reit (завтра). В латышском литературном языке существующий т.н. длительный (∩) слоговой акцент в исследуемом говоре заменен нисходящим слоговым акцентом, например, līme (счастье); līpa (губа); maīta (имущество); māte (мать); pērle (жемчуг); saīle (солнце) в зиимерском говоре произносится как lāima², lōupa², mōnta², mōte² или mūota², sierla², saūla². Такие же два вида слогового акцента мы расслышали и в соседних зиимерскому говорах Алуksне, Вецлайцене, Карва, Яунлайцене и Яунрозе. При определении и экспериментальном подтверждении функционирования и разновидности слоговых акцентов в зиимерском говоре мы руководствовались главным образом методикой исследований

просодических величин, разработанной в лаборатории экспериментальной фонетики Вильнюсского госуниверситета им. В.Капсукаса. Для дифференцирования и опознания разных типов слоговых акцентов мы интересовались частотой основного тона, интенсивностью и динамикой спектра гласных.

В зиимерском говоре имеется большая разница в максимальной и минимальной частоте основного тона у гласных с прерывистым слоговым акцентом, что соответствует резкому изменению кривой основного тона. Частотный диапазон основного тона у монофтонгов с нисходящим акцентом (M_H) и кратких монофтонгов (M) значительно меньше диапазона у монофтонгов с прерывистым акцентом (M_P), что указывает на более плавный характер изменений тона M_P и M . Аналогичная картина наблюдается как в изолированных словах, так и во фразах. Средний частотный диапазон у дифтонгов с прерывистым слоговым акцентом (D_P) тоже гораздо больше диапазона у дифтонгов с нисходящим слоговым акцентом (D_H). Таким образом, мы можем считать частотный диапазон основного тона одним из дифференцирующих параметров гласных с различными слоговыми акцентами в зиимерском говоре, резко отличающих прерывистый слоговой акцент от нисходящего.

В зависимости от типа слогового акцента в зиимерском говоре также значительно отличается крутизна основного тона гласных, причем имеет место следующие отношения: S_I : S_2 : $S_3 = 2,3 : 1,5 : 1$ (S_I - крутизна M_P , S_2 - крутизна M , S_3 - крутизна M_H); S_4 : $S_5 = 2 : 1$ (S_4 - крутизна D_P , S_5 - крутизна D_H), что свидетельствует о значительном различии между крутизной прерывистого и нисходящего слогового акцента. Значит, крутизна измеряемого основного тона является ярким фонетическим признаком слоговых акцентов зиимерского говора.

Интересно также, что основной тон гласных в исследуемом говоре достигает максимальной частоты в долгих монофтонгах значительно быстрее, чем в кратких. Это, по-видимому, связано с более энергичной артикуляцией долгих монофтонгов и с нисходящим характером, как нисходящего, так и прерывистого акцента гласных.

Итак, в зиимерском говоре по динамике (характеру движения) и направленности основного тона гласных наиболее ярко противопоставляются два типа слоговых акцентов.

1) Слоговой акцент, характеризующийся сравнительно узким диапазоном и п л а в н ы м и изменениями основного тона, а также нисходящим, восходящим или восходяще - нисходящим, движением тона (см. рис. 1, 2, 3).

В латышском литературном языке, где противопоставляются нисходящий, длительный и прерывистый слоговой акцент, нисходящий акцент, реализуется более четко (с нисходящим движением основного тона), поскольку ему грозит совпадение и с прерывистым, и с длительным слоговым акцентом. В системе двух слоговых акцентов зиимерского говора важно лишь то, чтобы нисходящий слоговой акцент не совпал с прерывистым, поэтому нисходящий слоговой акцент в данном говоре больше варьирует - вплоть до типа, сходного с литературным длительным слоговым акцентом.

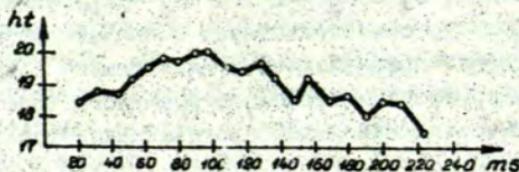

Рис. 1. Дифтонг uo в словоформе kuosu².

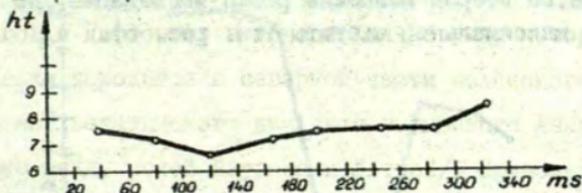

Рис. 2. Дифтонг ei в словоформе reitu².

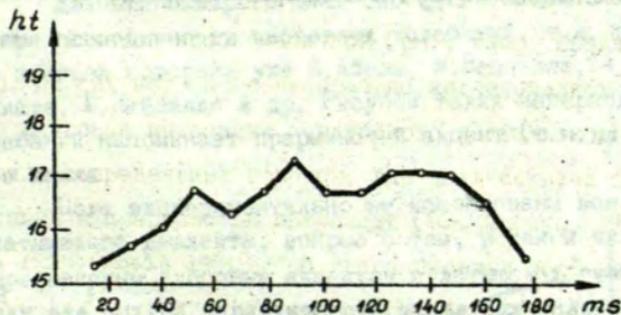

Рис. 3. Дифтонг ei в словоформе reitu.

2) Очень выразительный слоговой акцент, характеризующийся широким диапазоном "резки" и изменениями основного тона, а также резко нисходящим тоном (см. рис. 4,

5). Иногда направление тона в первой половине гласного резко нисходящее, во второй половине резко восходящее, но не достигающее до максимальной частоты (см. рис. 6).

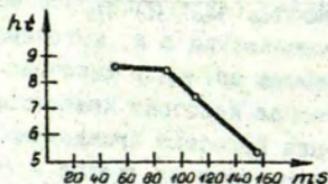

Рис. 4. Монофтонг а в словоформе avu.

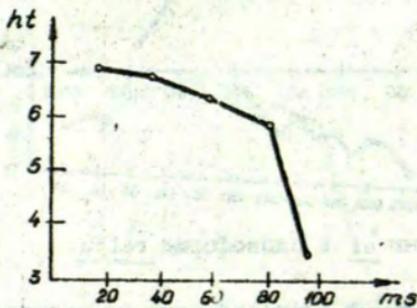

Рис. 5. Монофтонг u в словоформе kustu.

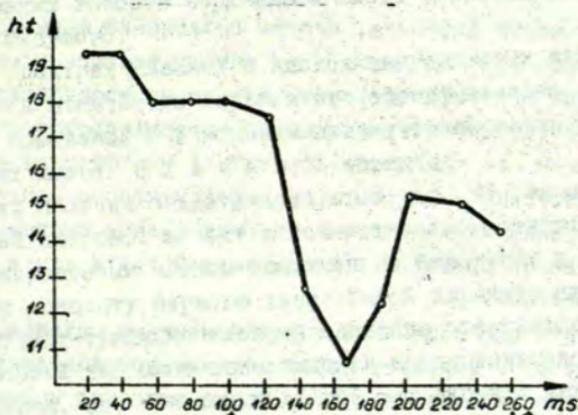

Рис. 6. Дифтонг $i\hat{e}$ в словоформе $vrie\hat{n}a$.

Для этого второго типа слогового акцента характерна потеря периодичности частотных колебаний, т.н. глоттализация, о которой говорили уже А.Абеле, М.Вецозола, А.Лауа, И.Лехисте, М.Нейданде и др. Рисунок таких непериодических колебаний напоминает прерывистый акцент (т.н. $s\hat{f}$ \hat{a}) датского языка.

Пока экспериментально не исследованы все говоры верхне-латышского диалекта, вопрос о том, в какой части гласного с прерывистым слоговым акцентом в латышских говорах происходит эта потеря периодичности частотных колебаний или даже полное прерывание голоса, является спорным. (У кратких монофтонгов изменения основного тона имеют довольно плавный характер, и тон имеет различные направления — восходящий, нисходящий и условно восходяще-нисходящий).

Анализ динамики спектра гласных в зимерском говоре тоже подтверждает факт об ослаблении, даже исчезновении формант при прерывистом слоговом акценте, т.е. наблюдается резкое изменение динамической картины. В данном говоре резкие изменения спектральной картины наблюдаются в

переходной части дифтонга. Иногда ослабление формант начинается и несколько позже, т.е. к началу второго компонента. После взрыва некоторые форманты больше не восстанавливаются, но есть также спектрограммы, в которых достаточно хорошо выражены все три части формант. У монофтонгов с прерывистым слоговым акцентом в зиимерском говоре непериодические вибрации на низкой частоте или полное прерывание голоса появляется примерно в конце первой трети или в середине слононосителя.

Исследуя слоговые акценты субъективным методом, т.е. с помощью слуха, и опираясь на записанные другими лингвистами тексты, латышский языковед А.Брейдак высказал мнение, что во многих неселонских говорах верхнелатышского диалекта прерывание или резкие изменения голоса при прерывистом слоговом акценте наблюдаются в первом (удлиненном) компоненте дифтонга или дифтонгического сочетания (1). А.Брейдак ссылается и на исследование А.Абеле и М.Лепик (2), которые субъективным методом анализируя тексты вецлайценского, яунлайценского и яунрозского говоров, являющиеся соседями зиимерского, пришли к заключению, что прерывание струи воздуха при произнесении дифтонгов с прерывистым слоговым акцентом происходит в конце первого компонента дифтонга.

Но в другой статье (3), описывая алуксненский говор, тоже соседний с зиимерским, и используя при этом экспериментальные данные, полученные путем кимографического анализа, А.Абеле констатирует, что резкие изменения голоса в данном говоре происходит в конечной части дифтонга. И.Мартинсоне, исследуя экспериментальным путем другие три говора верхнелатышского диалекта, наблюдала резкие изменения струи воздуха в середине или во второй части дифтонга, произнесенного с прерывистым слоговым акцентом (4).

Обобщая вышеупомянутые определения, делаем заключение, что все экспериментально проведенные анализы вокализма разных говоров верхнелатышского диалекта доказывают место **р е з к и х** изменений или прерывания голоса при прерывистом слоговом акценте в средней (переходной) части или в начале второго компонента дифтонга. Этому противоречат слуховые

наблюдения, которые необходимо подвергнуть более тщательной экспериментальной проверке. Экспериментальный анализ не исследованных говоров верхнелатышского диалекта является вопросом будущего.

В спектрах гласных с нисходящим слоговым акцентом наблюдается отсутствие выраженного специфического признака — резких изменений — изменения динамической картины в этих спектрах имеют п л а в н ы й характер.

Эти явления свидетельствуют о том, что эмемерский прерывистый слоговой акцент в фонематическом отношении является маркированным членом оппозиции по отношению к немаркированному акценту первого типа. Такой характер акцента соответствует традиционному названию прерывитого акцента.

Первый тип слогового акцента традиционно называют нисходящим, но, так как и второй тип акцента является нисходящим, с фонологической точки зрения, правильнее первый тип называть непрерывистым или плавным.

При анализе интенсивности гласных установленные статистические моменты по разному отражают различия между гласными с нисходящим слоговым акцентом и гласных с прерывистым слоговым акцентом.

Судя по X интенсивности, в говоре наблюдается тенденция различия нисходящих гласных (с большей интенсивностью) от прерывистых гласных (с меньшей интенсивностью), но разница оказывается недостаточной для статистической достоверности. Расстояние от начала гласного до точки максимальной интенсивности варьируется в зависимости от типа слогового

акцента: гласные с прерывистым акцентом достигают максимальной интенсивности значительно быстрее, чем гласные с нисходящим слоговым акцентом. Такая тенденция вполне понятна, если принимать во внимание, что и длительность гласных с нисходящим слоговым акцентом гораздо больше длительности гласных с прерывистым акцентом. Все дифтонги в эмемерском говоре характеризуются одним максимальным подъемом (максимальной точки) интенсивности, что позволяет считать их истинными дифтонгами, образующими один слог.

Диапазон интенсивности у гласных с прерывистым сло-

вым акцентом значительно больше диапазона у гласных с нисходящим слоговым акцентом. Таким образом по диапазону интенсивности в эмерском говоре можно определить тип слогового акцента. Диапазон интенсивности у кратких монофтогов близок к диапазону монофтогов с нисходящим слоговым акцентом. Наши измерения свидетельствуют о значительном различии между крутизной интенсивности прерывистого и непрерывистого слогового акцента, например, $S_1 : S_2 : S_3 = 2 : 1,6 : 1$; $S_4 : S_5 = 1,3 : 1$. Значит, крутизна изменений интенсивности (как и крутизна основного тона) является фонематическим признаком слоговых акцентов в эмерском говоре.

Таким образом, по динамике и направленности интенсивности гласных в эмерском говоре тоже ярко противопоставляются два типа слоговых акцентов:

1) слоговой акцент, характеризующийся плавными и изменениями интенсивности, а также восходяще-нисходящим движением интенсивности (см. рис. 7);

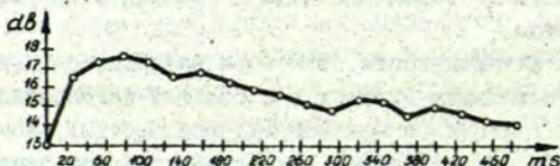

Рис. 7. Монофтог i в словоформе piga².

2) слоговой акцент, характеризующийся резкими и изменениями интенсивности, а также резко нисходящим или резко восходяще-нисходящим движением интенсивности (см. рис. 8, 9).

Иногда движение интенсивности встречается также резко нисходящее в первой половине гласного и резко восходящее во второй половине гласного (см. рис. 10), но не доходящее до максимальной интенсивности первой половины гласного.

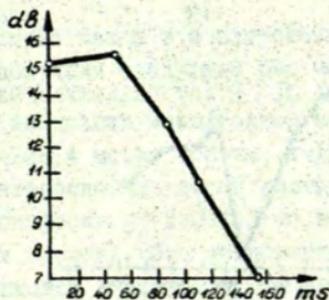

Рис. 8. Монофтонг а в словоформе асту.

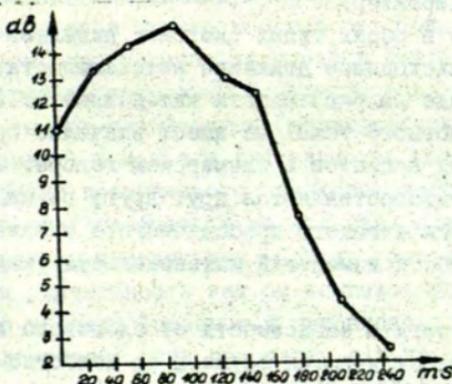

Рис. 9. Дифтонг уо в словоформе кюсту.

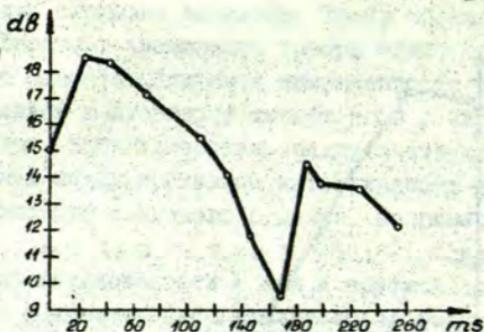

Рис. 10. Дифтонг ie в словоформе spiega.

У кратких монофтонгов изменения интенсивности имеют довольно плавный характер.

Мы видим, что в обоих типах слоговых акцентов встречается восходяще-нисходящее движение интенсивности, — следовательно, движение направленности интенсивности (как и направленности основного тона) не имеет значение при дифференциации слоговых акцентов в змемерском говоре. Оба слоговых акцента противопоставляются друг другу по наличию или отсутствию специфического просодического признака резкости или плавности изменений интенсивности (как и основного тона).

Долгие монофтонги в зависимости от слогового акцента в змемерском говоре отличаются также и по долготе: долгие монофтонги с нисходящим слоговым акцентом являются более долгими, чем долгие монофтонги с прерывистым слоговым акцентом. Среднее соотношение: $M_{II} : M_{II} : M = 1,7 : 1,2 : 1$. Кажется, что небольшое отличие длительности между долгими и краткими монофтонгами подтверждает высказание А. Абале о продлении кратких гласных в алуksenском говоре (а значит, и в соседнем змемерском) по сравнению с говорами средне-латышского диалекта (5).

При вычислении средней длительности каждого отдельно-

го долгого гласного как и в изолированных слогах, так и во фразах, мы получили следующий ряд монофтонгов (в порядке возрастания длительности): \hat{i} , \hat{u} , \hat{y} , \hat{e} , \hat{a} , \hat{o} , \hat{i} .

Самым кратким из долгих монофтонгов в говоре является монофтонг \hat{i} ($\bar{x}=148,4$ мс во фразах; $\bar{x}=181,3$ мс в изолированных словах). Интересно, что самый долгий из долгих монофтонгов в говоре монофтонг \hat{i} ($\bar{x}=261,3$ мс во фразах; $\bar{x}=356,8$ мс в изолированных словах). Это объясняется тем, что монофтонг \hat{i} в говоре восходит к дифтонгу ie и сохраняет длительность, характерную для дифтонга. Длительность дифтонгов в говоре близка к длительности долгих монофтонгов.

Спектр, основной тон, интенсивность и длительность гласных создают материальную основу для дифференцирования слоговых акцентов в эмерском говоре. Каждый из этих параметров имеет определенное значение в дифференции акцентов. Например, резкие изменения основного тона и интенсивности, понижение тембра монофтонгов (отражающиеся в спектре понижением формант) и меньшая длительность может сигнализировать о наличии прерывистого (резкого) слогового акцента. Но ни один из этих параметров не является единственным, основным достоверным индикатором. Спектр, основной тон, интенсивность и длительность как бы компенсируют друг друга. Возможно, что в одних фразовых и интонационных условиях решающую роль играют одни признаки, а в других условиях — другие (например, по предварительным наблюдениям можно полагать, что в вопросительных фразах тон значительной степени теряет способность различать слоговые акценты). Слоговые акценты монофтонгических и дифтонгических слогов по существу, не различаются между собой — их различительные признаки полностью совпадают. Судя по аудитивному впечатлению, такие же признаки представлены и в дифтонгических сочетаниях, которые нами специально не исследовались.

Наши исследования подтверждают предположение о наличии в системе двух слоговых акцентов в восточных говорах верхнелатышского диалекта. Оба слоговых акцента в эмерском говоре противопоставляются друг другу по наличию или отсутствию специфического просодического признака **р е з к о с т и** или **п л а в н о с т и** — изменения основного тона, интенсивности и

спектра. Мы предлагаем, с фонологической точки зрения, называть эти два типа слоговых акцентов п л а в н ы м /т.е. непрерывистым/ и р е з к и м /или прерывистым/ акцентом.

По слуховому анализу языкового материала 54 информантов, в говорах Алуksне, Вецлайцене, Карвы, Яунлайцене и Яунрозе наблюдаются слоговые акценты, аналогичные Змемерскому говору.

Список литературы

1. Breidaks A. Latgalisko izlokšņu prosodijas jautājumi// Veltījums akadēmiķim Janim Endzelīnam 1873.- 1973., R.: Zinātne, 1972.- 89.- 108. lpp.
2. Ābele A. un Lepika M. Par Apukalna izlokanēm// Filologu biedrības raksti.- 1928.- VIII.-19.- 49. lpp.
3. Ābele A. Alūksnes izloksnes intonācijas// Filologu biedrības raksti.- 1930.- X.-80.-91. lpp.
4. Martinsone J. Vārkavas, Pildas un Zvirgzdīmes pagasta intonācijas// Filologu biedrības raksti.- 1934.- XIV.- 143.- 165. lpp.
5. Ābele A. Alūksnes izloksnes intonācijas// Filologu biedrības raksti.- 1930.- X.-89. lpp.

D.Markusa

Types of Syllable Toneme in the Ziemeri and close to it Variants of High Latvian Dialect.

The research permits to confirm the supposition concerning the functioning of two types of syllable toneme in the Eastern variants of the High Latvian dialect. The answer to the discutable question on the place of glottalization in the monophthongs and diphthongs with a broken (acute) syllable toneme is searched for.

СЛГОВЫЕ ИНТОНАЦИИ СЕЛОНСКОГО ГОВОРА КАЛДАБРУНЯ

В статье рассматриваются слоговые интонации долгих монофтонгов и дифтонгов в говоре Калдабруня, который диалектографически находится в северной части селонского бебреноского говора верхнелатышского диалекта латышского языка /в средней Лугземе между рекой Даугава и Литвой/. Приводятся экспериментальные данные просодических характеристик длительности, интенсивности и основного тона долгих монофтонгов и дифтонгов двух типов слоговых интонаций, характерных для глубоких селонских говоров - нисходящей (M_T, D_T) и восходящей (M_T, D_T) интонации при произношении слогов в изолированных словах (W) и во фразах (ST).

Природа слоговых интонаций в говорах верхнелатышского диалекта является проблематичной (см., напр. Брейдак 1989, 44-57). До сих пор экспериментально исследовались в основном только слоговые интонации глубокого латгальского говора Зиешери и сопредельных говоров, где наличествует оппозиция нисходящей и прерывистой интонаций (см. Маркус 1983; Ābele, Lepika 1928; Ābele 1930), об интонационных особенностях слогов глубоких латгальских говоров см. Martinsons 1934. В селонских говорах наличествуют два основных типа слоговых интонаций - нисходящая и восходящая. О характере этих интонаций до сих пор говорилось в общих чертах только с перцептивной точки зрения (см. Ābolīpa 1927; Višolis 1932; Kancāns 1927; Ancītis 1977 и др.).

○

Продолжая физиологически аудитивный эксперимент по опозна-

ванию слоговых интонаций (о методике см. Гирденис 1984, 82), выясняется, что младшее поколение очень плохо или совсем не различает интонации. Так, в Бабрене семи аудиторам было предложено распознать интонации в следующих минимальных парах: lùks 'дуга' - lùks 'окно', éit '/ты/ терпешь' - éit 'закрыто, замкнуто', gríst 'вращать' - gríst 'резать', kàuc 'воет, воют' - kàuc 'забит, зарезан': в подавляющем большинстве случаев значения и-критерия ниже критического значения /уровень значимости 0,05/. Однако сам информант, произносивший данные минимальные пары, представитель среднего поколения Я.Мачуланс слоговые интонации в эксперименте различал довольно четко. Это свидетельствует, с одной стороны, о существовании явных просодических различительных признаков двух типов интонаций, с другой - о нивелиации оппозиции этих признаков.

Подробный математико-статистический анализ акустических признаков всех основных просодических характеристик слоговых интонаций проводился в Вычислительном центре коллективного пользования Вильнюсского госуниверситета на ЭВМ типа ЕС-1060.02 по программе "Egle" составленной проф. А.Гирденисом на языке программирования P1/1. Первичные данные были получены с осциллограмм, сделанных в ЛЭФ Вильнюсского госуниверситета /инж. А.Печелюнайте/, к анализу подготовлены в Вычислительном центре Латвийского госуниверситета.¹

В данной статье отражены результаты, полученные с 124 осциллограмм долгих монофтонгов и с 151 осциллограммы дифтонгов. Для инструментального анализа были подобраны слова с долгими монофтонгами ā, ē, ī, ū, ō и дифтонгами au, ai, ou,

¹о методике получения результатов анализа см. Гирденис, Качишкене, 1987.

ei, которые находились в позиции между глухими или звонкими согласными, или после паузы: sàta 'усадьба' - ástu 'кушал, -а бы', bàda 'беда' - pàda 'ступня', tàuta 'народ' - kaùta 'забита, зарезана', dauza 'бьет' - kaùdama 'забивая, зарезая' и др. Известно, что существуют различия между характеристиками двух вокалических элементов /монофтонгов, дифтонгов/ в зависимости от того, произнесены ли они в изолированных словах или во фразах, следует ли за вокалическим элементом глухой или звонкий согласный. В данном случае не будем анализировать влияние звонкости-глухости последующего согласного на характер просодии монофтонга или дифтонга каждого типа слоговой интонации. Ограничимся лишь анализом и интерпретацией просодических характеристик обоих типов слоговых интонаций в совокупности, определением характера корреляции обоих типов слоговых интонаций.

Д л и т е л ь н о с т ь /см. табл. 1, рис. 1, 2/. В говоре Калдабруня интервал длительности долгих монофтонгов - от 160 мс до 278 мс, дифтонгов - от 186 мс до 302 мс.

Монофтонги и дифтонги с нисходящей слоговой интонацией почти всегда короче чем их корреляты с восходящей интонацией, однако четко различаются только в изолированных словах произнесенные долгие монофтонги и дифтонги ($t > t_{0,05}$, т.е. у долгих монофтонгов $DC^2 = 95,8 \%$, у дифтонгов $DC = 100 \%$). Во фразах длительность тоже может являться (с меньшей достоверностью, $t < t_{0,05}$) индикатором слоговых интонаций, поскольку у долгих монофтонгов $DC = 92,6 \%$, у дифтонгов $DC = 80,7 \%$.

Длительность долгого монофтонга и дифтонга, произнесенно-

² DC - distinction credibility (достоверность различения в процентах).

Таблица 1

Общая длительность (I) долгих монофтонгов и дифтонгов

Vocal type	n	\bar{T}_x (ms)	D (0,05)	$t \geq t_{0,05}$	DC
M_T (W)	38	236,0	213,4 : 258,7	$2,08 > 1,99$	95,8
M_T (W)	37	263,7	249,4 : 277,9		
M_T (ST)	22	171,6	160,0 : 183,2	$1,83 < 2,01$	92,6
M_T (ST)	27	185,6	174,9 : 196,3		
D_T (W)	49	238,5	228,2 : 248,7	$4,88 > 1,99$	100
D_T (W)	37	284,7	267,3 : 302,1		
D_T (ST)	38	200,5	186,2 : 214,7	$1,32 < 2,00$	80,7
D_T (ST)	27	213,0	201,8 : 224,2		

го в изолированном слове, больше, чем во фразе.

Результаты длительности в говоре Калдабруня сходны с результатами средней картины длительности двух селонских говоров - Калдабруня и Дигная (см. Sarkanis 1989), хотя упомянутое исследование свидетельствует о том, что слоговые интонации по длительности четко различают только в группах D_T - D_T ; в группах M_T - M_T длительность является недостаточно достоверным (уровень значимости 0,05) признаком различения слоговых интонаций. Надо заметить, что в настоящем исследовании количество использованных осциллограмм больше, чем в упомянутой работе, где из Калдабруни M_T , M_T = 69, D_T , D_T = 93 осциллограммы.

Длительность долгих монофтонгов в говоре Калдабруня близка длительности дифтонгов; также и в зиемерском говоре (Саркус

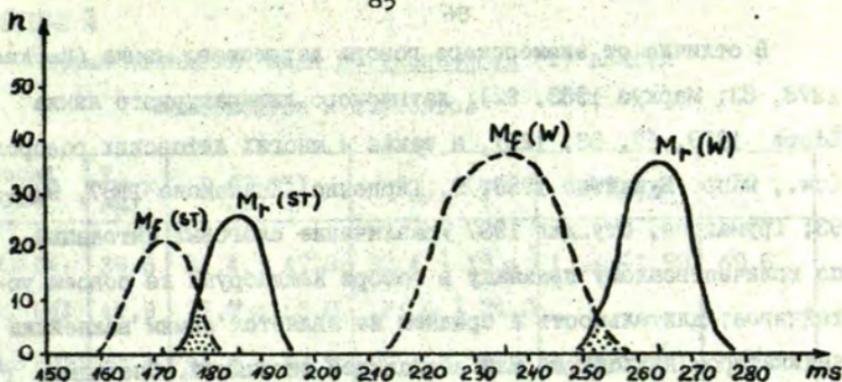

Рис. 1. Графическое сопоставление доверительных интервалов (D) длительности (T) долгих монофтонов

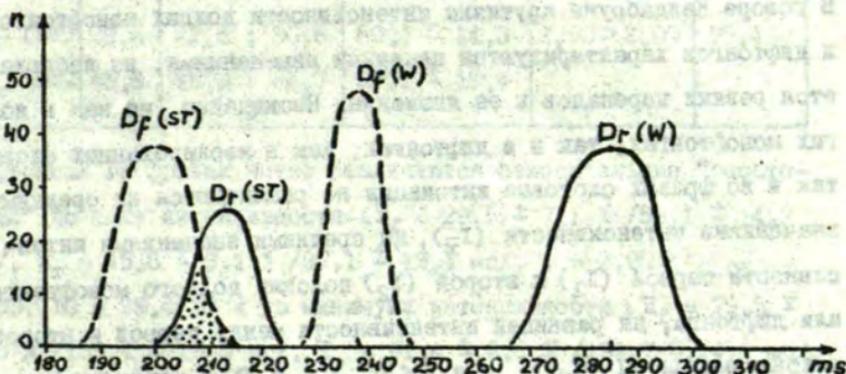

Рис. 2. Графическое сопоставление доверительных интервалов (D) длительности (T) дифтонов

1983, 92), но отличается от данных латышского литературного языка, поскольку дифтонги с длительной слоговой интонацией в литературном языке являются более длительными (по Цера 1979, 123 - 586 мс, иначе по Экблом 1933, 8 - от 271 мс до 312 мс).

В отличие от зимерского говора латышского языка (Markus 1978, 83; Маркус 1983, 92), латышского литературного языка (Liera 1979, 67, 68, 120), а также и многих литовских говоров (см., напр. Букантис 1985, 9, Гирденис, Качишкене 1987, 92-93; Грумадене, Студжя 1987) различение слоговых интонаций по количественному признаку в говоре Калдабруня не совсем устойчивое; длительность в среднем не является самым важным индикатором нисходящей или восходящей интонаций. Очевидно, только при более четком произношении слов длительность может манифестировать соответствующий тип слоговой интонации.

И н т е н с и в н о с т ь /см. табл. 2, 3, рис. 3, 4/.

В говоре Калдабруня крутизны интенсивности долгих монофтонгов и дифтонгов характеризуются плавными изменениями, не наблюдается резких перепадов в ее движении. Неожиданно, но как в долгих монофтонгах, так и в дифтонгах, как в изолированных словах, так и во фразах слоговые интонации не различаются ни средними значениями интенсивности (I_x), ни средними значениями интенсивности первой (I_1) и второй (I_2) половин долгого монофтонга или дифтонга, ни разницей интенсивности между первой и второй половинами ($DF / I_1 - I_2 /$), т.е. $t < t_{0,05}$, а DC с некоторыми исключениями ниже 50 %. Хотя и разница интенсивности между первой и второй половинами долгих монофтонгов в изолированном слове и дифтонгов во фразе значима (соответственно $\bar{x}_x = 1,0 \pm 0,55$ дБ, $\bar{x}_x = 0,4 \pm 0,45$ дБ, DC = 92 % и $\bar{x}_x = 1,0 \pm 0,35$ дБ, $\bar{x}_x = 0,6 \pm 0,5$ дБ, DC = 88,1 %), однако она не полностью достаточна для статистически достоверного различения слоговых интонаций. Явно и крутизна "восхождения" интенсивности в дифтонгах во фразе (соответственно $\bar{x}_x = 66,2 \pm 20,9$ дБ/с, $\bar{x}_x = 42,7 \pm 11,4$ дБ/с,

Таблица 3

Время появления пика интенсивности (I) долгих
монофтонгов и дифтонгов

Vocal type	T_{\max} (%)	D (0,05)	T_{\max} (ms)	$t \geq t_{0,05}$	DC
M_{τ} (W)	39,6	31,4 : 47,8	93,4 \pm 19,4	1,04 < 1,99	69,6
M_{τ} (W)	45,9	36,7 : 55,0	121,0 \pm 24,0		
M_{τ} (ST)	46,1	34,1 : 58,2	79,1 \pm 20,8	0,70 < 2,01	51,4
M_{τ} (ST)	51,1	42,2 : 60,0	94,8 \pm 16,5		
D_{τ} (W)	41,8	36,8 : 46,9	99,7 \pm 12,2	0,07 < 1,99	5,5
D_{τ} (W)	42,2	33,9 : 50,4	120,1 \pm 23,3		
D_{τ} (ST)	29,5	22,5 : 36,6	59,1 \pm 14,3	2,90 > 2,00	99,4
D_{τ} (ST)	45,6	36,6 : 54,7	97,1 \pm 19,4		

дифтонгах во фразах четко различаются относительные "расстояния" до пика интенсивности ($\bar{x}_{\tau} = 29,5 \pm 7,1 \% / 59,1 \pm 14,3$ мс/, $\bar{x}_{\tau} = 45,6 \pm 9,1 \% / 97,1 \pm 19,4$ мс/, $t = 2,90 > t_{0,05} = 2,00$, DC = 99,4 %) и до минимума интенсивности ($\bar{x}_{\tau} = 79,5 \pm 9,0 \% / 159,4 \pm 18,0$ мс/, $\bar{x}_{\tau} = 91,4 \pm 6,6 \% / 194,7 \pm 14,1$ мс/, $t = 2,02 > t_{0,05} = 2,00$, DC = 95,1 %).

В обоих типах слоговых интонаций характерно восходяще-нисходящее движение интенсивности, следовательно, направленность интенсивности также не имеет значения при дифференциации слоговых интонаций.

Из выше сказанного следует, что в говоре Каллабруни большинство параметров инт. интенсивности не служит для различения типов слоговых интонаций, т.е. по интенсивности нисходя-

Таблица 2

Статистические данные ИНТЕНСИВНОСТИ (I) ДОЛГИХ
МОНОФТОНГОВ И ДИФТОНГОВ

Indices	$I_{\bar{x}}$	I_1	I_2	DF ($I_1 \sim I_2$)
$M_{\bar{x}}(W)$	$-1,9 \pm 0,7$	$-1,4 \pm 0,7$	$-2,5 \pm 0,7$	$1,0 \pm 0,55$
$M_{\bar{x}}(ST)$	$-1,7 \pm 0,75$	$-1,4 \pm 0,75$	$-1,9 \pm 0,7$	$0,4 \pm 0,45$
$t \geq t_{0,05}$	$0,51 < 1,99$	$0,05 < 1,99$	$1,09 < 1,99$	$1,78 < 1,99$
DC	38,7	3,8	72,1	92
$M_{\bar{x}}(ST)$	$-1,7 \pm 0,75$	$-1,4 \pm 0,75$	$-1,9 \pm 0,7$	$0,4 \pm 0,45$
$M_{\bar{x}}(ST)$	$-1,5 \pm 0,9$	$-1,4 \pm 0,95$	$-1,7 \pm 0,95$	$0,3 \pm 0,55$
$t \geq t_{0,05}$	$0,15 < 2,01$	$0,05 < 2,01$	$0,34 < 2,01$	$0,76 < 2,01$
DC	11,8	3,7	26,3	54,6
$D_{\bar{x}}(W)$	$-1,8 \pm 0,5$	$-1,3 \pm 0,5$	$-2,4 \pm 0,55$	$1,1 \pm 0,35$
$D_{\bar{x}}(W)$	$-1,8 \pm 0,75$	$-1,3 \pm 0,75$	$-2,3 \pm 0,85$	$1,1 \pm 0,45$
$t \geq t_{0,05}$	$0,02 < 1,99$	$0,00 < 1,99$	$0,02 < 1,99$	$0,03 < 1,99$
DC	1,7	0,1	1,4	2,2
$D_{\bar{x}}(ST)$	$-1,5 \pm 0,55$	$-0,9 \pm 0,55$	$-2,0 \pm 0,65$	$1,0 \pm 0,35$
$D_{\bar{x}}(ST)$	$-1,5 \pm 0,75$	$-1,2 \pm 0,8$	$-1,8 \pm 0,85$	$0,6 \pm 0,5$
$t \geq t_{0,05}$	$0,19 < 2,00$	$0,65 < 2,00$	$0,31 < 2,00$	$1,59 < 2,00$
DC	15,1	49,7	23,9	88,1

но $t = 1,83 < t_{0,05} = 2,00$, а $DC = 92,7\%$). Два типа слоговых интонаций в долгих монофтонгах в изолированных словах по интенсивности четко различаются только в одном ее параметре - различным относительным "расстоянием" до минимума интенсивности ($\bar{x}_{\bar{x}} = 74,7 \pm 9,4\% / 176,3 \pm 22,2$ мс/, $\bar{x}_{\bar{x}} = 87,2 \pm 8,2\% / 227,9 \pm 21,6$ мс/, $t = 2,03 > t_{0,05} = 1,99$, $DC = 95,4\%$). В

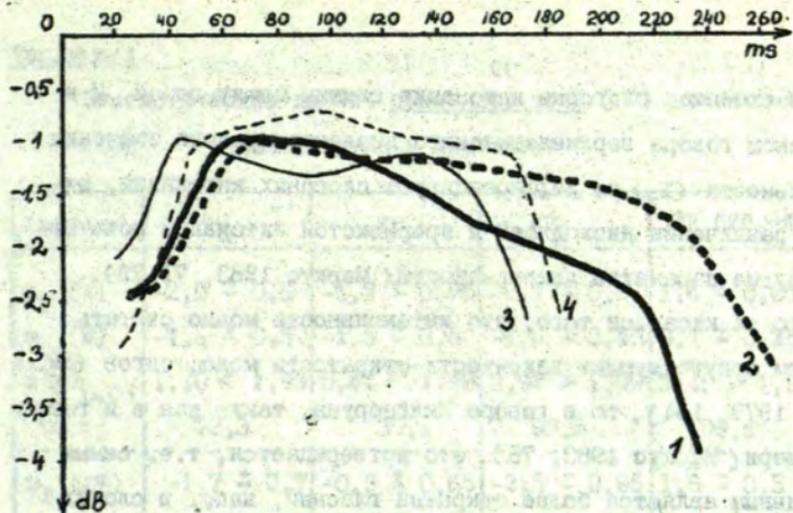

Рис. 3. Обобщенные кривые движения интенсивности

длинных монофтонгов / 1 - $M_F(W)$, 2 - $M_T(W)$, 3 - $M_F(ST)$, 4 - $M_T(ST)$ /.

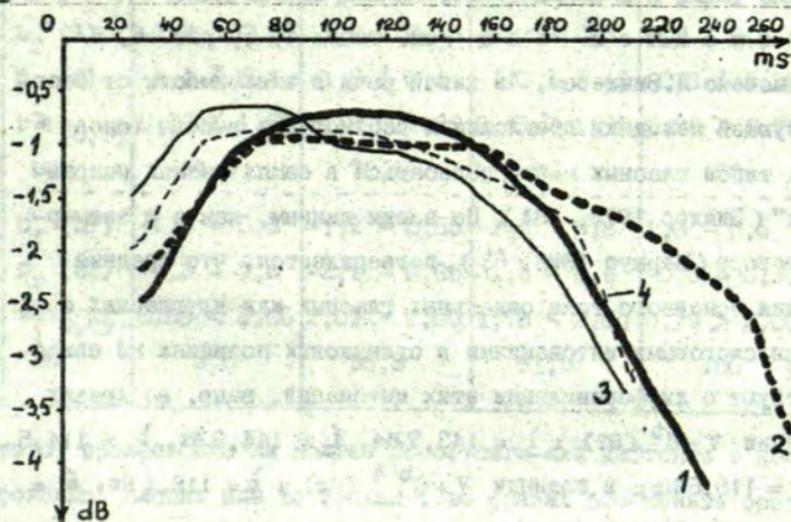

Рис. 4. Обобщенные кривые движения интенсивности

дифтонгов / 1 - $D_F(W)$, 2 - $D_T(W)$, 3 - $D_F(ST)$, 4 - $D_T(ST)$ /.

шая и восходящая слоговые интонации сходны между собой. И в зиимерском говоре верхнелатышского диалекта средние значения интенсивности ($I_{\bar{x}}$) не дифференцируют слоговых интонаций, однако в различении нисходящей и прерывистой интонаций роль играют другие параметры интенсивности (Маркус 1983, 71-79).

Что же касается того, что интенсивность можно считать явлением сопутствующим закрытости-открытости монофтонгов (см. Зиндер 1979, 184), то в говоре Калдабруна, также как и в говоре Зиимери (Маркус 1983, 76), это подтверждается, т.е. самым интенсивным является более открытый гласный, напр. в слогах с нисходящей слоговой интонацией в позиции $V + C^t^3$ (ST) : $\underline{a} = 43,2$ дБ, $\underline{b} = 40,7$ дБ, $\underline{u} = 40,1$ дБ, $\underline{i} = 39,0$ дБ, приблизительно также и в слогах с восходящей интонацией.

Основной тон /см. табл. 4, 5, рис. 5, 6/. Как отмечено Л.Зиндером, "в живой речи в зависимости от соответствующей мелодики предложения соотношение высоты тонов разных типов гласных может колебаться в самых разных направлениях" (Зиндер 1979, 184). По нашим данным, как и в зиимерском говоре (Маркус 1983, 63), подтверждается, что средние значения основного тона отдельных гласных или двугласных с разными слоговыми интонациями в одинаковых позициях не свидетельствуют о дифференциации этих интонаций, напр. во фразах в позиции $V + C^t$ (ST) : $\underline{i} = 143,7$ Hz, $\underline{f} = 144,9$ Hz, $\underline{b} = 114,5$ Hz, $\underline{o} = 118,6$ Hz; в позиции $V + C^m^4$ (ST) : $\underline{a} = 118,4$ Hz, $\underline{a} = 118,3$ Hz.

Однако имеются различия основного тона в зависимости от

³ V - vocales (монофтонги, дифтонги), C^t - consonantes tenues (глухие согласные).

⁴ C^m - consonantes mediae (звонкие согласные).

Статистические данные основного тона (FP) долгих
монофтонгов и дифтонгов

Indices	$FP_{\bar{x}}$	FP_1	FP_2	DF ($FP_1 - FP_2$)
$M_F (W)$	$-2,0 \pm 0,6$	$-1,3 \pm 0,75$	$-2,7 \pm 0,6$	$1,4 \pm 0,65$
$M_T (W)$	$-1,6 \pm 0,5$	$-1,5 \pm 0,5$	$-1,6 \pm 0,45$	$0,1 \pm 0,35$
$t \geq t_{0,05}$	$1,10 < 1,99$	$0,41 < 1,99$	$2,96 > 1,99$	$3,40 > 1,99$
DC	72,3	37,1	99,5	99,8
$M_F (ST)$	$-1,7 \pm 0,7$	$-0,9 \pm 0,65$	$-2,5 \pm 0,85$	$1,6 \pm 0,5$
$M_T (ST)$	$-1,2 \pm 0,6$	$-1,4 \pm 0,6$	$-1,1 \pm 0,65$	$-0,3 \pm 0,35$
$t \geq t_{0,05}$	$1,13 < 2,01$	$1,18 < 2,01$	$2,84 > 2,01$	$6,57 > 2,01$
DC	73,3	75,7	99,8	100
$D_F (W)$	$-1,7 \pm 0,45$	$-1,3 \pm 0,45$	$-2,2 \pm 0,5$	$0,9 \pm 0,3$
$D_T (W)$	$-1,4 \pm 0,4$	$-1,6 \pm 0,4$	$-1,3 \pm 0,45$	$-0,3 \pm 0,25$
$t \geq t_{0,05}$	$0,93 < 1,99$	$1,10 < 1,99$	$2,62 > 1,99$	$6,03 > 1,99$
DC	64,5	72,4	99	100
$D_F (ST)$	$-1,8 \pm 0,6$	$-1,2 \pm 0,55$	$-2,5 \pm 0,8$	$1,3 \pm 0,5$
$D_T (ST)$	$-1,8 \pm 0,6$	$-2,1 \pm 0,65$	$-1,5 \pm 0,6$	$-0,5 \pm 0,35$
$t \geq t_{0,05}$	$0,05 < 2,00$	$2,09 > 2,00$	$1,78 < 2,00$	$5,29 > 2,00$
DC	3,6	95,8	91,9	100

того, произнесены ли долгие монофтонги или дифтонги в изолированных словах или во фразах : во фразах обобщенные средние значения основного тона немного выше, чем в изолированных словах. Это, очевидно, под влиянием логического ударения, повышающего основной тон.

В селонском говоре Калдабруна, как показывает наше исследование,

Таблица 5

Время появления пика основного тона (FP) долгих

монофтонгов и дифтонгов

Vocal type	T_{\max} (%)	D (0,05)	T_{\max} (ms)	$t \geq t_{0,05}$	DC
M_T (W)	22,2	14,3 : 30,2	$53,4 \pm 18,9$	$1,91 < 1,99$	93,9
M_T (W)	35,3	23,9 : 46,6	$93,1 \pm 29,8$		
M_T (ST)	18,0	11,6 : 24,3	$30,9 \pm 10,8$	$2,82 > 2,01$	99,2
M_T (ST)	40,1	26,5 : 53,7	$74,4 \pm 25,2$		
D_T (W)	29,3	22,7 : 36,0	$69,9 \pm 16,0$	$2,84 > 1,99$	99,4
D_T (W)	47,3	35,5 : 59,1	$134,7 \pm 33,6$		
D_T (ST)	14,9	9,4 : 20,4	$29,9 \pm 11,0$	$5,84 > 2,00$	100
D_T (ST)	54,0	39,7 : 68,4	$115,0 \pm 90,7$		

дование, при дифференциации слоговых интонаций главная роль отводится характеру основного тона. Средние значения (FP_T) не указывают на достоверную дифференциацию слоговых интонаций, однако значения DC, за исключением дифтонгов во фразах, выше 60 %. Характерны и довольно значимые различия средних значений основного тона первой половины долгого монофтонга и дифтонга, у дифтонгов во фразах DC даже 95,8 %.

Существенные различия показывают средние значения второй половины долгого монофтонга и дифтонга (FP_2): у монофтонгов и дифтонгов с восходящей слоговой интонацией основной тон выше, напр. M_T (W) = $-2,7 \pm 0,6$ ст; M_T (ST) = $-1,6 \pm 0,45$ ст; $t = 2,96 > t_{0,05} = 1,99$, DC = 99,5 %. Менее это выражено у дифтонгов во фразах, но DC = 91,9 %.

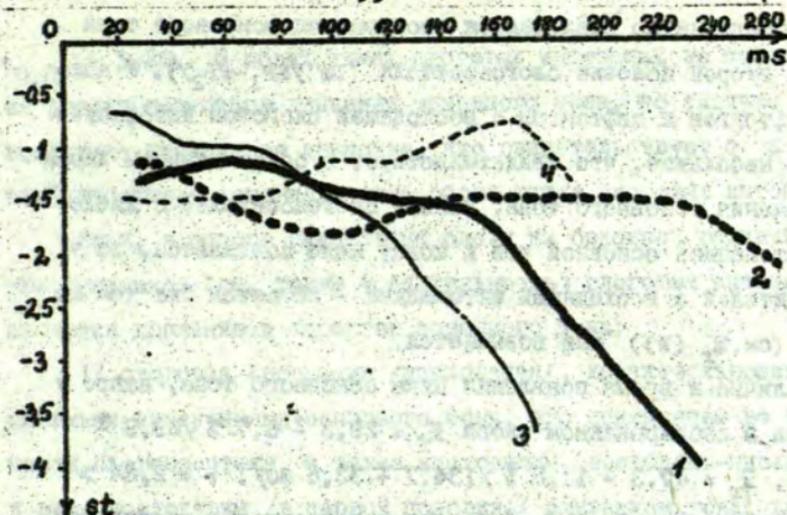

Рис. 5. Обобщенные кривые движения основного тона (FP) длинных монофтонов / 1 - $M_T(W)$, 2 - $M_T(W)$, 3 - $M_T(ST)$, 4 - $M_T(ST)$ /.

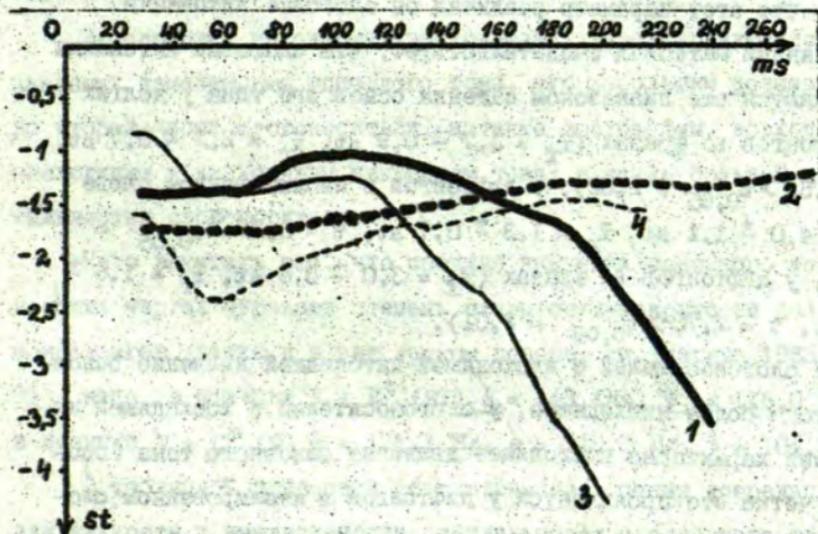

Рис. 6. Обобщенные кривые движения основного тона (FP) дифтонов / 1 - $D_T(W)$, 2 - $D_T(W)$, 3 - $D_T(ST)$, 4 - $D_T(ST)$ /.

Особенно четко различаются соотношения основного тона первой и второй половин слогоносителя ($DF / FP_1 - FP_2 /$). У долгих монофтонгов и дифтонгов с восходящей слоговой интонацией различия небольшие, что свидетельствует о более плавном характере движения основного тона. Если у слогоносителей с нисходящей интонацией основной тон к концу явно понижается, то у слогоносителей с восходящей интонацией - остается "на том же уровне" (см. $M_T (W)$) или повышается.

Различно и время появления пика основного тона, напр. у дифтонгов в изолированном слове $\bar{x}_T = 29,3 \pm 6,7 \% / 69,9 \pm 16,0$ мс/, $\bar{x}_T = 47,3 \pm 11,8 \% / 134,7 \pm 33,6$ мс/, $t = 2,84 > t_{0,05} = 1,99$, $DS = 99,4 \%$. У долгих монофтонгов в изолированном слове это явление менее выражено, но $DS = 93,9 \%$. Относительное "расстояние" до минимума основного тона не указывает на то, что этот параметр различал бы слоговые интонации.

Данный материал свидетельствует, что слоговые интонации различаются еще диапазоном падения основного тона у долгих монофтонгов во фразах ($\bar{x}_T = 3,7 \pm 0,9$ ст, $\bar{x}_T = 2,2 \pm 0,7$ ст, $t = 2,69 > t_{0,05} = 2,02$), у дифтонгов в изолированном слове ($\bar{x}_T = 4,0 \pm 1,1$ ст, $\bar{x}_T = 1,3 \pm 0,7$ ст, $t = 3,25 > t_{0,05} = 1,99$), у дифтонгов во фразах ($\bar{x}_T = 3,0 \pm 0,6$ ст, $\bar{x}_T = 1,6 \pm 0,7$ ст, $t = 2,70 > t_{0,05} = 2,01$).

У слогоносителей с нисходящей интонацией движение основного тона более нисходящее, у слогоносителей с восходящей интонацией характерно восходящее движение основного тона (особенно четко это проявляется у дифтонгов в изолированном слове, где у D_T из 49 только 2 кривых, а у D_T из 37 - 13 кривых с восходящим движением основного тона и по u -критерию $u = 3,60 >$

$t_{0,05} = 3,29$). В обоих типах слоговых интонаций не наблюдается резких перепадов движения основного тона, но типично и восходяще-нисходящее движение, что свидетельствует о "плавном" характере основного тона обоих типов слоговых интонаций.

Итак, в говоре Калдабруня одним из основных различительных признаков (см. также и длительность) слоговых интонаций является движение и характер основного тона:

1/ слоговая интонация /нисходящая/, характеризующийся плавными изменениями основного тона, его понижением во второй части слогоносителя, а также нисходящим, восходяще-нисходящим и реже восходящим /в первой половине/ движением тона; характеризующийся также относительно меньшей длительностью слогоносителя, в некотором смысле относительно большей "мобильностью" интенсивности;

2/ слоговая интонация /восходящая/, характеризующийся плавными изменениями основного тона, его небольшим повышением во второй части слогоносителя, а также восходящим, восходяще-нисходящим и нисходящим движением тона; а также большей длительностью слогоносителя.

Надо заметить еще, что средние значения основного тона в общих чертах отражают степень открытости-закрытости долгих монофтонгов (также и в энемерском говоре, см. Маркус 1983, 71), напр. в позиции $V + C^t$ (ST) $\underline{f}_1 = 143,4$ Hz, $\underline{f}_2 = 116,0$ Hz, в позиции $V + C^m$ (W) $\underline{f}_1 = 121,3$ Hz, $\underline{f}_2 = 119,2$ Hz, $\underline{f}_3 = 104,7$ Hz.

В таблице 6 приведены статистические оценки корреляций длительности и интенсивности, длительности и основного тона, интенсивности и основного тона долгих монофтонгов и дифтонгов.

Как показывает данное исследование, в говоре Калдабруня основное различие нисходящей и восходящей слоговых интона-

Таблица 6

Корреляции средних значений длительности ($T_{\bar{x}}$) и интенсивности ($I_{\bar{x}}$), длительности и основного тона ($FP_{\bar{x}}$), интенсивности и основного тона⁵

Vocal type	Correlations		
	$T_{\bar{x}} : I_{\bar{x}}$	$T_{\bar{x}} : FP_{\bar{x}}$	$I_{\bar{x}} : FP_{\bar{x}}$
$M_F (W)$	-0,424:0,207	-0,697:-0,197**	-0,502:0,110
$M_T (W)$	-0,296:0,352	-0,512:0,106	-0,155:0,475
$M_F (ST)$	-0,289:0,538	-0,176:0,618	-0,756:-0,088*
$M_T (ST)$	-0,401:0,358	-0,416:0,343	-0,804:-0,301**
$D_F (W)$	0,188:0,602**	-0,503:0,024	-0,380:0,176
$D_T (W)$	-0,300:0,566	-0,589:-0,004*	-0,176:0,458
$D_F (W)$	-0,095:0,513	-0,397:0,238	-0,586:-0,009*
$D_T (W)$	-0,195:0,539	-0,477:0,274	-0,445:0,311

ций основывается больше на мелодической или музыкальной стороне, но не столько на динамической. После проведения исследований по другим селонским говорам, могут быть объяснены и причины нивеляции интонационных оппозиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ābele 1930 - Ābele A. Aleksāns izlokānes intonācijas. - Filologu biedrības raksti, 10.sēj. - R., 1930.-80.-91.lpp.
 Ābele, Lepika 1928 - Ābele A., Lepika M. Par Arukālna izlok-

⁵ Обозначение *, в таблице указывает на сильную корреляцию, **, - на очень сильную корреляцию. Во всех остальных случаях корреляция соответственной пары слабая.

- snēm. - Filologu biedrības raksti, 8.sēj. - R., 1928.-
19.-49.lpp.
- Ābolīna 1927 - Ābolīna O. Susējas pagasta izloksne // Filologu biedrības raksti. - R., 1927. - 7.sēj. - 129.-153.lpp.
- Ancītis 1977 - Ancītis K. Aknīstes izloksne. - R., 1977.
- Vičolis 1932 - Vičolis J. Birziešu izloksne // Filologu biedrības raksti. - R., 1932. - 12.sēj. - 59.-93.lpp.
- Брейдак 1989 - Брейдак А. Фонетика латгальских говоров латвийского языка: диахрония и синхрония: Дис... д-ра.филол. наук. - Рига, 1989.
- Букантис 1985 - Букантис А. Фонология южноземайтского Варняйского диалекта: Автореф. дис... канд.филол.наук. - Вильнюс, 1985.
- Ekblom 1933 - Ekblom R. Die lettischen Akzentarten. - Uppsala, 1933.
- Гирденис 1985 - Гирденис А.-С. Теоретические основы литовской фонологии. Т. 1-2: Дис... докт.филол.наук. - Вильнюс, 1985.
- Гирденис, Качишкене 1987 - А.Гирденис, Г.Качишкене. Вторичные типы слоговых интонаций в литовских диалектах // Proceedings of the 11th ICPHS. - Tallinn, 1987. - Vol. 5. - P.91-94.
- Грумалене, Стунджа 1987 - Грумалене Л. Стунджа Б. Динамика оппозиций слоговых интонаций в фонологических системах диалектной и городской речи /на материале литовского языка/ // Proceedings of the 11th ICPHS, - Tallinn, 1987. - Vol. 5. - P.95-98.
- Liepa 1979 - Liepa E. Vokālisma un zilbju kvantitatē latviešu literārajā valodā. - R., 1979.

- Markus 1978 - Markus D. Ziemeņu izlokšņu vokāļu ilgums (eksperimentāls pētījums) // ZA Vēstis.-1978.- № 11.-76.-84.lpp.
- Маркус 1983 - Маркус Д. Вокализм зиёмёрского говора /экспериментальное исследование// Дис... канд.филол.наук. - Вильнюс, 1983.
- Markus 1987 - Markus D. Types of Syllable Toneme in the Ziemeņi Variant of High Latvian Dialect // Proceedings of the 11th ICPHS.-Vol. 5. - Tallinn, 1987.-P.107-110.
- Sarkanis 1989 - Sarkanis A. Augšzemes sēlisko Dignājas un Kaldabrupas izlokšņu vokāļu kvantitatē // ZA Vēstis.-1989.- № 10.-86.-95.lpp.
- Зиндер 1979 - Зиндер Л. Общая фонетика. -Ом., 1979
- Kancāns 1937 - Kancāns V. Kaldabruniešu izlokšne // Filologu biedrības raksti.-17 sēj. - R., 1937.-43.-75.lpp.
- Martinsone 1934 - Martinsone J. Vārkavas, Pildas un Zvirgzdīnes pagasta intonācijas // Filologu biedrības raksti.-14.sēj. - R., 1934.-143.-165.lpp.

A.Sarkanis

The Syllable Tonemes of Selonian Kaldabrupa Sub-dialect

The article deals with syllable prosody in Selonian Kaldabrupa sub-dialect of High Latvian dialect. Two basic syllable tonemes - the falling toneme and rising one are examined, studying them with electronic computer. Under the investigation are the main prosodic characteristics - duration T (see tab. 1, pict. 1, 2), intensity I (see tab. 2, 3, pict. 3, 4) and fundamental pitch FP (see tab. 4, 5, pict. 5, 6). In distinction of syllable prosodic types the main role plays the nature of fundamental pitch, and duration in many cases as well. The intensity curves don't show essential distinction between falling toneme and rising one.

СИСТЕМА МЕСТОИМЕНИЙ В ПАМЯТНИКАХ
ЛАТГАЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (1753-1871)

Местоимен^{но} относится к наиболее широко употребляемой части лексики. В исследовании и классификации его имеется несколько проблематичных вопросов. Так как местоимение в отличие от других частей речи не имеет объединяющей морфологической или семантической категории, иногда местоимения не выделяются как особая часть речи, а по лексико-грамматическим признакам приравниваются к другим частям речи (Ртр 531-545; Маитинская 29). Но, с другой стороны, осуществляется расширение рамок категории местоименных слов, включая в нее связанные с местоимениями или образованные от них наречия и даже имена числительные (Нитинь 90-100⁹). Своеобразная классификация местоимений балтийских языков, основанная на семантике, выработана литовским языковедом А. Росином (Росинас 1984). Так как, анализируя местоимения, данные латгальских текстов сравниваются с материалом говоров Латгале, выделяя особенности, отличающиеся от латышского литературного языка, местоимения рассмотрены в традиционном делении по группам в грамматике современного латышского литературного языка (Mllvgt 500-541), хотя, как подчеркивает Д. Нитиня, данная детализированная классификация мало оправдана, ибо она не отражает все лексико-семантические и синтаксические варианты (Нитинь, 95).

Система местоимений говоров Латгале указывает на многие

морфологические, лексические, а также семантические особенности, отличающиеся от латышского литературного языка, которые широко распространены в латгальских текстах. Так как анализированные источники главным образом являются текстами религиозного характера, авторами которых были представители других народов, ограниченный лексический слой текстов частично определяет сферу употребления отдельных местоимений.

Личные местоимения

Местоимения 1 и 2 лица единственного числа в говорах Латгале имеют несколько вариантов, а также более древние явления, не встречающиеся в латышском литературном языке и нижнелатышских говорах. Формы 1 лица единственного числа es (также диал. es > as =старолит. es, пр. es, as Lgt 504) 'я' от латышского литературного языка отличается только фонетически, например, es Изв, as Андр, es Кал, as Др, Скг, Нтр, Карс. В латгальских текстах зафиксированы es и es', напр., es (Bv 84, Dz3v 4), es' (GM 1870, 50, WMK I, 116). Так как в памятниках письменности палатализация согласных не всегда обозначена, возможно, что es отражает характерные для говоров южной Латгале es' или es'. Не исключено, что es является влиянием старолатышской письменной традиции (особенно в переводе евангелий).

Форма 2-го лица ед.ч. tu 'ты' в латгальских текстах не отличается от латышского литературного языка и говоров Латгале.

Памятники латгальской письменности отражают несколько вариантов формы родительного падежа 1 и 2

лица ед. числа. Так, например, в текстах встречается характерное для говоров более древнее явление – неразличение форм род. и вин. падежей ед.ч. mani, tevi (ср. лит. диал. mané, tavé), а также nuo man в тамских говорах (Igr 505), nuo man, man в Лиелварде, Имправе (Rudzīte, 349), напр., ikszan mani tycit (Bv 84), Nu Tiewi kuczu avz bildieyszonas (DzSw 68), wysur pi tiewi kabi bieja (Paw 64), ср. в говорах: vaira mani narežāsīt Плд (Act 90), mani ž tī nau Андр (Act 12), kaī piēc mani raūdova Изв (Act 39).

Формы mana, teva распространенные в говорах вокруг Карсавы, Резекне главным образом характерны для письменного языка Г.Мантвелья, напр., .. zid. diel mania dorzs (GM 1863, 40), Diel mania kon ku Divs ir szkinkiojs (GM 1863, 41), ср. в говорах: manē nabeja sātā Нтр, dēl manē vari darīt. kù gribi Скг. По мнению Я.Эндзелина, -a в родительном падеже, возможно, от номинальных основ, имеющих общий исход слова, не исключено также, что в латгальских говорах -a > u > a (Igr 506). Литовский языковед А. Росинас формы родительного падежа mana, tevē считает инновацией (Rosinas 1983, 53).

Приведенную в Igr 507 форму tiewies (< Bv 111) Я.Эндзелин считает возможной контаминацией род. п. на -a и на -a. manies (manes), tewies (tawies) спорадично зафиксированы и в других памятниках латгальской письменности, напр., tiewies (Nab 27), tewes (Sž 66), ср. также siawes (Sž 65). Упомянутые формы не характерны для современных говоров Латгале.

В латгальских текстах широко распространены соответствующие латышскому литературному языку manis, tevis, напр. oik-

szan manis ir (Ev 85), Nalidzit barnim nokt' pi manis (WMK II 43), waldiey iksz manis (Nab 34). Возможно, что это влияние письменной традиции старолатышских текстов, так как в говорах Латгале упомянутые формы не встречаются, исключая лишь некоторые северные говоры, где употребляются фонетические варианты с утратой конечного гласного, напр., mānc' Галт.

Формы род. п. manis, tievīs отражены в грамматиках 19 века (Akielawicz 14, Kossowski 12), а также в латгальских нормативных грамматиках 20 века (Skrinda 36, Trasuns 20, Strods 20, Daškeviča 42).

Латгальские тексты отражают характерную для говоров Латгале форму д а т е л ь н о г о падежа 1 лица mañ с палатализацией конечного согласного (< mani Lgr 508, ср. и лит. (аукшт.) mañ Lkigr II 48), напр., ubogim it kauns man ir (Ev 56), tu man' pidudams wyszus munus grakus (Nab 7), stotit mañ (GM 1870); ср. в говорах: mañ maĩtinis' dju beja Изв (Adt 33), idūt mañ Андр (Adt 6).

Форма 2-го лица дат. п. tev в говорах Латгале только фонетически отличается от латышского литературного языка, напр., tēu Кал, tāu Нтр. В латгальских текстах tev отражено как tiew или tieu, напр., Tiew iauki kļojas (DzSw 52), Tiew na byus zagt (Ev 104), Tieu nabyus' kaulības porķauzt (Nab 4), pu dutom tieu kaskom (WMK II 153).

В памятниках письменности иногда в качестве дат. п. употреблен старый творительный падеж manim, tevim (ср. также лит. mānim dēga, Lgr 510), напр., par jaunu Oz tiwim runotu (WMK

II 155), tyvli da tievim (GM 1862, 76), Esai manim apsulejis (Pavins 175), на atit da tevim (Pad 3), эта форма (обычно за предлогом da) распространена в говорах южной и юго-западной Латгале, напр., gūoju da tevīm Лк, da manīm nabrāučņ svūdoty Изв (Adt 37), da manīm svīduōs' Кр. В грамматике Т.Коссовского (Kossowski 12) зафиксирована форма дат.п. man, в латгальских грамматиках 20 века доминирует man, tev. Как вариант нормы допускается manim, tevim (Skrinda 36).

В и н и т е л ь н ы й падеж mani, tevi широко распространен как в латгальских текстах, так и в говорах Латгале, напр., milot' tievi (WMK II 149), mani skubynoi (DzSw 69), por tevi (Kurm 48). Зафиксированы также формы man < mani, tev < tevi, весьма последовательно отражающие палатализацию конечного согласного, напр., Ķaj asmu saur Tiev Ķaumieugaus (DzSw 27), ratovoy man' (Nab 18), Kaus tiev nōvie (GM 1868, 51). Упомянутые формы характерны для говоров Пр, Гал, Варк.

В качестве вин.п. в латгальских письменных памятниках часто встречаются формы старого творительного падежа обычно за предлогами ar, nuo, pag, uz, напр., grvzus jau uz tievim (WMK II 150), licieybū ar manim (Bv 45), uz Tievim (DzSw 60), nu manim pa atjeme (Pavins 11); ср. в говорах: adguo iz manim Нтр, gunūom ar tēvīm Брг. manim, tevim с предлогами зафиксированы и в некоторых нижнелатышских говорах Земгале, в ливонских говорах (Rudzīte 225), а также в старолатышских текстах (Barbare 5).

Т в о р и т е л ь н ы й падеж ar mani, ar tevi, распространенный главным образом в южных говорах Латгале и соответ-

ствующий формам латышского литературного языка и нижнелатышских говоров, встречается и в латгальских текстах, напр., krustā systu lejdz ar Tiewi (DzSw 42), runcu ar mani (Pad 43). Однако в большинстве случаев с предлогами употреблены формы старого творительного падежа, напр., Kotrys dāva ar mani, pretim mani ir (Ev 27), Dāvs ir ar Tiewim (DzSw 72), Noc lejdz ar mani (GM 68, 49), tu ar mani essi (CI). Эти формы встречаются лишь в части говоров Латгале (см. карту № 1).

В латгальских грамматиках 19 века творительный падеж не выделен, а в латгальских нормативных грамматиках доминируют формы ar mani, ar tevim. Лишь в грамматике Ф.Трасуна отмечено, что формы творительного падежа ar mani, ar tevim употребляются редко и являются устаревшими.

Формы местного падежа manī, tevi так же, как и лит. manūjē, tevuje, являются инновацией по образцу местного падежа с основой на $-i$ (Lgr 511) и не отличается от латышского литературного языка как в латгальских текстах, так и в говорах Латгале. Следуя старолатышской письменной традиции, в качестве местного падежа в памятниках латгальской письменности распространены конструкции с предлогом iekš и формой род.п. manis, tevis, что не характерно для говоров Латгале, напр., kas tuc ikuzan manis (Ev 85), эти конструкции зафиксированы в латгальских грамматиках 19 века (Kossowski 12, Akielawicz 14).

Форма именительного падежа множественного числа mes в говорах Латгале имеет несколько фонетических ва-

риантов, напр., mēs Кал, mēs Нтр. В говорах Латгале mēs сохранил краткий гласный. Так как в латгальских письменных памятниках долгота гласных обозначена редко, трудно определить долготу гласного. Палатализация конечного согласного в форме mēs, являющаяся характерной особенностью говоров Латгале, встречается лишь в календарях Г.Мантевфеля, напр., mēs (GM 1863, 52, 1870, 48).

Форма 2-го лица jūs в латгальских текстах, наверно, по образцу старолатышской письменной традиции главным образом отражена как juš, jušs, хотя в текстах представлены собственные говорам Латгале jyus, jius, напр., kotra juš na pa-
zyistat (Bv 60), ku juš dziedit (Bv 6-), Un iyus wyssi (WMK Iev), Essit iyus stipry (GM 1871, 49).

В латгальских текстах отмечается несколько вариантов морфологических форм родительного падежа. Наиболее распространенные как в письменных памятниках, так и в говорах Латгале варианты mūsu, jūsu (myusu, jyusu) = лит. mūsu, jūsu, пр. ioūsan (Igr 512), они употреблены также с предлогами, которые в латышском литературном языке управляют дательным падежом, напр., Kuram nu jušs (Bv 65), pec iusu stieyk-
simies DzSw 26), pi jwsu (Paw 53), Ir irodums pi jwsu (GM 1871, 41), ср. в говорах: a pi myusu gi nabeja vīl taīda pa-
goša Ск, pi myusu piula juos ira Изв (Adt 30), paīēm dēl myu-
su māizis Кал.

В источнике "Wyssa mosieuba.." встречаются формы родительного падежа juus, jyus с утратой конечного гласного, напр., diel izwyucieyszonyus juus (WMK I 115), diel myus (WMK I 22)..

В памятниках латгальской письменности, очевидно, под влиянием старолатышской письменной традиции с предлогами, управляющими род.п., чисто употреблены формы дат.п. множ. ч., что характерно для нижнелатышских говоров и латышского языка, напр., essi pi mums klotu (DzSw 1), zau ig pi jums (GM 1870, 55). В календарях Г.Мантевеля также употреблен и распространенный в центральной и восточной Латгале морфологический вариант формы дательного падежа множественного числа juusim, juusim с предлогами, управляющими род.п., напр., diel juusim (GM 1863, 62), ikkuram du juusim (GM 1862, 58), piec juusim azu vizgojusie (GM 1862, 62). Подобные формы непродуктивны в говорах Латгале, они встречаются главным образом в речи среднего поколения и являются нормой латгальского литературного письменного языка.

В латгальских текстах широко распространены также формы д а т е л ь н о г о падежа mums, jums (ср. лит. mums, jums, Igr 513), являющиеся нормой современного латышского литературного языка, но характерные лишь для некоторых южных говоров Латгале (см. карту № 2), напр., migu muni domu jums (Bv 46), Es jums pilanu (WMK II 109), buus jums duts (ZMK I 97). Только в календарях Г.Мантевеля зафиксированы распространенные в говорах центральной и восточной Латгале формы juusim, juusim, образованные под влиянием номинального склонения, напр., es juusim por tu smuki patiejkszu (GM 1862, 63), kas szu listu juusim? (GM 1870, 62), Un todiel jussim, Moses mikas .. (GM 1862, 53).

В грамматике Т.Коссовского зафиксирована форма mums,

jums, в латгальских нормативных грамматиках 20 века - шумс, jums, а также juusim, juusim.

В качестве винительного падежа в латгальских письменных памятниках доминирует mūs, jūs (шус, jus), являющаяся и нормой латышского литературного языка, напр., es ašmu uucieis jus (Ev 33), katrys rats mieklej šuus (WMK II 81), Gudreyba razmulika arņonej šuus (Kurņ 46). Однако эта форма употребляется лишь в части говоров Латгале (см. карту № 3).

В качестве винительного падежа формы старого дательного падежа широко распространены в латгальских текстах, но зарегистрированы лишь в некоторых говорах Латгале, напр., ni kas šums pēvaj sadereis (Ev 21), Kunga glob šums (Ev 18), tušā dinā sorg šums (DzSw 21), Laj tod Divs Kungs swietiej jums (GM 1870, 57), ср. в говорах: šūnc jums i sajiēma, šūnc jums i palaišs Изв, а также в Барк, Даг, Варк и в салонских говорах - Салп, Нер, Дигн, Брж (Igr 516).

В календарях Г.Мантвѐля отражены формы šūsus, jūsus, которые Я.Эндзелин считает инновацией по образцу род.п. šūsu, jūsu, (Igr 516), напр., wakar ašmu juusus kudzis (GM 1870, 51), juusua ramosieit grubr (GM 1870, 53), nu kurvies tod juusus Diws uz mani atnas (GM 1870, 49), ср. также в говорах: ivs šūšus atlaidē Плд (Aat 190), i šūšus tūlēit' adguldynoi Шкило (Aat 135), atvādē jūšus, navēšē kūojom it' Нтр. В грамматике Т.Коссовского зафиксирована форма вин.п. шус, jus, а в грамматиках 20 века - как шус, jus, так и шусус, juusus (Skrinda 36, Daškeviča 42).

В латгальских текстах зафиксированная форма творительного падежа ar mums соответствует латышскому литературному языку и говорам южной Латгале - winia ar mums warty prigotis (GM 1871, 42).

Характерный для говоров восточной и центральной Латгале вариант ar muusim, ar juusim в латгальских письменных памятниках не выделен.

В качестве местного падежа в текстах употреблены конструкции iekē (iekšān) + форма дат.п. iums, ums, напр., Un kas tikwin iksz iums turis (DzSw 15), что произошло под влиянием старолатышской письменной традиции и не характерно для говоров Латгале.

В отличие от латышского литературного языка и нижнелатышских говоров в Латгале сохранились более древние формы 3 лица iis 'он', jei 'она' (j наверное, является влиянием других падежных форм - дательного п. ед. ч. iam и др., а также лит. iis (лит. диал. is), ср. лат. и го. is; форма женск. р. jei < ^mji = лит. диал. jū, Lgr 518).

Как в латгальских текстах, так и в говорах Латгале наряду с формой iis зарегистрирован и вариант is напр., waurog is mums war padareyt! (WMK I 92), Dziewowa is tukznes j (Бува сал. 47), Biejs is leka waidā (GM 1866, 54), ср. в говорах: tak is vysys buobys atplera Изв (Adt 47), kuot is tur uoveias Гал, žaluot is ka muoca, ta žalova Ск. Формы is 'он', i 'она' встречаются и в современных литовских говорах, Lkigr II, 12.

В латгальских текстах без смысловой дифференциации представлены как iis (is), jei (jei, jej, iei), так и, очевидно,

под влиянием старолатышской письменной традиции - vinš, vina, Und winsz pačacuja jam (Ev 91), Dielto, kad jey ir pats iso-
kums (WМК I 3), winsz cytim pimat (GM 1863, 61).

В переводе евангелий "Evangelia Toto Anno .." зафиксировано употребление местоимения katrs 'который' в качестве личного местоимения vinš 'он', что не характерно для говоров Латгале, напр., Kotru isklaušijuszy, Kienina nugoja (Ev 14), K o t r u s celis paņeme Barnu un Mōti jo nakti, un nugoja
uz Ecypty (Ev 10), ср. также: Tod w i n s z celis, paņeme
Barnu un Mōti Jo un atgoja .. (Ev 12).

В грамматике Т.Коссовского как указательные местоимения (Zaimki ukazujoše) отмечены jys, jei, winsz, winia (в эту группу включены также szys, itys, tys). В латгальских нормативных грамматиках как личные местоимения 3-го лица упомянуты только jys, jei (Skrinda 36, Strods 20, Trasuns 20, Daškeviča 42).

В говорах Латгале распространены формы родительного падежа juo < *jā = lei. jō, ж.р. jūos < *jās = лит. jōs (Lgr 518) Они отражены и в латгальских текстах параллельно нехарактерным для говоров Латгале формам vina, vinas, напр., nāva jo sze (Ev 34), kāuflēytu jō (Ev 94), nikas nu jos izbiegt' navar (WМК II 135), un waycowa winia (Ev 4); ср. в говорах: narcsjēju jūo Мк, āizgūoju vakār da jūos Вльн.

Формы д а т е л ь н о г о падежа jam, jai употребляемые во всех говорах Латгале, соответствуют лит. jam, jai, Lgr 518). В латгальских текстах они употреблены рядом с vinam, vinaī, напр., aveto jam byja it (Ev 75), daudz' jay pre-

tim - turas (WMK II 130), Moz jam rauga (Paw 9), Leņņigu laužu
leļums byus winiam por nika un por smiklu litieniu (GM 1870,
56).

В латгальских письменных памятниках без смысловой дифференциации употреблены формы винительного падежа jū (*juo = лит. ж.р. jā, старосл. jo Igr 518) и vinu, напр., milowa ju par wysom dinom (WMK II 12), putni nu gāu a are-
die ju (Ev 22), ju satyka (Paw 24), pret winiu (Ev 56), ka-
es winim milotom (Nab 6).

Несколько вариантов в говорах Латгале имеет место и н и й падеж единственного числа. Формы женского и мужского рода jamā и jimā = лит. jamė и jimė (старосл. jemь) (Igr 518).

Зафиксированная в латгальских письменных памятниках форма jamā относится к мужскому и женскому роду, напр., juudinsz
tik korsts, kad jamā ilgi ruku newar turejt iksza (GM 1863,
54), kas jamā /pilsetā/ putika tom dinom (Ev 35), а также и форма jimā (imā), напр., balgiejta moza, jmā (Paw 57), daudz
imā /azivē/ ir wordu un badu (WMK II 160), igodoi kay cieszki
imā /grēkā/ ecci krytis (WMK II 146); ср. в говорах: jimā Пр,
jamā Ск (FBR XV 40), jimā Андр (Lat 20).

В письменных памятниках не встречаются различные формы мужского и женского рода местного падежа, зарегистрированные в некоторых юго-западных говорах Латгале, напр., м.р. jamā, ж.р. - jamā (ср. лит. jamė, jomė, Igr 518, Гр. лит. яз. 177, 179).

В грамматике Т.Коссовского имеют место формы местного падежа iksz Jo, jos v. Jumā; iksz winia, winias, winia. В

латгальских нормативных грамматиках встречаются как одинаковая форма мужского и женского рода jimā (Daškeviča 42), так и различные: мужск.р. jumā, женск.р. jamā (Strods 20), мужск.р. jimā (jamā), женск.р. jimā и jejā (Skrinda 36).

Как и м е н и т е л ь н ы й падеж множ. ч. в латгальских текстах доминируют не характерные для говоров Латгале местоимения vini, vinas, напр., un vini nu to nasaprota (Ev 23), wini tiwi ir dawaduszy (WMK II 142), wini wel szytama dzeuwē siew Elli dareja (Sž 217).

Форма родительного падежа мн. ч. в говорах Латгале имеет два варианта - jū = лит. jū и jūs < jūos, ср. tuos (Lgr 519). В латгальских текстах отражены оба варианта, напр., kad jū naway (Ev 10), nu iūs (WMK II 172), nu jūs /graudu/ ciar majzi (Paw 2); ср. в говорах: jū Лк, Ницг, jūs Ви, Цб, Карс, Нтр, Др, Кр. Кроме того, в письменных памятниках употреблена также форма winu, напр., Dabassu Taws winiu ne aršajdie (GM 1863, 43), komart pi winiu daisi (WMK II 151).

В качестве род. п. за предлогами aiz, nuo, uz, pie, del, управляющими родительным падежом, в единственном числе в латгальских письменных памятниках употреблена форма дат.п., свойственная нижнелатышским говорам, напр., izlasieja dwipacmit nu winim (Ev 94), kam nu winim izwilkt ražytku (GM 1863, 60), pi winim ir (GM 1870, 50).

Общая форма д а т е л ь н о г о и т в о р и т е л ь н о г о падежей множественного числа jim, jūom (= лит. диал. ijed, ijom, Lgr 519), характерная для говоров Латгале, в письменных памятниках употреблена намного реже, чем нижнелатыш-

ские viniet, vinām, напр., ‘kab leydz iom azievwotu (WMK I 142), ‘kad storp im byutu wina utram paklausieyszona (WMK I 170), pašmūja winim liiazibu (Ev 1), pidumu winim (OI); ср. в говорах: im biē nūrunuōs Андр., jūom nī‘kas nī‘kūo nascējū Брг.

В грамматике Т.Коссовского зафиксированы формы дательного падежа Im, jom, winim, winiom, в латгальских нормативных грамматиках — только jim, jom (Skrinda 36, Strods 20, Dažkeviča 42).

Наряду с формами винительного падежа jūs, juos (= лит. juos, jūs или jos, jas Lgr 519) в латгальских текстах употреблены также формы vinus, vinys, напр., Pimie iūs Pōts (WMK I 180), barōsi jōs (Paw 21), paciel winius (GM 1870, 51).

Формы местного падежа множественного числа в говорах Латгале имеет несколько вариантов. Диалектные формы jamūs, jimūs (imūs), jamuōs, jimuōs (imuōs) Я.Эндзелин считал инновацией по образцу местн. п. ед. ч. (Lgr 519). Однако в латгальских текстах, особенно в произведениях духовного характера, значение местн.п. часто выражено при помощи конструкции iekē (iekšan) + форма род.п., но встречаются и характерные для говоров jimūs (imūs), напр., aršaintis imūs /grēkos/ waurog nakrust (WMK II 68), ср. в говорах: jimūs Вльн (Adt 149), jimūs, jimuōs Цб. Мердз, Пр, Нтр.

В грамматике Т.Коссовского (Kossowski 13) отражены формы местного падежа iksz Im, jom, iksz winim, winiom, а также winūs, winuōs; в латгальских нормативных грамматиках 20 столе-

тия доминируют jimûs, jimuôs (jamûs, jamôs) (Skrinda 36), jimûs, jimos (Daškeviča 42).

Возвратное местоимение

Возвратное местоимение sevis 'себя' так же, как и в латышском литературном языке, в говорах Латгале не имеет формы именительного падежа. Парадигма падежей возвратного местоимения соответствует склонению личных местоимений es 'я', tu 'ты'.

Подобно общей форме родительного и винительного падежа mani, tevi, характерной для южных говоров Латгале, в латгальских текстах широко распространена также форма возвратного местоимения sevi, напр., paieini uz sievi (DzSv 6), posoba razieuzonys sievi (WMK II 65), Kab izkāsietu tu wejru diel sevi (GM 1870, 66); ср. также в говорах: bārgu pakārusē pi sevi Андр (Act 8), pi-adeja poša dēl sevi Изв (Act 48).

В латгальских текстах представлена общая форма дательного и творительного падежей sevim, которая так же, как и в части нижнелатышских говоров и старолатышских текстах обычно употребляется за предлогами ar, par, starp, pa и др., напр., liidz ar sievim (Ev 25), pagrist da sievim (S4 82), leidz ar sievim (GM 1868, 63); ср. в говорах: par sēvim pi-kūo pavagu pascāt Нтр, ar sēvim pamīgā Скг.

В письменных источниках зафиксирована форма starp sevis букв. 'между себя' - starp sievis runova (DzSv 70), которая, очевидно, образована под влиянием характерного для южной Латгале номинального склонения.

Возможным славянским влиянием объясняется распространен-

ные в латгальских текстах конструкции форм дательного падежа sev, выражающие действие в пользу субъекта (подобным же образом в латышском литературном языке на это значение указывают возвратные глаголы, см. Lgr 986, Mllvgr 557), напр., Igodoit sieu 'вспомните' (WМК I), it sieu gulejt (GM 1863, 47), ср. в словаре Я. Курмина: Wspominam sobie со. Es pīminu sev, atgodoju sev (S² 243). Это зафиксировано в говорах: gūi kuô nūsusc, gūi seū Кал; strūdudojām sūu Мк.

В латгальских текстах зафиксировано также зарегистрированное в говорах Латгале сочетание предлога pa с общей формой дательного и творительного падежа pa sevim 'отдельно' или беспредложное sevim (ср. лит. диал. sevim (= per sevi) tas pa sevim (ME III 822), meita sēd sevim Аул (Км II 459), напр., /katrs/ pa sievim idams gulejt (GM 1870, 45), Sieukurs cūwaks sievim byus gudieyts (NCnr 13); ср. в говорах: eisumi pa sevim, garuôkuo vjāna pa sevim Врк (Aat 145), zeivdi pa sēvim Нтр.

Притяжательное местоимение

Для латгальских письменных памятников и говоров Латгале характерны притяжательные местоимения mans 'мой'; tavs 'твой'; savs 'свой'. Местоимение savs 'свой' = лит. savas, -ā Lgr 520) так же, как и в латышском литературном языке, указывает на принадлежность всем трем лицам и относится к центральному объекту в предложении, напр., ausvova Mocieklus savus (Fv 94), iksz vovas tucibas (GM 1870, 56). Однако по сравнению с местоимениями mans (mans), tavs в латгальских текстах savs отмечен редко, в качестве местоимения savs употреблены местоиме-

ния tavs, tava во множественном числе jūsu 'ваш', хотя это не характерно для говоров Латгале, напр., Jem gromotu towu (Ev 57), izmet boļku nu ecs towas (Ev 49), Weyri miloiat siwas iyusu (Pawin 80).

Спорадично в латгальских письменных памятниках зафиксировано характерное для говоров Латгале употребление местоимения savs в качестве имени существительного, напр., sovi jo ne piēme (Ev 7), в говорах, напр., sovi palik sovi, vus var sarunot Карс.

На принадлежность 1 лицу ед.ч. указывают местоимения muns, muna 'мой, моя' (mun - во всех падежах личного и притяжательного местоимений, которые встречаются и в литовских (жемайтских говорах) подробнее об этом см. Lgr 509), напр., wordus munus globowa (Ev 98), Lay prots muns nusleykst tagad iksz kauna un baylis (WМК II 143), zam munom aciom ir izaudzis (GM 1870, 40).

Местоимения tavs, -a 'твой, твоя' (= лит. tavas, -a Lgr 520), указывающие на принадлежность ко второму лицу ед.ч., отличаются от латышского литературного языка фонетически, напр., igois a[mu] (ata towa (Ev 91), Towa radiba (DzSw 3). Однако в части говоров южной и юго-западной Латгале встречаются варианты без изменения корневого гласного, напр., tāus, sāus, ta-va Агл, Ск (FBR XV 40). В латгальских письменных памятниках упомянутые формы не зафиксированы.

Падежные формы притяжательных местоимений как в латгальских текстах, так и в говорах Латгале отличаются от латышского литературного языка только фонетически.

На принадлежность первому и второму лицам множ.ч. так же, как и латышском литературном языке, указывает несклоняемая форма — родительный падеж личных местоимений mūsū, jūsu букв. 'нас', 'вас' (mūsū, jūsu), напр., mūsū tycieybys gobojus (WMK I 14), stundī mūsū numierzonas (Kos II 140), pasagruīt da Kunga Diwa iysu (CI). В источнике "Wysša Mościeyba Katoliszka" зафиксированы фонетические варианты meusu, jeusu, характерные лишь для говоров Гал, Пр и Варк, напр., caur tu poszu meusu Kungu Jezu Chrystu (WMK I 110).

Для обозначения принадлежности 3-му лицу также не имеется особого притяжательного местоимения, на это указывают несклоняемые формы — родительный падеж от местоимения 3-го лица juo 'его', juos 'ее', во множественном числе jū (jūs) 'их', которые распространены в латгальских текстах, напр., waištīeybay jo na byus goļa (Ev 83), Diwa isklauīeļa iō žyugzōnu (WMK I 176), Zieme na ir iūs tiewižzka (WMK I 195) ср. в говорах: jūs sātā tālšņi pret mežu Нтр, juos arābīs nesci Скг. Однако употребление местоимения viņš в качестве притяжательного местоимения в латгальских письменных памятниках отмечено лишь sporadично, напр., izgoja tiey slāwe pa wujj u winiu ziemi (Ev 73). В грамматике Т.Коссовского упомянуты местоимения muns, tows, sows, а также местоимения с определительными окончаниями как munajs, towajs, sowajs. Подобные формы отражаются и в латгальских нормативных грамматиках (Strods 21, Trasuns 20). На принадлежность 3-му лицу указывают jō, jōs, во мн.ч. jūs (Skrimda 36, Trasuns 20, Daškevičs 41).

Указательные местоимения

Латышский язык, как отметил А. Росинас, имеет двучленную дейктическую систему, различающуюся порой дифференциальными признаками близость / дальность (Росинас 1984, 15). В сравнении с латышским литературным языком данные латгальских текстов образуют более широкую систему указательных местоимений, как характерную для говоров Латгале, напр., itis (itvs) 'этот', itī (itei) 'эта', tis (tyā) 'тот', tī (tei) 'та', itāids 'такой', itāida 'такая', так и возможное влияние старолатышской письменной традиции, напр., šis 'этот', šī 'эта'.

На ближний предмет или явление в памятниках латгальской письменности часто указывают местоимения šis, šī напр., szadā pasaulī redzu (DzSv 19), szey dzieywe nawa nikas cyts, kay tik eyf un bayleigz cielcz uz karu un bezgaligu šyužeybu (WMK II 136). Однако в говорах Латгале šis, šī в качестве указательного местоимения зафиксированы лишь спорадично, напр., pa šai dīnai vāi šyus Мк. Обычно они употребляются в значении личного местоимения, указывая на лицо, упомянутое в данный момент, напр., sach, ka šei īškūtē iz bārēm Скр, šync i suōcs' stuōstāt, kī šu īsteši, kī šu īmākuši Вльн (Adt 151).

Местоимения говоров Латгале itvs, itei (возможно < от местоимения is (jis) и tas (tis)), ср. также лит. диал. itas Lgr 547), указывающие на ближний предмет или явление, в латгальских текстах употреблены сравнительно редко, напр., pa itu kaju (WMK II 141), itama wita (Sl 40), itu erszkiežu

kruni (Pad 51), ср. в говорах: bēnci itymā pusā bēi Скг, ituos zuōlis lobys dēl sifc Др, nanūvēssi mātīnis ituos pa cēli Андр (Adt 6).

В источниках без стилистической дифференциации встречаются указательные местоимения šitas, -ā 'этот, эта' (šis, šī + tas, tā, Lgr 537), напр., szitu dograkminiū (Pad 19), uz szyto pasaule (GM 1868, 50), спорадично зафиксированные и в говорах, напр., šī pa šytū cēlu! Скг.

На более дальний предмет или явление как в памятниках латгальской письменности, так и в говорах Латгале указывают местоимения tis (tys), tī (tei), являющиеся инновацией по образцу личных местоимений jis, jī (jei), напр., tis gons ir wuszku (Ev 47), tiev tycieyba sulej (WMK II 125), grauzin' grauz' tiev zinis (Kaw 23), ср. в говорах: juom jau osokuōta tēi vusa kala Андр (Adt 23).

В латгальских текстах зафиксировано употребление местоимений tis, tī (tys, tei) в качестве артикля обычно в заглавии, что объясняется возможным влиянием старолатышской письменной традиции, напр., Ti pici Baznieycas bau li (Ev 105). Однако как в латгальских текстах, так и в говорах Латгале, tis, tī иногда выступают в т.н. дистинктивной функции - т.е., семантически они не связаны с прежним контекстом, напр., lacyja Jezus uz tim Judim (Ec 30), Kas tūs ir kulzonu (WMK II 125), ср. в говорах: šimu, vērūs - tēi gūs pusām na-āc Мк. Такое употребление местоимений tas, ta характерно и для северных говоров Литвы (Туменас 22).

Парадигма склонений местоимений šis, šei, itvs, itei, šitvs, šitei соответствует склонению местоимений латышского

литературного языка и нижнелатышских говоров šis, ši, tas, tā, šitas, šitā. Отличаются от латышского литературного языка формы местного падежа, имеющие два варианта: tamā (itamā, šitamā) и tumā (itumā, šitumā), напр., Parodija lešus breņņumus tamā celā (Eusa sal. 17), tamā wokorā nauđu dūd (GM 1871, 42), szytama layka šewenies (Kurm 63), tumā paszā godā (WMK II 15), tumā dinā šorg mums (DzSw 21); ср. в говорах: tumā šaukā Изв (Adt 43), itumā pusā Скг. Подобные варианты имеет также форма местн. п. множ. ч., напр., tumūs grakūs (WMK II 14=), Tamōs Witōs (GM 1869, 64).

В латгальских грамматиках XIX столетия встречаются формы местного падежа: tumā, tumūs (Akielawicz 5, Kossowski 6), szumā, szumūs, szumōs (Akielawicz 16, Kossowski 13).

В латгальских нормативных грамматиках доминирующими являются формы tumā, tumūs, tumōs (Daškeviča 43, Tracuns 21).

Два варианта в говорах Латгале имеет форма род. п. множ. ч. tū, itū, šitū (Лк, Ницг и др.) и tūs (itūs, šitūs), распространенных в большей части говоров Латгале. В латгальских текстах представлена форма род. п. tūs напр., ik zan tus zieuđu meuzies (HChr 77), Daudz tus beja (Eusa sal 33), tus ziemiķu (GM 1862, 52).

Местоимение tāds, -я 'такой' в латгальских письменных памятниках представляет два варианта, что распространено и в говорах Латгале. Более характерным в памятниках письменности является tāids, taids, образующий ареал в говорах центральной, южной и восточной части Латгале (см. карту № 5), напр., nabyutu taydi (WMK II 64), pažajemt' darejt' tajdu litu,

kotru mes nawayum ispidiejt (GM 1871, 44), Taydu dorbu (Бу-мос 8). Однако в переводе евангелий, спорадично и в календарях Г.Мантеффеля выделен tuods, tuoda, напр., kotrys dewie todū snāku (Ev 67), kab mes todi byutumien (Ev 70, 47), Todi laude, kotru dums tajsnibu runoj (GM 1871, 44). Спорадично в одном из календарей Г.Мантеффеля появляется распространенное в говорах местоимения itaiids: Bet atsarun gon un itajdi okļu zurgī .. (GM 1869, 62); ср. в говорах: itafds šyva Изв (Adt 41), jūozabrēdīnōi pār itafdu patāisnēibu Карс.

Вопросительные, относительные и неопределенные местоимения

В латгальских письменных памятниках как вопросительные, относительные и неопределенные местоимения представлены характерные для говоров Латгале kas 'кто, что', kurš, -a 'который', kāds, -a (kuods, -a), kāids, -a 'какой'. В качестве местоимений kas, kurš в латгальских текстах широко распространен нехарактерный для современных говоров Латгале katrs, -a 'который', напр., es jums skudynoju leļu liksmibu, kotra nutiks wuim laudim (Ev 6), Wini biejs kotry purniejas wacaynias ir plāsuszy (WMK I 3), Kotrys ir launums, kotra ik-kotrs ir pāwinns sorgotis (Pāwin 35).

Упомянутое значение местоимения katrs встречается в старолатышских текстах (Mancelis > Igr 545), спорадично оно зафиксировано и в Кокнесе, Шлявиняс, Рауне (на материале народных песен). Возможно, что латгальские тексты отражают более древнее значение местоимения katrs (ср. лит. katrās 'который (из двух)'; Гр лит. яз. 166-167). Однако не исключено влияние старолатышской письменной традиции или литовского языка,

так как авторами первых латгальских книг являлись литовцы и поляки, владевшие литовским языком.

В памятниках латгальской письменности, особенно в источнике "Wуsъ а Мосіеуба ..", спорадично в изданиях более позднего периода представлены нехарактерные для говоров Латгале формы родительного падежа с определенным окончанием katrā, katrās, напр., vānia pasza iksz kotrōs (WMK I 10), un kotrōs wуuca (WMK I 13), wāynis .. kotrōs is nawa padareis (WMK I 187), kaydam byut' szam pasaulam, uz kotrā nu essim (Кэв 4).

Парадигма склонения местоимения kas (лит., пр., скр. kas Lgt 541) в основном соответствует нижнелатышским говорам и латышскому литературному языку. Отличается только форма местного падежа, имеющая в говорах Латгале фонетические варианты kamā, kimā, kumā. Однако в латгальских письменных памятниках из них представлен только kimā, распространенный в большинстве говоров Латгале (см. карту № 4), напр., kima (Dz3v 87), kuma (Sł 48), kimā зафиксировано также в грамматиках XIX века (Akielawicz 14, Kossowski 13).

Так же, как в латышском литературном языке и литовском языке, несклоняемая форма дательного падежа kam имеет значение 'почему'. Это широко распространено в говорах Латгале и спорадично зафиксировано в памятниках латгальской письменности, напр., kam ta wуusim tos szkolas (GM 1864, 50), ср. в говорах: kam tu wуtī wīstēdāi sctēni Андр (Ldt 8), kam tu tai darleji? Нтр. Однако форма kam в говорах Латгале имеет и значение 'потому что', нехарактерное для латышского литературного языка. Упомянутое значение отмечено и в латгальских

төкстах, напр., Sze treys' godi ir kay stimu makledams aug-
lus nu zo kuka, un neastrunu, nuciert tod winiu; kam brevwi
ayzjam ziemi (WMK II 125-126); ср. в говорах: tèi kâ skriñ
panuotâ, kâ jam sist' tu kuçeti, kam jau jèi rai tai Андp
 (Adt 6), siðdeiga iz mana slebrineica, kam munys vystys leiu
juc duorzâ Кшер.

Памятники латгальской письменности отражают характерное для говоров Латгале местоимение kurs (= нижнелат. kuřs или лит. kuřs (ж.р. kuris) < kuris Lgr 545), имеющее падежные формы с распространенным окончанием. Так как в памятниках латгальской письменности местоимение kurs, -a является весьма непродуктивным (в его значении чаще употреблен katrs, -a), формы местного падежа с распространенными окончаниями kuramâ, kurimâ зафиксированы лишь в некоторых источниках светского характера, напр., mistu, kuramâ tuļajk dziewowa (GM 1868, 45), szej ir tiej dina, kuramâ jvus paliksit (GM 1870, 53); balgi, kuruma jaucas majzia (Paw 14), nu to jvdina kuruma jynus mierciej (Paw 49); ср. в говорах: rejâ izmyurâc ser-
lis, kuramâ varâtu guni kurynuot' Изв (Adt 42), kuramâ u kurimâ Пр (FBR VIII 16). В одной грамматике XIX столетия отмечено, что местоимения kurs и kotrys склоняются как имена прилагательные (Kossowski 13), а в большинстве латгальских нормативных грамматик они не упомянуты, исключая грамматику П. Строда, в которой зафиксированы формы дательного падежа kurajam, -ajai и местного падежа kurajâ (с.56).

Местоимение kâds, -a в говорах имеет варианты kuods, kaids, keids (см. карту № 5), в памятниках латгальской пись-

менности из них представлены kuods и kaidis, наиболее распространенный kaidis, образующий компактный ареал употребления в говорах центральной, восточной и южной Латгале, напр., ar kaydu jam byja numiert (Ev 95), kaydu breyni Diws dareja (DzSw 15), kaydas bieja godozonas, runaszonas un dorbi муу(у) (ВМК II 65).

Реже в памятниках письменности встречается вариант kuods, -s, распространенный на севере и юго-западе Латгале, напр., Kodus auglus romets (Pawin 14).

Обобщающие местоимения

Система обобщающих местоимений в памятниках латгальской письменности также отличается от латышского литературного языка и нижнелатышских говоров. Наиболее продуктивными в латгальских текстах являются местоимения ikviens, -s, ikkatrs, -s 'каждый', напр., Ik kurs kuka, kotrys padūd lobu augli, byus izciersts (Ev 56), Un redzes ikwina mila pesti(zonu) Diwa (Ev 4), por ikwinu Cywaku (Pad 5), ikkotram nu iyusu wajaga labi darejt (GM 1868, 55), dorgaj wajaga mums byut ikkuraj dinaj (GM 1863, 59).

В говорах Латгале в качестве местоимений ikkurš, ikkatrs обычно употребляется местоимение katrs 'который', напр., kotrys ar sovim pierstim dzuobn i iedn Изв (Adt 37), kotrys zuda, ka tai navar darat Нтр. Одним из более продуктивных в памятниках латгальской письменности является местоимение sewkurš, 'каждый, любой', зафиксированное лишь некоторых говорах Латгале Агл, Мердз, Нр, Нтр, Цб в речи старшего поколения. Обычно местоимение sewkurš относится к живому существу, напр.,

Ar iaukuru cylvaku CI, smiertis gyvsta bez kauna (iau kuru
(DzSw 90), pažastieykuszy ir (ieukurs r: sowa moiu (WMK I
120); ср. в говорах: sūukurs // sūukuryš sowa dorbu dora žo-
buok kâ cyta Нр (Rudzite 356), sūukurs sowa žūmeiti strūoduo
Нтр.

В словаре Я. Курмина параллельно местоимению ikviens да-
ется заимствование из белорусского языка kāžns 'каждый':
Každy. Ikwina v. kažnyš (Sž 47); ср. блр. диал. кажны рас-
пространенное в северо-западных говорах Сл. бел. гав. 358 .
Местоимение kāžnyš спорадично зафиксировано в некоторых гово-
рах Латгале (Эз, Нр и др).

Местоимение viss 'весь' в говорах Латгале имеет фонети-
ческие варианты vuss и yuss. В латгальских текстах отражен
только vuss, характерный для говоров южной и центральной Лат-
гале, напр., vuffos diuos (Ev 48), vusu pijam ar prigū (Kurm
48), nu vyssas sirdies (Nab 28), vyssu sowa dyužu (GM 1863,
43); ср. в говорах: vusu žīnu sprāģān Скг, vusu kodu vusūmo-
vu Вл. Этот вариант стал нормой латгальского письменного язы-
ка более позднего периода (vyss Skrinda 35, vuss Daškeviča 41).

Определительное местоимение

Определительное местоимение мужского рода pats 'сам'
(< pats < patš) как в латгальских письменных памятниках, так
и в говорах Латгале имеет фонетические варианты pac и
pots, напр., Es tis pots ašmū (Ev 37), kav pots miloi sievi
(DzSw 21), kurs pots nu sewes (Kurm), kotrys pats' miekley
dyus (WMK II 87), pats' grybieja kab dutyktu winian vyssaidas
kryuōas (GM 1868, 45); ср. в говорах: ci gōnc pac' žyna is sātu

Андр (Adt 16), paš lobis paratrõors' Нтр.

Форма женского рода с основой на -iā poša 'сама' характерна как для текстов латгальской письменности, так и для говоров Латгале, напр., paša nucoia ió nieklet' (WMK II 14), tie poža persona ir un wayniga (Paw 131), Turei šobu paradu iksz pašas sātās (GM 1862, 48); ср. в говорах: poža pašfēs-si i lāiza pašfēsi Андр (Adt 9), poša pl-ādīeju i pl-aūžu Нтр.

Другие падежные формы местоимения женского рода соответствуют латышскому литературному языку и нижнелатышским говорам. Однако форма мужского рода pašs в латгальских текстах и говорах Латгале имеет два варианта склонений. В латгальских текстах и в большинстве говоров Латгале также распространен вариант, соответствующий латышскому литературному языку. В текстах зафиксированы некоторые падежные формы варианта склонения по образцу имен существительных с основой на i- (см. также Rudzīte 357), характерные для некоторых юго-западных говоров Латгале, напр., род. п. ед. ч. pu patis pašasara (Буза мос 24) (ср. patis Кал), дат.п. patim: tiew patim nu-wilks drebes (Pađ 9), uz kola patim jockvst (Буза мос 51), patim datyke .. šliniba (GM 1863, 46), ср. в говорах: patim juobyūt kluōt Кал (Adt 63); вин.п. pati: stāwe siowi pati por manim (Pađ 5).

Неопределенные местоимения

Группа неопределенных местоимений как в латгальских текстах, так и в говорах Латгале наиболее обширна по сравнению с латышским литературным языком. Наряду с местоимениями sits,

-а 'другой' kāds, -а 'какой', kāids, -а 'какой', kurs, -а 'который', характерными для литературного языка, в говорах распространены неопределенные местоимения kas, kurš, kāds в сочетании с частицами da, koš, kazu, lez и причастием nebijis, что зафиксировано и в латгальских письменных памятниках, напр., bieja neskaids saimnīks (Paw 62), kaydu nibievs (WMK I 16), dīel kajdas nibiejs slimieibas (GM 1862, 56).

Неопределенное местоимение kas 'кто' в говорах Латгале так же, как и в литовском языке, часто употребляется в качестве субстантива, указывая на неизвестное, незнакомое лицо. Это спорадично зафиксировано и в латгальских текстах, напр., Kay tod loffe kaydu erszkieszimwēyna ūkas (Ev 46); ср. в говорах: ci zudova kas, ka jī adbrāuks Эз, kām sacīes kas koš vārdū Нтр.

В латгальских текстах широко распространены такие словосочетания с неопределенными местоимениями, как kas dienas 'каждый день', kas nedēles 'каждую неделю' (ср. лит. kas diēn, kas savaitē), напр., Paleydz .. nūms kas reuzies (Dz3w 95), kas Niedielis (WMK II 146), kas wokora dareyt (WMK II 150); ср. в говорах: kas dīncis, kas svādinis (30 FRB X 36), kos labi nūjsūga māizē Нтр.

Отрицательные местоимения

Проблематичным следует считать выделение отрицательных местоимений в отдельную группу, ибо более целесообразно отнести их к разряду неопределенных местоимений (ср., напр., тер-

мин отрицательно обобщенные местоимения как подгруппа разряда неопределенных местоимений, Гр. лит. яз. 171). В отличие от латышского литературного членка в латгальских текстах и говорах отрицание при помощи префикса ni- (nikas) 'никто, ничто', nikāds, nikāids, -a, nivīns 'никто'. Ареал употребления местоимений nikāds, т.е. nikuods и nikāids соответствует местоимениям kuods и kāids. Более распространенный из них в латгальских текстах nikāids, напр., Ni keydu brysniu nikod nasableysi (DzSw 105), nikāids launums (CI), nawa nikayda dorba pi biszu (Буса моч 64). Однако встречается и вариант nikuods: nikoda lita (Pawin 4), Nikods win dorbs na pazamnoj cykwaku (GM 1871, 44).

Местоимение nikas как в латгальских текстах, так и в говорах Латгале широко распространен в значении 'никто' и 'ничто', напр., ni ko na ešim duzwie ļowuzy (Bv 53), nikas mums naway sadereis (Bv 21), wyšim smieris ir zynoma un nikas nu iōs izbiekt naway (ВМК II 135). Последнее не характерно для латышского литературного языка, но встречается в литовском языке (ср. лит. niēkas 'никто, ничто' Гр. лит. яз. 158).

На основании анализа материала можно сделать вывод, что система местоимений в памятниках латгальской письменности гораздо шире, чем в говорах Латгале, латышском литературном языке и нижнелатышских говорах. Это определяется следующим:

1. Латгальские тексты весьма последовательно отражают характерные для говоров Латгале местоимения, отсутствующие в латышском литературном языке и нижнелатышских говорах:

личные местоимения jis 'он', ji 'она', jie 'они', jās 'они' (форма ж.р.);

притяжательные местоимения с корнем mu- (muṣ, -a 'мой';

указательные местоимения itis, iti 'этот, эта', taids, -a, itāids, -a 'такой';

вопросительные, относительные, определительные и неопределенные местоимения kurš, -a 'который', kāids 'какой', а также сочетания неопределенных местоимений kāids, kas с частицами da, koč, kazi, nez или с причастием nebijis напр., kazi kāids, nezkāids, nezkurs, kas nebijs 'кто-нибудь';

обобщающие местоимения sevkurs, kāžns 'каждый';

отрицательные местоимения имеют префикс ni-, местоимение nikas в отличие от литературного языка и нижнелатышских говоров имеет не только значение 'что', но и нехарактерное для литературного языка 'кто'.

2. В памятниках латгальской письменности значительно влияние старолатышской письменной традиции, т.е. в латгальских текстах часто употреблены несвойственные говорам Латгале такие местоимения, как viņš, -a 'он, она', šis, ši 'этот, эта', ikkurs, -a, ikviens, -a 'каждый'.

Падежные формы местоимений в латгальских текстах разделены двумя ареалами говоров: начальный период латгальского письменного языка основывается на южных говорах Латгале и селонских говорах Земгале, а в середине XIX столетия - с деятельностью Г.Мантевфеля на латгальский письменный язык влияют морфологические особенности группы говоров центральной и восточной Латгале. С другой стороны, влияние старола-

латышской письменной традиции также характерно для употребления некоторых падежных форм местоимений.

Система падежных форм в памятниках латгальской
письменности

Падежные формы, употребляемые в книжной Латгале	Падежные формы, характерные для говоров центр. Латгале	Падежные формы под влиянием старолатышской письменной традиции
Общая форма род. и вин. п. <u>tevi</u> , <u>sevi</u>	род. п. <u>mana</u> , <u>teva</u> , <u>seva</u>	род. п. <u>manis</u> , <u>tevis</u> , <u>sevis</u>
твор. п. <u>ar mani</u> , <u>ar tevi</u>	твор. п. <u>ar manim</u> , <u>ar tevim</u>	
дат. п. <u>mums</u> , <u>jums</u>	дат. п. <u>myusim</u> , <u>iyusim</u>	
вин. п. <u>mūs</u> , <u>jūs</u> , <u>mums</u> , <u>jums</u>	вин. п. <u>myusus</u> , <u>iyusus</u>	
местн. п. <u>jamā</u> , <u>jamōs</u> , <u>szamā</u> , <u>tamā</u>	местн. п. <u>jimā</u> , <u>jimōs</u> , <u>šimā</u> , <u>timā</u>	местн. п. <u>iekš</u> (<u>iekšan</u>) <u>manis</u> , <u>tevis</u> , <u>iekš jums</u> <u>iekš ja</u> , <u>viņa</u>

Список литературы

- Akielewicz - Grammatyka Inflancko-Łotewska krotko zebrana dla Uszycych się Ięzyka Łotewskiego. W Wilnie. Roku 1817, s. 44.

- Adt - Augšzemnieku dialektu teksti.-R., 1983.
- Barbare - Barbare Dz. Vietniekvārds. - kr. Morfologiskās sistēmas attīstība (manuskripts).
- CI - Cylwaks izskigs aba mocleyba ab karrybom cylwaka, ik winam Darreyga.-Polockâ, 1808.
- Daškeviča - Daškeviča V. Latgališu volūdas gramatika. - Moskovâ, 1936. - 105 lpp.
- Disp - Dispositio Imperfecti ad Optimum seu Rudimenta grammatices Lotavicae .. Ab imperfecto Authore Imperfecti pariter Idiomatis Explanatore Ad salutem et Perfectionem rudium Animarum cum Adjuncta Catechesi Apostolico Missionarium Zeilo Suppeditata Permissu Superiorum. Anno Loquentis nobis in Verbo Infante Dei 1732. Vilnae typis Collegii Academici Societatis Jesu.
- Dzsw - Dziemies Swatas uz guda Diwa Kunga, Jumprowas Maryas un Diwa Swatu izdrukowotas Wilna pi Baznickungu Bazylianu 1821. goda, 12g.
- GM 1862 - Infantu ziemies Ēajkagromota aba Kalenders uz 1862 godu. Rejga, Noma tajsieszonas gromotu E.Pātesa. Ēajka gromotys pyrmajs gods.
- GM 1863 - Infantuziemies Ēajkagromota uz 1863 godu, R., 1862.
- GM 1864 - Infantuziemies Ēajkagromota uz 1864 godu, R., 1863.
- GM 1865 - Infantuziemies Ēajkogromota uz 1865 godu, R., 1864.

- GM 1866 - Inflantu ziemes Ļajkagromota uz 1866 godu.-R.,
1865.
- GM 1867 - Inflantuziemies Ļajkagromota aba kalenders uz
1867 godu.-Darpata, 1866.
- GM 1868 - Inflantuziemies Ļajkogromota uz 1868 godu.-Dar-
pata, 1867.
- GM 1869 - Inflantuziemies Ļajkagromota uz 1869 godu.-R.,
1868.
- GM 1870 - Inflantuziemies Ļajkagromota aba Kalenders uz
1870 godu.-R., 1869.
- GM 1871 - Inflantuziemies Ļajkagromota aba Kalenders uz
1871 godu.-R., 1870.
- EH - J.Endzelins un E.Hauzenberga. Papildinājumi un
labojumi K.Milenbaha Latviešu valodas vārdnīcai,
I-II. - R., 1934-1946.
- Eysa moc - Eysa mocība ap audziešzonu biszu .. Jozef
Akielwicz kanonik Kijowski. - Wilna, 1832. -
65 lpp.
- Eysa sal. - Eysa Sakasiešzona Historyas Wača un Jauna iz-
stoduma. - 85 lpp.
- FER - Filologu biedrības raksti. I-XX. -R., 1920-1940.
- Kaw - Kawieklis piestieygs aba Piestieyga Mocieyba ab
Numani Dāwa Połocka, 1808, sarakstijis St.
Baginski. - 31 lpp.
- Kossowski - Grammatyka Infantska-Łotewska dla uczyćcych się
języka Łotewskiego ułożona przez Tomasza Kos-
sowskiego plebana Likanienskigo, - Ryga, 1853.

- KrC - Krysta cielsz cizdama Kunga Jezu Chrysta Pestitoja myusu nu setas Pikata net uz kořna Kalvaryas ejams, .. Połocka, 1821. - 48 lpp.
- Lgr - Endzelins J. Latviešu valodas gramatika. - R., 1951.
- Lkigr - Zinkevičius Z. Lietuviu kalbos istorinė gramatika, t.2. - Vilnius: Mokslas, 1981.
- ME - K.Milenbaha Latviešu valodas vārdnīca / Redīgējis, papildinājis, turpinājis J.Endzelins, I-IV. - R., 1923-1932.
- Mllvgr - Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. I d. - R., 1959.
- Nab - Naboženstwo ku czci y chwale Boga etc. ... z polskiego przetłumaczone i licznemi piesniami i modlitwami pomnozone w Połocku w uprzywilejowanej Jego Imperatorskiej Mości Drukarni Coll. S.J. Roku panskiego 1798, 417 lpp.
- NChr - Nauka Chrescianaška Łotewskim Jykiem Wyrażona. W Wilnie, w Drukarni J.K.M. Akadem. 1775. - s. 77.
- Psw - Pawujciejszona un wyssajdi sposobi diel' ziemniku Łatwiszu Ķasieja, nu wyssajdu Gromotū Leszsku, rakstieja un iz-dewia Bazniejckungs Jezups Macilewicz, Wiersiniks Bazniejcaq Kawnatas. - Wilna, 1850.
- Pwin - Pawinnasties kristigas aba Katechizms. - Wilna, 1808.-221 lpp.
- Rosinas 1983 - Rosinas A. Analogijos vaidmuo latvių kalbos

- asmeninių įvardžių formų raidoje// Baltistica XIX (1), 1983.-52.-65 p.
- Rudzīte - Rudzīte M. Letviešu dialektologija. - R., 1964.
- Skrinda - Скринда А.Д. Латвийская грамматика латгальского наречья. - Сиб., 1908.
- Słownik - Słownik Polsko-Łaciniško-Łotewski Jana Kurmina. - Wilno, roku 1858.
- Strods - Štrods P. Pareizraksteibas vōrdneica. - Rēzeknē, 1933. - 215 lpp.
- Trasuns - Trasuns F. Latwišu Voļudas Gramatika del latgališim. - R., 1921. - 78 lpp.
- WMK - Wyssa Mocięyba katoliszka saug wauoczonom un ātsacieyszonom salykta .. Połocka, 1805. - I d. - 195 lpp., II d. 160 lpp.
- Гр. лит. яз. - В.Амбразас, А.Валецекни, Э.Валюлите и др. Грамматика литовского языка. - Вильнюс, 1985.
- ДАЛЯ - Дialeктологический атлас латвийского языка /картотека хранится в Институте АН ЛССР/.
- Сл. бел. гав. - Слоўнік беларускіх гаворах паўночна-заходнай беларусі і яе пагранічча. - Мінск, 1980. - Т. 2.
- Маятинская - Маятинская К.Е. Местоимение в языках разных систем. - М., 1969.
- Нитинь - Нитинь Д. Местоимение в системе частей речи латвийского языка// ВЯ. - 1987. - № 6. - С. 90-100.
- Ргр - Русская грамматика. 1. - М., 1982.

- Росинас 1984 - Росинас А.А. Местожимения балтийских языков: синхрония и диахрония: Автореф. дис...д-ра филол. наук.-Вильнюс, 1984.
- Туменас - Туменас С.С. Явления именного аналитизма в севернолитовских говорах с редукцией окончаний: Автореф. дис...канд. филол. наук.-Вильнюс, 1988.-24 с.

Сокращения

- аукшт. - аукштайтские говоры литовского языка
- блр. - белорусский
- диал. - диалектная форма
- го. - готский
- скр. - санскрит
- старосл. - старославянский
- лат. - латинский
- лит. - литовский
- лтш. - латышский
- пол. - польский
- > - превратилось
- < - произошло
- = - соответствует

Алфавитный список говоров

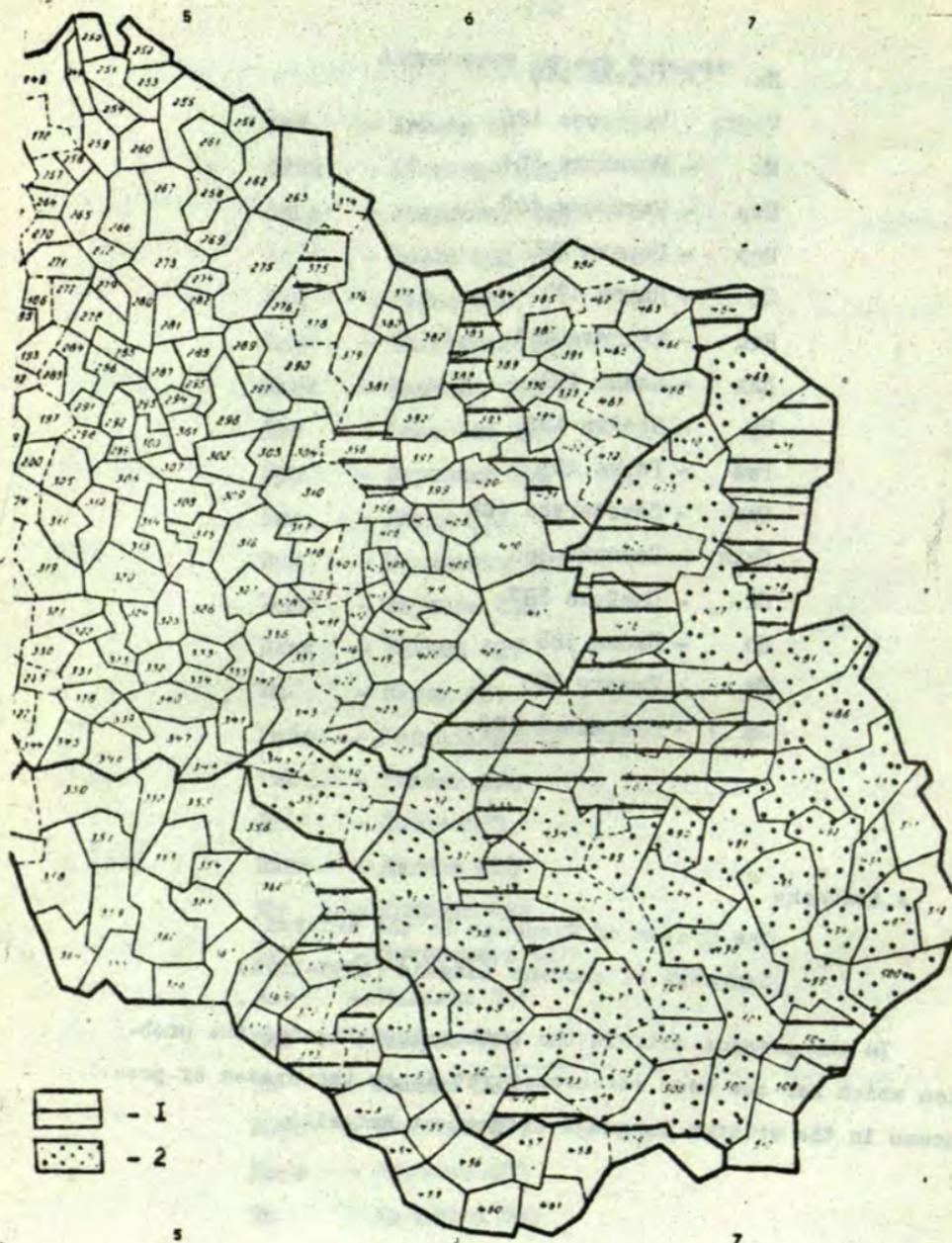
- Агя - Аглона 447
 Аяэк - Аяэкалине 446
 Андр - Андрупене 448
 Ас - Асуне 504
 Аул - Аулея 502
 Балт - Балтинава 478
 Барк - Баркава 425
 Брг - Берзгале 485
 Брп - Берзпило 476
 Брж - Биржи 362
 Врк - Варамяны 426
 Варк - Варкава 438
 Вльн - Виляны 427
 Вл - Вилки 451
 Гайг - Гайгалава 479
 Гал - Галены 434
 Дг - Дагда 503
 Дигн - Дигная 435
 Др - Дрицени 482
 Зв - Звиргэдене 487
 Изв - Извалта 505
 Кал - Калупе 445
 Кп - Капьяи 501
 Каро - Карсава 481
 Каун - Кауната 495
 Кр - Краслава 506

Лк	- Ликсна	450
Мерлз	- Мердзене	486
Мк	- Макашени	484
Нтр	- Наутрени	480
Нер	- Нерета	365
Нр	- Нирза	493
Нип	- Ницгале	444
Плд	- Пялда	492
Пр	- Прейли	439
Рез	- Резна	491
Скг	- Сакстагалс	483
Селп	- Селпилс	388
Ск	- Скайота	507
Цб	- Цибла	488
Шк	- Шкяуне	500
Эз	- Эзерниеки	499

A.Stafecka

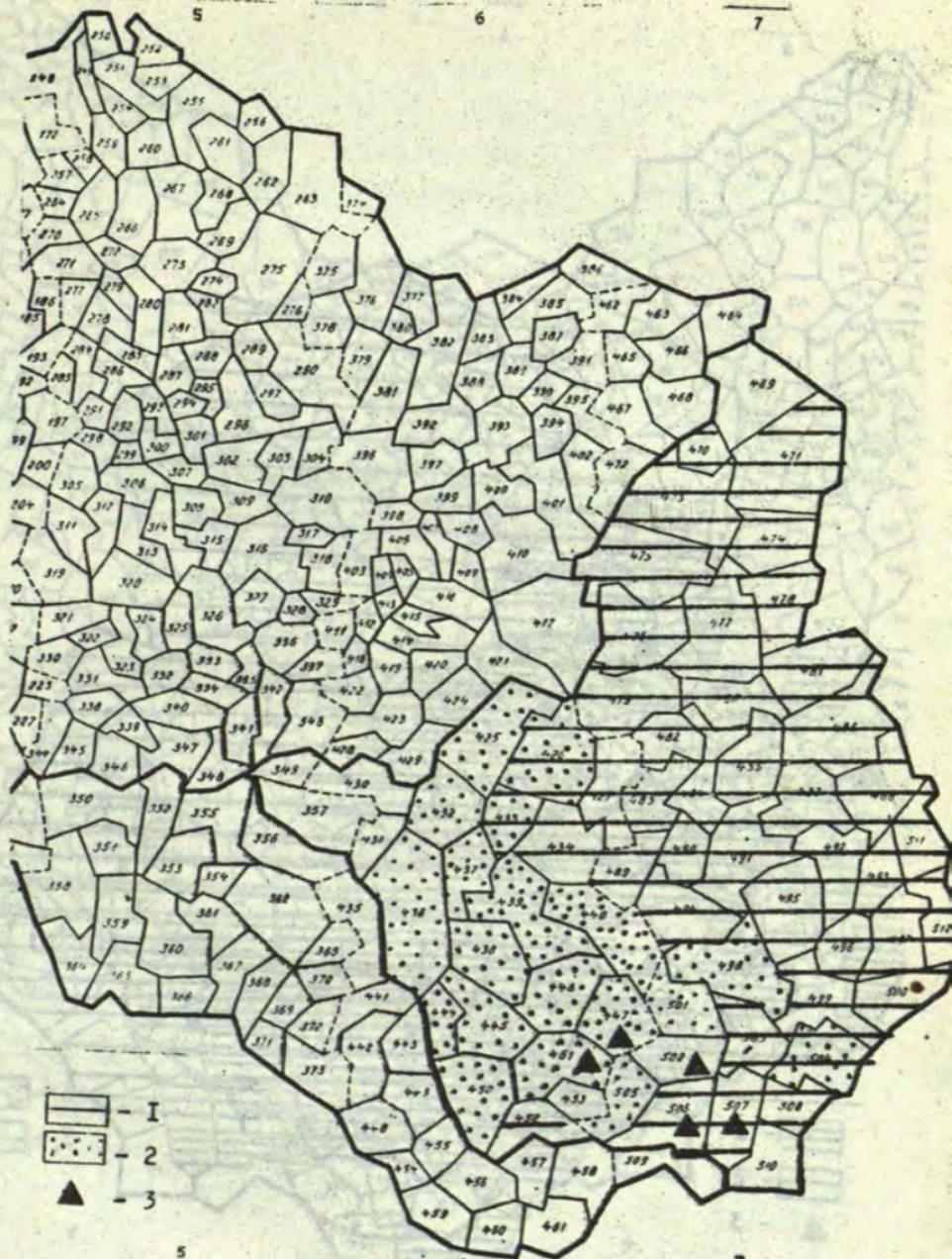
The System of Pronouns in the written
language of ancient Latgale (1753-1871)

In the present article the author investigates the problem which has not been researched yet. It is the system of pronouns in the written language of ancient Latgalls.

I. Формы творительного падежа личного местоимения я :

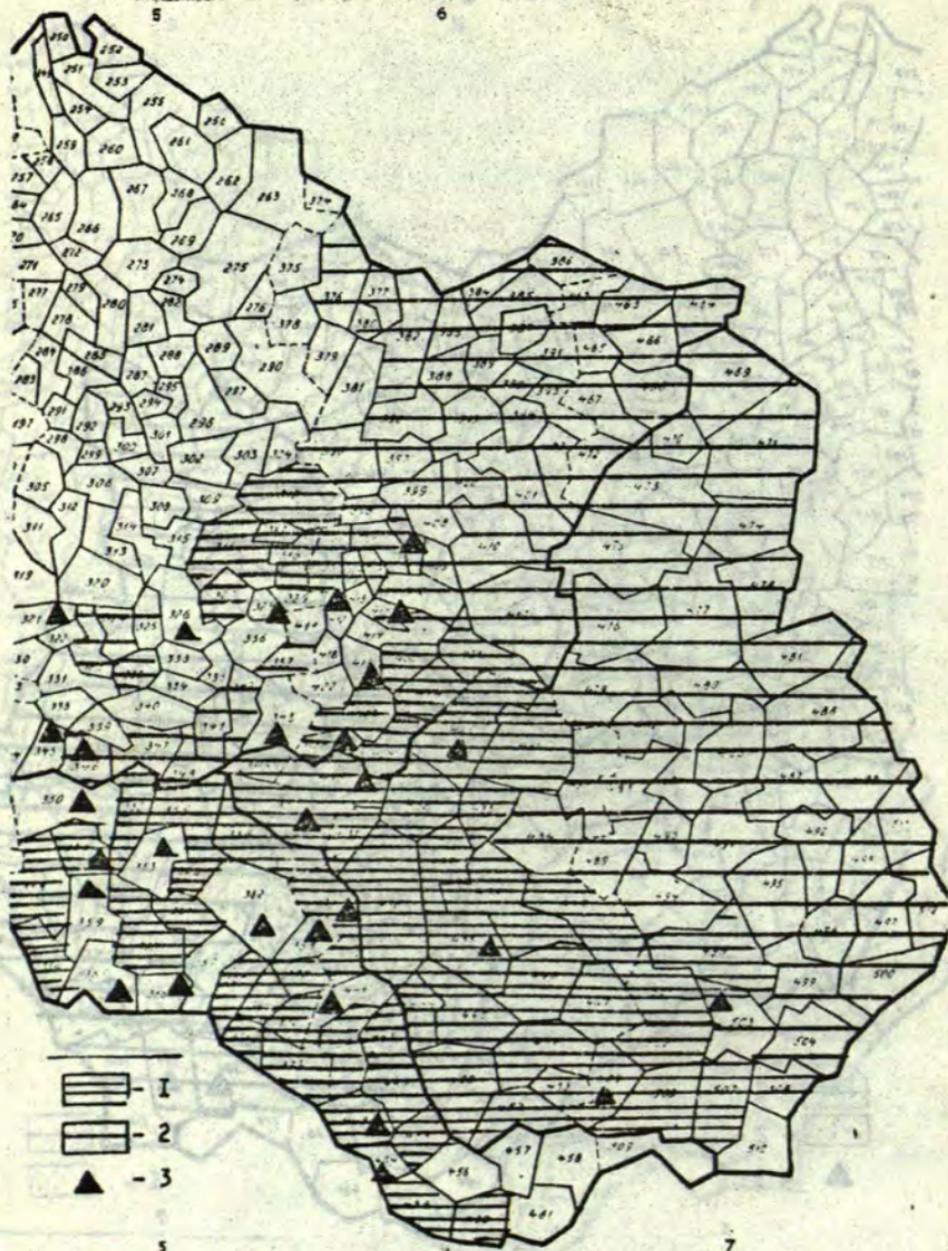
1 - яг мамі ; 2 - яг мамі.

- I
 ••••• 2
 ▲ 3

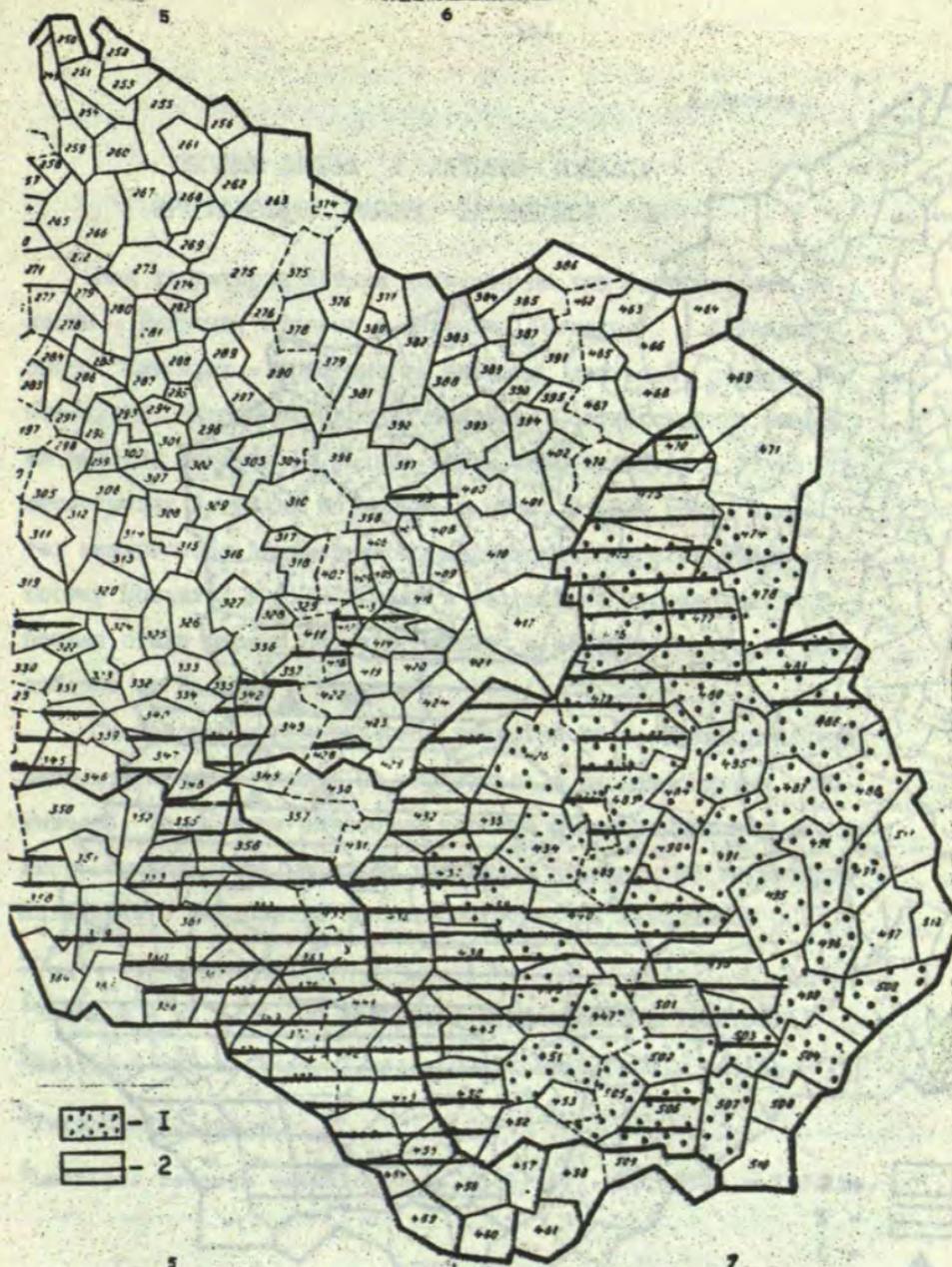
2. Формы дательного падежа личны местоимений мэз 'мы', јис 'вы':

I - мүзим, јүзим; 2 - мүс, јүс, 3 - мүа, јүа.

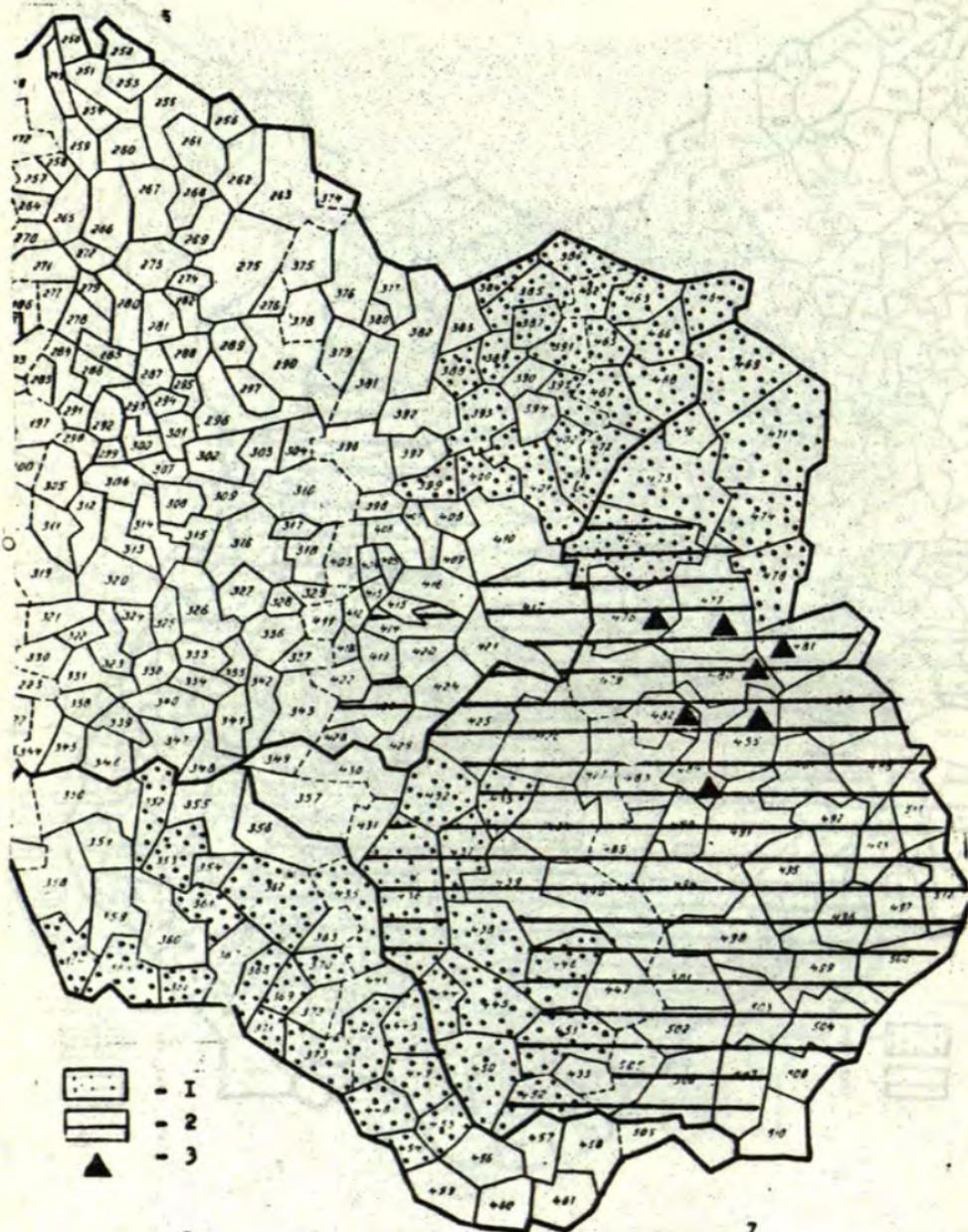
3. Формы винительного падежа личных местоимений мѣ 'мы', јѣ 'вы':

1 — мыс, јус; 2 — мѣсус, јѣсус; 3 — мѣмс, јѣмс.

4. Формы местного падежа местоимения кто 'кто, что': I - кима;

2 - кома.

5. Барманты местомениий каас 'какон', тадс 'такон': 1 - куодс, туодс,
 2 - кеидс, таидс; 3 - кеидс, таидс.

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА У ЛАТЫШЕЙ ИЗВАЛТЫ
 КРАСЛАВСКОГО РАЙОНА ЛАТВИЙСКОЙ ССР

Вся территория Латвии делится на три исторические области - Видземе, Курземе и Латгале (Латгалия). Л.Л. Тайван пишет: "Латгалия - край многих народов: латгалов, русских, белорусов, литовцев, евреев, поляков. Соответственно, каждый из народов сохранил и развил здесь свою культуру..."¹ Но своеобразие Латгалии не только в этом. В 1629 году, после так называемого Альтмаркского перемирия, Латгалия вошла в состав Польши², а в 1772 году в результате первого раздела Польши стала частью царской России³ и до 1919 года была обособлена от Видземе и Курземе⁴.

Своеобразное историческое развитие края, взаимодействие разных культур не могло не отразиться в системе личных имён жителей. Рассмотрим некоторые аспекты функционирования личных имён (антропонимов) латышей, живущих в деревнях на территории Извалтского сельсовета Краславского района Латвийской ССР.

¹Т а я в а н Л. Л. По Латгалии. - М.: Искусство, 1988. - С. 6.

²Latvijas PSR vēsture, 1. sēj. - R.: Zinatne, 1986. - 98. lpp.

³Turpat. - 112. lpp.

⁴Latvijas Padomju enciklopēdija, 5(1) sēj. - R., 1984. - 723. lpp.

Название места Izvalta или Uzvalda встречается уже в документах начала 19 века. Историк Б.Брежго, опираясь на архивные материалы, указывает, что в 1814 году монахи-иезуиты кончили строительство монастыря в Извалте¹. Но уже 13 апреля 1822 года правительством царской России был принят указ об изгнании иезуитов из их поместий, а извалтские монастырские земли стали государственной собственностью.²

На территории Извалтского сельсовета в 33 деревнях живут 350 семей, 280 из них — семьи латышей. Местные жители вспоминают, что ещё в начале нашего века здесь звучала не только латышская (верхнелатгальский диалект) и русская речь (в старообрядческих поселениях). Были деревни, в которых говорили по-литовски, по-белорусски, по-польски.

Характерно то, что русские жили очень обособленно. А.А.Заварина о русских в Латгалии пишет: "Барьером, препятствовавшим проникновению элементов латышской, белорусской культур в культуру русского населения, овладеваю им латышским языком, служила церковь, которая активно выступала против проникновения всего нового в культуру, быт верующих. Кроме того, и это, пожалуй, самое главное, старообрядческая церковь, впрочем, как и католическая, не допускала смешанных браков..."³

¹ В р е й г о В. Latgolas pagotne, I. — Daugavpili, 1944. — 9. lpp.

² В р е й г о В. Latgolas zemniki krīvu dzimtbūvīšonas laikā. — Viļaka, 1940. — 31. lpp.

³ З а в а р и н а А.А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX — начале XX века. Р.: Зинатне, 1986. С. 238.

Литовцев, белорусов и поляков с латышами объединяла католическая вера. Это способствовало их слиянию. Многие из крестьян национальных меньшинств по собственному желанию формально стали латышами, а со временем окончательно латвизировались. Следы их подлинной национальности хранят лишь фамилии и названия деревень, в которых они живут.

Местные латыши говорят на глубоком латгальском говоре верхнелатышского диалекта. Молодое поколение знает латышский литературный, но чаще употребляет русский язык, который до сих пор является языком делопроизводства (за исключением школы с латышском языком обучения).

"Форма именованя лиц т.е. антропонимическая формула у латышей двучленна и состоит из имени и фамилии..."¹ Это относится и к антропонимии Извалты в официальной форме, напр.: Jānis Bolinš, Lilīta Celītāne. В условиях многоязычного использования письменной формы фамилий (они могли быть употреблены в свое время на польском, русском, а в 20-ые-40-ые годы нашего века на латышском языках) у некоторых из них набор антрополексем стал непрозрачным, напр.: Муран - Murāns; Целитан - Celitāns; Кривин - Krīviņš и др.

Латыши Извалты имеют 122 варианта фамилий, 75 из них - фамилии одной семьи. Самая распространенная фамилия - Целитан, Целитанс, Целитане. 24 семьи имеют эту фамилию. За ней следуют Стивринь, Стивриньш, Стивриня, Стивринь, Стивриньш, Стивриня (14 семей); Япинь, Япин, Япина, Япинс (13 семей) и т.д.

¹С т а л т м а н е В. Э. Латышская антропонимия. Фамилии. - М.: Наука, 1981, - с.3.

Можем предположить, что предки этих семей издавна живут в окрестностях Извалты, ведь здесь встречаем и аналогичные названия деревень, напр.: Цетитаны, Малые Стиврини, Большие Стиврини, Лесные Япины и др.

Цель данной статьи — рассмотреть не только антропонимы, употребляемые в официальной коммуникации, но и дать характеристику бытовым формам антропонимов, употребляемых в Извалте.

Чтобы мы могли лучше понять систему бытовых антропонимов, нужно изучить именные жители Извалты. Как отмечает В.Э. Сталтмане, "... список канонических имён был относительно закрытым, к тому же имя, числящееся в списках церковного календаря, становилось как бы стандартом, допускающим различные его трансформации в быту, но строго требующим записи имени в официальной коммуникативной сфере в форме, тождественной своему эталону в календаре"¹. Так как канонические формы имён были чужды формам диалектной речи, они фонетически и морфологически переоформлялись. На основе этих уже адаптированных форм были созданы гипокористики и дериваты с деминутивными значениями, напр.: Jāzeps - Jozeps, Jozups, Jozupāņš, Južā, Jozeftā; Francis - Prapa, Prapeftā, Prānka, Prāņš, Prāņcēc; Vincentins - Vinca, Vincāņš; Boļeslavs - Boļušs; Kaspars - Gaspārs, Gasparec; Jānis - Jūņc, Jūņcēc; Antons - Ņtōnc, Ņtūnc, Ņntā, Ņntušs, Ņntušc; Felikss - Pēļuks; Monika - Mopa, Mopeftā; Marija - Marēja, Mūora; Anna - Aņa, Aņcā, Aņeftā; Emilija - Miļa, Helēna - Gēļa, Regina - Rēņa.

¹Сталтмане В. Э. Латвийская антропонимия. Фамилии. — М.: Наука, 1981, — С. 6.

Многие семьи, даже в одной деревне имеют одну и ту же фамилию, а часто одно и то же имя, поэтому официальная антропонимическая формула (имя фамилия) употребляется в бытовой речи редко. Для образования бытовой системы антропонимов служат: 1) личные имена, 2) патронимические образования от личных имён с формантом - ans, 3) прозвище лица или его родителей (семейное), 4) название села, в котором живёт носитель данного антропонима, а в некоторых случаях и фамилия.

Самая распространенная формула бытового антропонима - имя отца, реже матери, в родительном падеже и бытовая форма имени человека: Vincuz Baluśá, Ignata Monetta, Gaspara Mora. Могут быть использованы и патронимические образования от личных имён с формантом - ans: Prancalànc, Vincalànc, Mùoralànc (мать - Mùoga).

Патронимические образования такого типа могут служить семье в течение нескольких поколений и стать своеобразным семейным прозвищем, которое в форме родительного падежа используется вместе с именем: Prancalàna Jùonc (сын); Prancalàna Mìla (жена); Vincalàna Ancá (дочь). Эта формула может быть использована и при именовании родственников этих людей. К ней присоединяется имя существительное обозначающее степень родства, или имя собственное: Prancalàna Mìlís dals или Vincalàna Ancís Jozuránc.

Если о человеке говорят люди, которые не живут с ним в одной деревне, то к уже рассмотренным антропонимическим

формулам добавляется название деревни в форме родительного падежа множественного числа (поскольку названия деревень в Извалте имеют формы только множественного числа): Murānu Vīncalāna Arcīš Jozurānc или сокращённо: Murānu Vīncalāna Jozurānc, или Vīncalāna Jozurānc.

Возможна и антропонимическая формула в которой вместо патронимической формы употребляется адаптированная фамилия: JākaVīla (фамилия) Ņntā, JākaVīla Ņntis' Apa (жена), Murānu JākaVīla Ņntis Bļuks. Фамилию может заменить прозвище, которое имеет муж, жена или родители мужа: Zača Gēla (отец получил прозвище 'zakis' 'заяц', потому, что мать его в детстве часто так называла); Prymaku Apa (отец был примакон); Stūrmaku (название деревни) Suka.rukdo Rēna (прозвище отца человек с сухой 'неразвитой' рукой). Прозвища могут быть очень разными и заслуживают отдельного исследования.

Как и в других частях Латвии, в Извалте жену могут называть, используя формулу - имя или фамилия, прозвище мужа суффикс - īpa: Mūcal'īpa, Vīnc'īpa.

Исследования антропонимической системы Извалты и других мест Латгалии должны быть проведены как можно скорее, поскольку молодое поколение в повседневной речи уже создает другие антропонимические формулы. На первый план выступает фамилия, меняется и именование, детям редко даются старые канонические имена, которые служили столетиями.

Чтобы говорить об одной или другой проблеме антропонимикона данного региона, нужно эти вопросы рассматривать в рамках исторического процесса. Для этого необходимо изучить

антропони́мы, встречающиеся в старинных книгах, документах, рукописях, что и является следующим этапом данного исследования.

L. JURČĪTE

THE NAMES OF THE INHABITANTS OF IZVALTA
IN KRĀSLAVA DISTRICT OF LATVIAN SSR

The subject of the investigation is the surnames and christian names and their functioning in everyday speech by the inhabitants of Izvalta in Krāslava district of Latvian SSR.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
А.БРЕЙДАК. Супraseгментные единицы в фонологической системе глубоких говоров Латгалии	4
А.БУЛАНЕ. О некоторых древних суффиксах прилагательных латгальских говоров верхнелатышского диалекта	12
Л.ЛЭЙКУМ. Факторы, повлиявшие на образование говоров окрестностей Краславы	40
Д.МАРКУС. Слоговые акценты в зиешерском говоре верхнелатышского диалекта	68
А.САРКАНИС. Слоговые интонации селонского говора Калдабруня	81
А.СТАФЕЦКА. Система местоимений в памятниках латгальской письменности (1753-1871)	100
Л.КРИТТЕ. Личные имена у латышей Извалты Краславского района Латвийской ССР	143

ВЕРХНЕЛАТЫШСКИЙ ДИАЛЕКТ

Сборник научных трудов

Рецензенты: Л.К.Цеплитис, Институт языка и литературы
АН ЛатвССР, д-р филол.наук;

М.Б.Лейтоне, педагогический ф-т ЛГУ им.
П.Стучки, канд.филол.наук.

Редакторы: А.Брейдак, Н.Терентьева
Технический редактор С.Линия
Корректор И.Балоде

Подписано к печати 19.12.1989. ф/с 60х84/16.
Бумага №1. 9,8 физ.печ.л. 9,1 усл.печ.л. 7,1 уч.-изд.л.
Тираж 400 экз. Зек. № 1263 Цена 1 р. 50 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
226098 Рига, с.Райниса, 19
Отпечатано на ротапринте, 226050 Рига, ул.Вейденсзума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

80011

LU BIBLIOTĒKA

948009462

568

94

10

2001

09

1 p. 50 k.